

ГАЛИНА СОКОЛОВА И ЭЛЛА МАЗЬКО

**ТАЙНЫЕ
КАСАНИЯ
АРИАДЫ**

ТРИ КАСАНИЯ С ТРЕМЯ ЭПИЛОГАМИ

Издательский дом Дмитрия Бурого
Киев, 2021

УДК 821.161.1(477)-1
ББК 84(4Укр=Рос)6-5
С-59

Галина Соколова и Элла Мазько

Тайные касания Ариадны. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2021. – 246 стр.

Эта повесть – самый загадочный плод в литературном саду Галины Соколовой и Эллы Мазько... Что это? Антиутопия? Реализм? Или концептуальный оксюморон, раскачивающийся на древе словесности авторов между ясностью и амбивалентностью? Но хоть вкус плода раскроется не с первого укуса, в итоге он покорит даже самого взыскательного гурмана.

ISBN 978-966-489-569-6

© Галина Соколова, 2021
© Элла Мазько, 2021
© Ника Усольцева, обложка, 2021
© Гарри Перельдик, послесловие, 2021

**КАСАНИЕ ПЕРВОЕ (ЧТО БЫЛО)
ОТВАЖНЫЕ НА ОТВАЖНЫХ**

*Кто не любит острое,
тот не может быть
настоящим революционером.
Мао Цзэдун.*

В мае 2020-го Одессу потрясло громкое дело. Ему присвоили сложноподчинённый номер и назвали «Делом якутов». В Одессе?! Так точно. Девять месяцев оно зрело под улицей Отважных и в конце концов превратило одного отважного выпускника академии СБУ в звезду, подсыпав ему звёзд на погоны. И не только ему... Хотя никаких якутов в «Деле якутов» не было.

*

А было так. В одно велюровое утро предыдущего августа-месяца одна мадам по фамилии Переляк, старожил Царского Села, кайфовала в одноимённом кафе. Все приличные города, помимо черёмушек, имеют и свои царские сёла. У одесситов это бывшее «ПГТ Мизикевича», красного коменданта города. В 90-х посёлок облюбовали местные нувориши, и с тех пор риэлторы не любят это коттеджное урочище – дорого, мало у кого найдутся такие деньги.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Плюс громкое название «не соответствует»: в Царском почти нет табличек с номерами, и нужный вечером дом можно искать до утра. Нет и охраны со шлагбаумом, как принято в иных коттеджных посёлках. Очистные сооружения требуют ремонта. И вообще, село хоть и одесское, но приписано к Таировскому сельсовету. То есть топографически полсела – в черте города, полсела – вне. Золотая межа проходит именно по Отважных: нечётная сторона – элита, чётная – чернь. Короче, не царское это дело – жить в Царском Селе. Но вот кафешка на углу Отважных и Славянской если не царская, то королевская наверняка.

Там и вкушала «кофе по-турецки» Переляк Катерина Петровна – не худая и не толстая, уже не шатенка, но ещё не блондинка, рослая (около 173 см) дама в морковном халате. Вкушала и лениво переругивалась в Зуме¹ с пациентами, ибо трудилась онлайн-психологом. Профессию свою она не любила, считая психологию пустой тратой времени и лженаукой. Данный силлогизм осенил её уже после покупки надлежащего диплома. На более крутой денег тогда не хватило, а нового шанса приобрести его не случилось.

Раньше Переляк отжигала стюардессой – летала самолётами «Аэрофлота». Позже – «Аэросвита». А потом пе-

¹ Zoom Video Communications – коммуникационное программное обеспечение, предоставляющее услуги удалённых видеоконференций, чатов и мобильной совместной работы в Zoom Meetings.

репутала двери и вместо рекрутингового офиса «Odessa Airlines» угодила на мастер-класс психолога Поплавской¹. Послушала – понравилось. Сама и «переобулась». Тем более что и возраст поджимал – с подносом по проходу порхать уже несладко. Первое время бывшая «небесная ласточка» подвизалась возле дома, в частной клинике «Гономед Славянский», структурном подразделении клиники «Славянский Медогон». Его реклама сулила всех исцелить от всего. Позже светодиодная «м» скосила налево, весело перекрестив заведение из гономеда в гомноед, и страждущие предпочли медикаментозному лечению душевные посиделки. С психологами. За бутылкой. Отчего клинике и не продлили лицензию.

Все эти изначальные подробности не случайны. Они необходимы, чтобы при желании расплести это словесное макраме – иначе не уследить за перемещениями некоторых гомноедовцев. Вот доктор Переляк «сместилась», так сказать, в онлайн. Это и модно и без риска получить в глаз от пациентов – такой вид общения похвалил бы сам доктор Перлз. Его бы мозги да к её диплому! Но Переляк о докторе таком не слышала. И слышать не хотела, особенно узнав, что за всё время Нобелевскую премию дали одному-единственному психологу. Тю!

¹ Е.В. Поплавская – выдающийся одесский психолог первой половины XXI века, член экспертной комиссии обучающих программ, автор парадигмы различных взаимоотношений.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Катерина Петровна любила местное кафе за его застрявшие в XX веке цены, а ещё потому, что жила буквально за углом, на старой, «нецарской» половине. «Ответственность любит удобства», – в родную кафешку не грех заскочить и в халате. Отдохнуть от суеты чужих будней. Это же так тоскливо – чужие будни. А ещё... ещё из стрельчатых окон кафе просматривались бастионы Прокопыча, соседа. Отсюда этому субчику носили супчики и любимые им рыбные котлетки. Сам Прокопыч кафе обходил, а за харчем присылал свою жиличку Ксюху. Она раньше убирала всё тот же «Гономед». После его закрытия Прокопыч, регулярно посещавший тамошние массажи головы, предложил девушке убирать теперь у него, что называется, «с проживанием».

«Тю ещё раз!» – Переляк с досадой вырубил *Zoot*: один из пациентов огорошил вот, что её труды «Полёты во сне и наяву» и «Не валяй дурака, а?» (базовый тезис: «всё от безделья!») заинтересовали одну из телекомпаний. Предлагают цикл авторских передач. Весть, конечно, лестная, да пустая. При нынешнем состоянии культуры на всё нужны деньги. А их не было. То есть были. Недавно. Но сплыли. На всё того же чёртова Прокопыча. Этого неприступного субъекта Петровна силилась пленить не только умом, но и чарами; потому щедро инвестировала не только в издательство на п. Деревянко (б. Независимости), но и в популярную у разведённых

одесситок ворожею. Сама Петровна была мадамой ещё хоть куда, но почему-то не догадывалась, что на халат и модный в её отрочестве начёс мужик уже не клюёт. А конгруэнтной «материальной базы» она так и не нажила. Впрочем, незнание спасало от разочарований: Прокопычу больше баб нравились бутылки. Вернее, их алкогольное наполнение. Хотя интеллект он всё равно уважал. Даже женский. Поэтому и Ксюха трепетала перед Катериной Петровной, несмотря на её морковный халат. Ведь та пекла уже третий «кирпич» по психологии! А Ксюха печатное слово почитала. Хоть и не читала.

Зачем, спрашивается, взрослой состоявшейся женщине алкаш Прокопыч? Увы, был он в округе единственным холостяком. Вытерпеть это было нельзя никак, поэтому вороже, как и психологическим опусам, предстояло поставить крест на его положении. Неистребим в наших дамах домострой! Так или иначе, а на поимку субъекта ушли все личные сбережения, а ещё всякие там душевные муки... Ладно, хоть бесплатные.

– Екатериночка Фёдоровна, рыбонька! – вдруг обожгли Катерину Петровну терпкие объятия. Вырвавшись, она узнала Хуторецкую Алису Борисовну, свою сверстницу (по паспорту та была Аллой, но своей знаменитой «двойной тёзке» не симпатизировала). Хуторецкая была новой соседкой из дома напротив. Познакомились обе здесь же в туалете, когда единственная кабинка была

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

занята. За время ожидания Борисовна и выложила Петровне всю свою подноготную.

– Не Екатерина, а Катерина! – буркнула Петровна, тайно сбрызнув себя остатками из флакончика «Быть может...» эры Варшавского договора. – Как у Александра Державина: «Катя-Катерина, маков цвет, я памятник воздвиг себе в ответ...». Садись, рассказывай!

*

Одесса всегда была не маленьким Парижем, а большой деревней. Любые двое её жителей, перебери они знакомых, обязательно сыщут общих. Впрочем, те и сами найдутся. Так и вышло, когда эту самую Хуторецкую, высокую энергичную мадам за пятьдесят со стрижкой а-ля Шэрон Стоун, погнали с работы. Вкалывала мадам в мясном ряду на Привозе и всюду совала свой хрящеватый нос с похожей на взлётную полосу ложбинкой в центре. Но погнали Борисовну не за нос, а за хамский язык, обматеривший знакомых самого главного босса Привоза. Угораздило же! Виновницу тут же изловили и линчевали, то есть лишили места, чем нанесли её ранимой психике травму. Это потребовало помощи психолога (в Европу же идём!). И по совету недавних товарок записалась Хуторецкая на мастер-класс всё той же популярной в городе Поплавской. Но не помогло.

Так было жаль уплаченных за лекцию двухсот гривен, что только о них и думала. А вскоре проблема усугубилась. Ведь из-за чего пошла к психологу? Из-за увольнения: боялась в своём возрасте работу больше не найти. А тут ещё и молодой Вася вдруг объявил ей отставку. Едва стала безработной! «Пришло время», – сказал. И ушёл. И разразился у мадам Хуторецкой ситуативный невроз, а за ним – психоз.

Пару слов о Васе. Был он поджарым цыганистым парнем. Молчаливым и харизматично-угрюмым. С диковатым взглядом и упругими ноздрями скаковой лошади. Увидишь такого – и захочется в степь да под звёзды. Ко всему этому Вася имел ещё и гламурный доход автомеханика. И «славу» в ещё более гламурном, не существующем ныне клубе «Игого». Там когда-то показывали мужские стриптизы. Толково раздеться – дело-то хлопотное. Если женщине помогает совершенство её тела, то мужское наводит на унылую думу об убогой природе примата. Потому и упирают парни на крутые спецэффекты. Вот и наш Вася явил свой томос. Поначалу официантом. Только-только приехал он тогда из райцентра, поступил в автодорожный техникум и стал подрабатывать в кафе на Преображенской. Был длинным, тощим и стеснительным. Так робко топтался возле замусоренного столика этот парень, что никому бы в голову не пришло ждать от него масштабных проектов.

Но свезло познакомиться в курилке с половиной эротик-дуэта *BodyShop*, плейбоем Ахриневичем (то есть у плейбоя была другая, настоящая фамилия, но с этой рифмовалась по звуку и смыслу, вот и прозвали его в своей среде Ахриневичем за посконную наглость). Ахриневичев партнёр накануне поступил в академию СБУ и со стриптизом завязал. Пришлось искать замену. Вася, конечно, был не тем тоником в джине: по сцене скакать – не с подносом бегать! Но когда выяснилось, что оба они из Болградского района, хоть и из разных населённых пунктов, то вскоре двухметровый дуэт *Hot Dildos* (что-то типа «Горячие Дылды») дебютировал в «Игого» на Польском спуске. Там Вася и встретил резвущку-поскакушку Хуторецкую, которая так азартно аплодировала и так охотно выскакивала на сцену, когда приглашали, что застенчивый дебютант в итоге к ней и переселился. А вот Ахриневичу снова пришлось искать партнёра...

Женское сердце – загадка. Зачем Хуторецкой именно Вася? Не затем ли, что он младше тридцатилетнего Ахриневича лет на пять? Известно же, старый конь чего-то там не портит. Хоть и совсем не так пашет. Может, ключевое слово здесь «пашет»? Или всё-таки «не портит»? Над кроватью Алисы Борисовны висело чёрно-белое фото Лени Рифеншталь с мужем, который был младше её лет на пятьдесят. Долго висело. Пока, уходя, не прихватил его тот же Вася. Так что было к чему стремиться

и Хуторецкой (а вдруг её вторая половинка только-только наловчилась ходить на горшок?! Пища для размышлений).

Итак, с огоньком взялась Борисовна за без пяти минут автомеханика. Завязал её любодей с танцем, с курением и даже с субботним питием. Защитил диплом и устроился по специальности к рекомендованному Ахриневичем очередному земляку. В роскошный дилерский центр «Мерседес-Бенц», обустроенный по концепции глобального позиционирования «мерс – не бренд, а стиль жизни». Там в благодарность за верные жизненные установки молчаливый болгардец выудил для своей пассии умную скидку на Passion Smart чуткого малинового цвета, чудом затесавшийся среди престижных авто. Правда, Васина «падчерица» то чуткое авто сразу и продала – вроде, чтоб оплатить долги мужа (зятя Хуторецкой). А тот гад возьми и сбеги в Америку. С полученным баблом. Из-за чего пришлось Борисовне идти на Привоз. Да если б только это! Беда не приходит одна. После того, как Борисовну попёрли с Привоза, Васе за что-то впаяли срок. Условный, к счастью. Но... из «Мерса» всё равно пришлось пока уйти. Временно чернорабочим на «Малину». В довершение всех бед негодник Вася предложил Борисовне разбежаться. Несмотря на её бурные протесты. Хорошо хоть успел порекомендовать бывшую пассию своему бывшему же боссу

(совладельцу дилерского центра, где и был приобретён тот злосчастный Passion) Чужало, Адрону Фёдоровичу.

Кто это имя Адрона Фёдоровича пытается корректировать? Не Андрон, а именно Адрон. Дедуля-физик лирично нарёк внучка в год его и коллайдерной мечты рождений. Теперь же Адрон Фёдорович (сам уже почти дедуля) как раз к своим повару, дворецкому, садовнику, фитнес-тренеру, охраннику, охраннице и двум водителям подыскивал экономку. Желательно в возрасте. Прежнюю, молодую, выгнала его жена Светлана Ивановна. Соответствуя имени (данному ей в честь бронепалубного крейсера), действовала она жёстко и решительно. Что-то померещилось ей, на ночь глядя. Или просто учла опыт Арни Шварценеггера, прижившего чадо с некрасивой, но молодой домработницей. Вот и выгнала! «Андрон» же – вообще мужской римский зал, «не гинекей».

Как бы там ни было, выдав пожилую Эвридику за тётку, Орфей-Вася успешно сбыл её с рук. После чего Хуторецкая и поселилась у работодателя, поскольку тот, решив благодаря новой экономке сэкономить, послал повара, дворецкого, садовода, фитнес-тренера, охранника, охранницу и обоих водителей в *пролонгированный хиатус*¹. И отбыл с семьёй в Еврозону.

Пикантная деталь: сам Чужало, Адрон Фёдорович, совладелец дилерской Мерседес-Бенц, рассекал не на «мерсе»,

¹ Хиатус – здесь: временное сокращение штата.

а на «лексе» – большом, чёрном, с массажем в сиденьях. И, когда Адрона Фёдоровича спрашивали: «Почему не на «мерсе»?», он чистосердечно отвечал: «Так «лексус» же лучше!». И сыну купил гибридную модель. И у жены был не «мерс», а brutальный LM с литыми ободьями. Такие дела.

*

Вот же недаром говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Ещё говорят: нет худа без добра. Случай с мадам Хуторецкой – живой тому пример. Не сбеги от неё Вася, не увидела бы она трёхэтажный особняк по адресу: «г. Одесса, ул. Отважных, 1/29». С подвалом и чердаком. И не спелась бы с Катериной Петровной. И не дошла бы вся эта инфа аж до самой Америки. Но... не стоит забегать вперёд.

...Итак, поначалу Петровна взревновала Борисовну: та и ростом повыше, и младше года на три (уже не из бэби-бумеров, а из поколения X). И худее килограммов на пятнадцать. К тому же заядлая автомобилистка: Passion был её вторым авто, до него она ездила на кумачовой «таврии», а после пересела на карминный «сеат». И каршерингом стала пользоваться одной из первых в городе. «Ишь ты! – исподлобья разглядывала Переляк кислотную «шэрон стоун», затмившую её родную сивую

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

«бабетту». – Как бы не съякшалась она с моим Прокопычем!». Сверстниц Катерина Петровна не жаловала, поскольку окучиваемый ею «овощ» Прокопыч никак в её кузов не лез, а на свой огород и вовсе не пускал. Допуск туда имела лишь зелёная Ксюша, которую Переляк в расчёт не брала: та – не эта! Но совсем скоро всплыл любопытный факт: всех кавалеров за сорок Хуторецкая автоматически зачисляла в старцы – таково уж её кредо (и мотто: «старьё есть старьё»). Мужчины ведь портятся удручающе быстро. От большинства из них толку нет ещё и до сорока. Да и в отличие от дам они не утруждают себя косметическими изысками. Едва Катерина Петровна это установила, её попустило – сама она предпочитала сверстников. Хотя на самом деле всё просто: на Борисовну молодые клевали, а на Петровну нет. Так что хотя не хоти, а на нет и суда нет.

– А судьи кто? – грозно блеснул диоптриями немолодой очкарик в киноварной шапочке-петушке. Он отлип от пишущей машинки и, сделав паузу, строго поднял указательный палец. Группка любителей «ерша» замерла возле туалета. А ну если попросят вон из заведения?

– Пардон, задумался. Э-эх... Человек пыжится, а Бог крутит фигу и смеётся.

ГАЛИНА СОКОЛОВА И ЭЛЛА МАЗЬКО

— Не Бог, — нервно затеребила сапфировую серёжку пышная брюнетка лет сорока в тёмно-синем платье, которая как раз подавала шницель человеку в «петушке». Её лицо сохранило следы редкой красоты, причём без грамма косметики. Выгнув гнездящиеся брови, официантка оглядела зал: — Мы сами с усами! — сказала она так внушительно, что всем показалось, как над её верхней губой и впрямь завернулся вполне реальный молодецкий ус. — Если принять идею первопричины, — воззрилась она на очкарика, сурово нахмурившись, — то надо принять и факт, что эволюция причины не приводит ни к чему иному, кроме самой причины. — Разносчица шницелей снова обвела глазами зал и тоже подняла палец. Ещё значительнее. Разлетевшийся рукав обнажил абстрактную «мировоззренческую» тату на запястье. — Потому что всё, представляемое нами под видом причин или случайностей — продукт нашего с вами сознания. — И, ткнув пальцем в настенную морозилку, поставила на ней невидимую точку. — Это и есть нить Ариадны!

— Ариадны! — чему-то обрадовался человек со шницелем, и его машинка застрекотала по новой.

Переглянувшись, зацокали языками в своём углу завсегдагаи. И постеснялись раздавить при официантке очередной пузырь.

-

В общем, переехала Хуторецкая на Отважных. Как раз напротив харчевни, вкусной и недорогой. Окропляя форшмак и «бычьи яйца от шефа» хренами, от которых нёбо вспыхивало шкалой Сквилла, и заливая их кофе-ем, обиженная Васей мадам обдумывала пути возврата любимого в стойло. Сволочь! Ведь мало того, что, презрев её ласку, он «сделал ноги». Так ещё и отнял всякую надежду, объявив, что едет в Америку – чем поразил в самое сердце. Ибо нагло врал: зарубежной родни болгардец не имел и «воссоединиться с семьёй» ему не светило. Да и судимость – пусть и условная – шансов не умножала. На ноль не делят. Американцы вообще любят «бэби-фэйсов», жизнерадостных и тупых. Хуторецкая была в курсе, потому что в Бруклине много лет обитал её бывший муж. Ни её, ни дочь в гости не звал и стонал в письмах, как ему туго. Борисовна, естественно, ему не верила. В Америке она не бывала, но знала точно: США – мировая Шамбала, сияющий град на холме, и ничего тяжелого там нет и быть не может. (Наши люди знают всё про всё). Ну ладно, саму Борисовну не вызывал, потому что за грин-карту «продался» – женился на усатой еврейке с Брайтон-Бич, а та взяла его в ежовые рукавицы. Но дочку-то почему? Зажрался. А туго тебе – так возвращайся.

Кипятилась Хуторецкая ещё и потому, что третьего мужика (после бывшего мужа и зятя) отнимала у неё чёртова Америка. Но её бывший – законопослушный лысый портняжка, а как попадёт туда чернобровый Вася, замаранный судимостью чернорабочий? Вопрос.

Именно для того, чтобы найти ответ, Переляк и посоветовала Борисовне ворожейку. Ту, что «работала» Прокопыча. Через дорогу, в бывшем здании «Гомноеда». Год назад его по-соседски выкупил тот самый Чужало, у которого Борисовна служила. Переляк подозревала, что он-то и приложил руку к утрате «Гономедом» лицензии. Сначала Фёдорович выторговал у соседа Прокопыча семь соток, забор которых граничил с участком клиники. После чего забор тот сразу сломал. А когда клинику выселили из арендуемого здания, выкупил и его. Отремонтировал и сдал под офис. «У кого силка, найдёт и за межкой нивку». Но... не пойман – не вор.

Первым арендатором стал «Центр эзотерической космоэнергетики «Соликсизм» – триумвират слов *solus*, *solace* и солипсизм¹. В его штате и состояла та ворожейка, – «мантик Хамедафнэ» (для своих просто Света), умудрившаяся на первом приёме впарить Петровне сушёных тараканов (признанных борцов с запоями) по цене арабского скакуна. Инфернальной сути насе-

¹ Solus (лат.) – уединение. Solace (лат.) – утешение. Solipsism – при-
мат собственного сознания над объективной реальностью.

комых предназначалось привить Прокопычу трезвый образ жизни. Но членистоногие обломались: Прокопыч продолжал пить. Несмотря на это, и Борисовна записалась к «дафне» на приём (снова двести гривен!), обречённо успокоив себя тем, что сэкономит на маршрутке. Но таракановед гривны отработала честно: лила воск, била яйца, мыла и жгла баранью лопатку, ковыряла кофейную гущу, рассыпала кучками бобы, шесть раз бросала дырявую монету и долго-долго рассматривала на мониторе чёрточки... «Кофейная гуща и бобы, – приветливо объясняла Света, – очень точные науки. Это не то, что какая-нибудь там хиромантия» (будучи филологом по образованию, мантик любила Аверченко и Тэффи и не владела хиромантией).

И вот, синтезировав данные из Инстаграм, Твиттер и прочих необъявленных источников, Света установила: всё из-за бабы. Взял Вася на себя чужую вину. Когда он ещё работал в автоцентре, один постоянный клиент – бандит – пригнал чужую машину. Следом нагрянула патрульная полиция: кто-то сбил на угнанной тачке депутата Гончаренко. Вася постоянного клиента не сдал, но за молчание потребовал в эквиваленте (молчание – золото!). Бандит хотел было набить ему морду, но «пересмотрел»: Вася ведь бывшая звезда, лицедей, почти поэт да ещё брюнет. И за него вступилась старшенькая сестрица угонщика – крутая, как литое яблочко или мячик

на ножках, падкая на мужской стриптиз, трижды разведённая завсегдайка «Игого» и страстная поклонница популярного там проекта *HotDildos*. Назовём её Йони.

Мантик выяснила и больше: депутата обидела именно Йони! Но благодарный за признание собственных достоинств Вася молча взял её вину на себя. И, так как Гончаренко почти не пострадал (всего-то лёгкое сотрясение мозга), – Васе дали год условно. И хоть из «Мерса» пришлось уйти, с его хозяином, как и с директором по фамилии Попушой Вася остался в добрых отношениях.

После приговора завялились голубки (Вася с Йони) на радостях в Ибицу. Не в какую-то одесскую Аркадию, а в *original*, испанскую. И там подцепили на ночном пляже алкаша. Хотели развести на бабки. Но, обнаружив у него американский паспорт (что есть не хрен собачий!), решили усугубить: Йони пристроится сама, а затем вызовет любимого. И, выдав себя за Васину сестру, она закрутила с иностранцем. Под круглосуточное курлыканье по мессенджерам угодил засранец в райские кущи Йони. Почему? Тоже вопрос.

Вопросы, загадки, дилеммы. Сколько их на свете? Вот, к примеру, с чего бы божемойкнул тот самый Прокопыч, окучиваемый Катериной Петровной? Зачем накатал фельетон, который пошёл потом гулять по всему интернету? Лет десять не писал, а тут раскоचेгарился. А это Ксюша, жиличка, с которой Катерина Петров-

на частенько пересекалась в гастрономе, эту историю принесла на хвосте. Сама Катерина Петровна об этом и попросила. Дабы потенциальную соперницу на смех выставить. Вообще-то, для психолога огласить исповедь пациента – это нарушить *NDA*. Подписку о неразглашении, по-нашему. В Америке за это сажают. Ненадолго, но приятно мало. А над нашим законопослушным населением провели в девяностые глобальный эксперимент, не отменённый и в следующие десятилетия (пусть население лечится!). Отчего психологов в Одессе развелось, как тараканов. Тех самых, сушёных. Правда, в отличие от inferнальных, Переляк была психологом виртуально-экзистенциальным. Её специфика – не житейские бури в стакане, а «удалённая» философия. С учётом объявленного сверху курса на «державу в смартфоне», на это клевали охотней. Тем более, что раз в стране нельзя верить никому, многие верили хотя бы психологам. А Борисовна – и не пациентка. Мало ли что соседки нашепчут друг другу на лавочке!

Короче, Катерина Петровна живописала Ксюше тайну страстей по Васе и порекомендовала развлечь этой историей Прокопыча. Тот и сам нечто подобное пописывал – полжизни в газете «Знамя коммунизма» (по-новому «Юг») пером скрипел. Под одной крышей с Борисом Фёдоровичем Дервянко, в честь которого и назвали площадь, где эта крыша стоит и сегодня. Эх... Бывали дни...

Прокопыч даже в замзавах посидел. Но заскучал. Обрыдло! И, забросив перо, залёг на пенсию. А тут – такая развесистая клюква. Да с Шерон Стоун в главной роли! Вот и выиграл. Взбодрился Прокопыч. И так его разобрало, что сел за машинку и за пару часов настучал убойный текст. Да такой прикольный, что Ксюха тут же загрузила его на сайт «Пиши-читай». Оттуда и пошло по всему интернету. И дошло куда надо.

Так что всё, случившееся затем на Отважных, стало результатом не только чьих-то преступных измышлений, но и длинного языка мадам Хуторецкой.

*

– Шкаааааа-лиииииик! – рассёк сонное утро вопль из омшелого «недостроя», льнувшего к новенькому, в стахановские сроки отгроханному особняку Адрона Фёдоровича. Оба строительных объекта, символически разделённые рабицей, занимали один земельный участок и азартно контрастировали друг с другом. Особняк мало отличался от соседских. Его даже легко было с ними спутать: обычное здание из желтушно-розового – цвета сёмги – аэрокирпича и клееного бруса. «Цвета **ди-кой** сёмги», – подчёркивала хозяйка Светлана Ивановна разницу между свежевыловленной рыбой и фермерской, которую активно не любила. Последняя – жиденько-

розовая с жировыми прожилками, кладёшь полихлорированных дифенилов и диоксина. Для наглядности в цвет *доморощенной* сёмги выкрасили дворцовый туалет. Он тоже не отличался от соседских. Включая строителей-гастарбайтеров, ни одна в мире душа не догадывалась, что в том и состоял дьявольски-хитроумный план Адрона Фёдоровича.

Чужало слыл в Селе местным олигархом и «настоящим полковником», хотя в запас ушёл в звании старшины. Изначально планировал он дворец из чёрных зеркальных стен. И с фонтанами, как в лас-вегасском «Белладжио»¹. Но, посетив средиземноморские курорты и во избежание сглазов и порч, отставной унтер-офицер СА эту затею отверг. И барбакан его будущей резиденции перестал отличаться от стен соседей. Особенно тех, с кем Адрон Фёдорович по четвергам парился в Арк-Спа на Генуэзской, откуда и заимствовал идею чёрных стен. Однако, исключив её внешне, креативный зодчий заменил пышность фасада роскошью интерьеров. На изначальные планы намекал теперь лишь адрес: *ул. Отважных, 1/29*. Вообще-то по этому адресу числился всё тот же Прокопыч, у которого Чужало и купил семь

¹ «Белладжио» – пятизвёздочный отель-казино в штате Невада (США), один из крупнейших в мире. Главная достопримечательность – эффектный музыкально-цветовой фонтан перед фасадом отеля.

соток под застройку. Нечётную сторону улицы составляли дома с единственным номером – первым. Может, поэтому и не было на них табличек, дома-то все первые и так. Подобным «единодушием» грешила не одна Отважных. На Белорусской, к примеру, десятки строений под номером 7. На Абрикосовой, где Чужало жили прежде, – тридцать шесть №№ 8 и тридцать пять №№ 9. На Вишнёвой – тридцать семь №№ 10... И так далее. Чем ближе в лес – то есть к морю, – тем больше дров, то есть дробей. А начинала это «fraction spree»¹ именно улица Отважных своими тридцатью первачками.

Собственно постройке Чужало, как самой на тот момент поздней, и предназначалась дробь «30». Но, убеждённый в том, что скоро отхватит и оставшиеся Прокопычевы сотки, Адрон Фёдорович исхитрился перевести его адрес на себя, а к забору Прокопыча прикрутил свою новенькую табличку «1/30». Узурпированные же «1/29» каким-то образом сумел зафиксировать на себя даже в Водоканале. Впрочем, Прокопыч от этого не пострадал, так как имперским амбициям Фёдорыча всё равно не суждено было сбыться, они только следствие запутали.

Но то снаружи. Внутри же особняк поражал палисандром и белой анилиновой кожей. Перламутровой гостиной в жемчужных каллах (любимых цветах Светланы Ивановны) и коралловым аквариумом во всю стену.

¹ Fraction spree (англ.) – безумие дробей, или дробное безумие.

Панелью у сейфовой входной двери: ткнёшь кнопку – любого мастера вызовешь, охрану подключишь, с соседями свяжешься, – кому яйцо занять, кому сотку. Горбатый мостик вёл мимо садовых джакузи, туалета и теплицы в гостевой домик. В нём пока стояли тренажёры. С потолка глядел триптих «Нога и рука с фигой Бога» – но никакой фиги на триптихе не было. В левой его части смуглая нога попирала трёх посиневших львов с вываленными языками. Центр лучился солнышком-люстрой в небесно-полосатой руке. А справа Лариса и Пётр Петрович Лужины обжимались под снежной надписью: «Восемь-восемь, 99, Al Marshall»... И это не имя художника – художник там другой. Хм. «Я умею прыгать через лужи»?

Умные карнизы правили эбеновыми жалюзи, а не менее умные розетки – ночниками. Климат-контроль держал градус, не давая ему снижаться (во избежание плесени!). Свет и подогрев пола «вели» движущийся объект и девичьим голосом «интересовались», с какой это целью объект поднимается по винтовой лестнице. На верхних этажах дома – по спальне, а в мансарде – нашпигованный электроникой офис с ангаром для дронов. Туда вздымались на скоростном лифте. На нём же спускались в гараж, где при появлении имярека вспыхивала «предупредительная» цветомузыка. К гаражу примыкала сауна, вторая дверь которой открывалась в стилизованный

под средневековые винный погребок. Кольчуги медных рыцарей освещали электронными факелами горшки с цветами. Ни камер, ни датчиков движения внизу не было. И не из соображений прайвеси, а просто не успел Адрон Фёдорович установить. Спешил.

*

О погребке стоит рассказать подробнее – скоро в нашем «деле» он займёт ключевое место... Хотя и средневековый, но сказать «погреб как погреб» можно было только впервые его увидев. Изумляли не только горшки, но и трапезиевидность скошенных под разными углами стен: трёхмерная оптическая иллюзия, шутка дизайнера Эймса. Сквозь солнечные «фонари» с потолка низвергался дневной свет, разглаживая усы хлорофитума, разлапистые папоротники и нефритовые толстянки. Пёстрые диффенбахии рвались полосатыми листьями навстречу спасительному свету, в процессе озонируя подвальный воздух. «На первый-второй рассчитайсь!» Маршу цветов препятствовал только длинный стеллаж. Да с таким количеством марочных вин и хересов, что на ум невольно приходили куплеты: «Ходи хата, ходи печь – хозяину негде лечь». Намекая при этом на благополучное разрешение вопроса, поскольку в ближнем углу, кроме софы, устроились бар-глобус, мешок сухарей и два вальжных

промышленных рефрижератора. Хозяева-то выехали в Еврозону не удовольствия ради, а учиться еврокулинарии: Светлана Ивановна заверила соседей, что по возвращении откроет в Селе испанское бистро. В гостевом домике – там хватит места для трёх столиков.

Испанских кафе в Одессе не было. В отличие от итальянских и китайских, пары турецких и даже одного африканского, всякие «Валенсии» почему-то не прижились и давно закрылись (как и сам город-побратим). Светлана Ивановна уже и название корчме придумала – «Пантумака». И наметила меню завтрака: многослойная «сфунгата» с кабачками, помидорами, лучком и картошкой из личной теплицы, или просто картофельный омлет – т.н. «испанская тортилья». И к ним – натёртые чесноком и помидором жареные хлебцы с оливковым маслом и солью... «Пантумака» была мечтой Светланы Ивановны. Как и всё испанское. Себя она называла «поумневшей Кармен». Её новая экономка подозревала даже, что место досталось ей так легко лишь потому, что она прибыла на собеседование за рулём испанской марки. Мадам Чужало давно рвалась в страну фиесты и сиесты, да только глава семьи всячески упирался. Пришлось утешиться рестораном.

Причина упёртости Адрона Фёдоровича крылась в его селективной клаустрофобии: в салоне самолёта он выдерживал час. Второй требовал нешуточного усилия, а третий колоссального мужества. Дальнейшая за-

держка в замкнутом пространстве угрожала бы эмоциональной и психической стабильности старого вояки. Светлана Ивановна выяснила это случайно. Как-то, одарив её батончиком «Рошена», супруг предложил заменить запланированные каталонские хлебцы на шоколадное фондю. Последовала быстрая бурная сценка, которая всё прояснила. В то утро Адрон Фёдорович ездил в турагентство «Буерак» за авиабилетами. Он мог бы взять их и через интернет, но с агентом иметь дело привычнее. Тем более, что «Буерак-тур» тут же, на Отважных. С турагентом Сашей сравнили авиалинии по ценам и длительности полёта. И выяснили: не избежать Адруну Фёдоровичу пересадок. В Киеве, Варшаве или Стамбуле. Даже при лучшем раскладе путь должен занять около семи часов – Барселона-то чёрт-те где! Мятущийся взгляд Чужало скользнул по заставке Сашиного компьютера. Там генерал-фельдмаршал Суворов переходил через гору тел участников последнего Всемирного экономического форума в Давосе. Тут «полковника» и осенило: не на Пиренеи ему, а в Альпы!!! Тоже с пересадкой, но в Вене. А венский шницель, как и венский («венское» по новым правилам¹) кофе, Адрон Фёдорович любил. Ради них уж потерпит и два часа в пути.

¹ С 1 сентября 2009 вошел в силу приказ министерства образования и науки России от 8 июня 2009, определяющий список словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка. Согласно вошедшему в список изданию «Грамматический словарь русского языка» под редакцией А. Зализняка, кофе теперь может быть среднего рода.

Новый план включил в себя перелёт до Вены, пару дней отдыха и дальнейший путь на Цюрих. Из Вены туда – полтора часа лёту, а в Давос оттуда рукой подать – примерно, как от Одессы до Кишинёва. Туда-назад – месяц. А жену он задобрит и переубедит. И, оплатив билеты с открытой датой, Чужало с чистым сердцем отправился из «Буерака» на «Южный». За коробкой «Рошена» и фарфоровым какелоном.

На «Рошен» выбор пал не с бухты-барахты: такую коробку не жаль, если полетит в дарителя. На Сашиной заставке среди прочих тушек фигурировал и Рошенщик. Чужало когда-то голосовал за него. Ведь тот обещал ему, Адрону Фёдоровичу, Европу. Все тогда верили, что ровно через три года поедут в эту самую Европу бесплатно. Но как ездил Адрон Фёдорович туда за бабки, так и ездит. Ничего не изменилось в новой пятилетке, только билеты подорожали. Адрон Фёдорович разочаровался в Рошенщике и поверил Зеленщику. Главным аргументом в переубеждении Светланы Ивановны стало то, что как фанаты «Смешного» они обязаны увидеть место его будущего ревью. Пусть до него ещё полгода – им всего-то мостки увидеть. А вдруг там, на Давосском инструменте, маэстро и на бис сбациает! Заинтригованная Светлана Ивановна на Альпы хоть и клюнула, но с уговором: улетит она на море, если гора родит мышь. Лучше гор может быть только море, потому как. На том и порешили. И в ближайшую дату приснопамятного августовского

путча, оставив вместо себя на работе Попушоя, а дома Хуторецкую с пошаговой инструкцией, чета Чужало отбыла в Вену.

Эх, и жизнь пошла! Адрон Фёдорович азартно посещал пабы и пивоварни, а его жена – сыроварни и бутики. Иногда ездили на экскурсии. Лишь к середине осени переместились в Цюрих. Там и встретили Новый год. Прошвырнулись по ленинским местам. Закадрили фифу¹. И к концу января, уже перед самым форумом, очутились в Давосе, в очаровательном горном шале. Вёрткому Адрону Фёдоровичу удалось разжиться аккредитацией и попасть с женой в зал заседаний на дебют Зеленщика. Впрочем, блистать тому оказалось не для кого – зал был почти пуст. Из внепартийных фанатов присутствовали лишь Адрон Фёдорович и Светлана Ивановна. Зато их мечта сбылась: увидели-таки кумира в новом амплуа. «Я Ленина видел!». После чего вышли на лыжню. И на ней случайно узнали, что до Барселоны – менее двух часов лёту. После снегов душераздирающе хочется к морю. Поэтому в феврале рванули-таки Чужало в вожделенную Барну. Посетили колумбовы и правотроцкистские клумбы². Сгоняли в сюр-музей Дали.

¹ FIFA – Международная Федерация Футбола с музеем и штаб-квартирой в Цюрихе.

² После открытия Америки Колумб прибыл в 1493 г. именно в Барселону. Троцкий, наоборот, отбыл в 1916 г. в Америку именно из Барселоны.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

И определились, наконец, с «Пантумакой». Пусть и с оговоркой, навеянной жёсткой реалией давосской лыжни: будет «Пан тумака». О чём оповестили по телефону свою экономку, несказанно её обрадовав. Как объяснила свою радость Хуторецкая, сосисочных-то в городе хватает, а вот с тумачными беда.

И ведь место-то под неё выбрано идеально – трёхсторонний перекрёсток. Именно поэтому, когда безымянный приживал Прокопыча (тогдашнего хозяина участка) предложил Адрону Фёдоровичу прокопычевы сотки (мотивируя тем, что хозяину не на что достроить ригу), он за это ухватился, даже не выяснив, ни зачем соседу рига, ни что это вообще такое. На этих сотках и предстояло вырасти «Тумачной».

*

– Шкааааа-лиииииик! – вновь вознеслось над рассветным Царским Селом. И в проёме окна так и не достроенной риги возник небритый лик тщетно охмуряемого Катериной Петровной Прокопыча. За глаза его все называли Купырём. Наверное, по причине когда-то яростно щетинившегося на его участке дягиля, или купыря. Позже его частично потеснила конопля, потом – сурепка, а уже сурепку – чертог Адрона Фёдоровича. В общем, купыря не стало, а Купырём остался, но уже

не на четырнадцать, а на семи сотках. Раскрутил его всё-таки приживал, который и засеял участок коноплей. В то время семь соток в одесском Царском Селе стоили свыше ста тысяч негривен! Но счесть их Купырю не удалось. Опрометчиво доверенные квартиранту деньги тот тут же прокутил. Не все, правда: на оставшиеся разжился б/ушным плазменником и рыдваном неопознанных марки и цвета. И то и другое отошло потом знакомому лейтенанту. Назовём его Серёгой Всезнанским. Когда-то Серёга входил в группу поимки чеченской банды (которая, вроде, свозила порох в одну из одесских хат на Пересыпи). Хотя верится с трудом – зачем бы чеченцам Одессу взрывать? Их когда-то в 90-е бывший мэр Гурвиц пригласил. И до сих пор одесситы слышат на своих улицах чеченскую речь. А самих чеченцев уже и не отличить от своих – такие же светло-русые и светлоглазые.

– Шкааааа-лииииик! – продолжал взывать обуянный жаждой Купырь. Хуторецкая как раз зашла в местный продмаг за «американо» и кормом для аквариумной акулы Адрона Фёдоровича.

– Выпить треба. Жажда, – понимающе кивнула в сторону Купырёвой риги младоокая Алёнка Передок – приземистая «пергидролевая блондинка» двадцати семи лет, с крысиным хвостиком и цепкими карими глазками, – в общем, классическая склонная к полноте, пьющая про-

давщица сельмага. Она бережно заворачивала в газетный разворот «Юга» кулёк лежалой тюльки.

– Хо-о-ороший человек! Бывает, за вечер нам кассу сделает. Сейчас Оксанка, его сиделка, прибежит. До «Таврии» далеко, а к нам самое то, хоть и дороже.

Передок глянула в сторону Купырёва лежбища с явной симпатией. Втайне она слегка ревновала, хотя ревновала вяло и как-то безынициативно. Ведь это именно она, Алёнка, массажировала когда-то Прокопычеву голову. Порой и не только голову. Передок тогда работала в «Гономеде» «менеджером по массажу». И, как ей чудилось, крутила роман с Прокопычем. Но тот о романе, видимо, не догадывался и поселил у себя не её, а Ксюху. Та и младше. И добрее. И к полноте не склонная ни с какого боку. Глаза мятные, а волосы – дивным ореховым водопадом. Хотя пила Ксюха даже больше. Заселил Купырь девушку вместе с её тогдашним бойфрендом – санитаром клиники. Хотя санитар это ещё громко сказано – так, умственно отсталый разнорабочий, длинный и засосанный как глист. Но с сертификатом от самого господина Кандыбы, автора «Криминального чтива», то бишь гипноза, члена всемирной ассоциации профессиональных гипнотизёров. Именно Ксюхин криминально-санитарный Гудини и накрутил Купырю астрономический тарифный долг. После чего пол-участка продал и скрылся. Не оставив после себя даже имени. А Ксюше пришлось разгрести.

Побеждённая на всех фронтах Передок утешалась единственно приятным для себя доводом: её «соперница» не имела в Одессе жилья, поскольку «понаехала» из соседней области, кажется, Винницкой. Сама же Передок была гордо прописана на Славянской. Там в свободное время и подрабатывала в гастрономе на полставки, дополняемой массажами. Хотя переплюнуть «гономедские» доходы всё равно не могла. Но, привыкнув к близости рабочей точки, никто из бывших сотрудников клиники далеко ездить не хотел. Устраивались тут же. Интересный штрих: Катерина Петровна тоже не догадывалась об Алёнкином «романе» и соперницу в ней не видела.

– Он когда не пьёт – дом строит, когда пьёт – нам кашу делает, – продолжала повествовать Алёнка. – Хороший человек, говорю же.

– Хороший, говоришь? – призадумалась Хуторецкая. – А кто ж ему дом-то горбатит? Ведь не мальчик уже сам.

– Да был там один, после него Оксанка и осталась. Теперь вон объявления клеит: «Требуются строители», – и Передок мстительно кивнула на фонарный столб, где трепыхалась бумажка с криво нацарапанным призывом.

– Ага... А долго пить он будет, ваш Купырь?

– Недели две не просохнет...

– Хм... – и, поспешно раскланявшись, Алиса Борисовна пробралась к столбу. Воровато оглянувшись на купырёвский дом, быстро отодрала объявление. Крупно

приписала внизу: «оплата до тысячи баксов». И вечером подбросила в Васин почтовый ящик...

Нужно подчеркнуть: Вася никогда не бывал у Адрона Фёдоровича дома. И даже не знал, в каком районе города тот живёт. Виделись они только на работе, где Вася был у начальства на неизменно хорошем счету. Ему даже доверяли доставлять со Староконки живой корм для хозяйской акулы, которая ютилась тогда в дилерском центре под присмотром верного Попушоя (Адрон Фёдорович ещё не закончил тогда строиться). Кстати, об этом прелестном создании тоже стоит сказать отдельно (об акуле, не о заме Адрона Фёдоровича).

Её звали Манькой. Она не была семиаршинной «чуковской» Каракулой, разгоняющейся до шестидесяти километров в час и прыгающей из воды на двадцать футов. Нет, Адрон Фёдорович приручил скромную полуметровую рыбчонку – от горшка два вершка. По-научному Манька звалась сиамской сутчи. Днём она пряталась в искусственных кораллах, а ночью скромно ела ракообразных. Изредка, стуча плавниками, спрыгивала на паркет хозяина. И иногда откладывала яйца к его обеденному столу. Появилась она у Адрона Фёдоровича вот как: пару лет назад идею подал его тогда ещё малолетний сын Эрик. Вдохновился ребёнок просмотром мультика «Гадкий я». Там злодей Вектор держал в прозрач-

ном полу офиса аквариумное чудо-юдо. То есть верхняя стенка мультяшного аквариума служила полом офиса. Вот Эрюша и потребовал себе такое же. Адрон Фёдорович сына любил и в ближайший день его рождения преподнёс чаду так называемую «карманную акулу». Выписал её за двадцать тысяч из самого Техаса. Вместе с приложенной в нагрузку крохотной рыбкой-сатаной, прозрачным пресноводным сомом – такие населяют тexasские артезианские колодцы. Да только неувязка вышла! Сначала карманная акула умяла пресноводного сома. А через три месяца околела и сама. На все претензии тexasский селекционер развёл (через переводчика) руками и пояснил, что если при доставке обе особи были живы, то с него и взятки гладки. А вообще, заказчику следовало бы знать: эти твари в неволе долго не живут. Плакали, короче, двадцать тыщ. Не считая тех, что ухнули в пол: решив переплюнуть мультяшного Вектора, папаша оборудовал аквариум не в офисе, а в гостиной, изначально выдержанной в стиле перламутровой гостиной кайзера Вильгельма (экий конфуз!).

Расстроенный даритель уже готовился влезть в резиновые сапоги и двинуть на ловлю катрана (на безрыбье и рак рыба), но подфартило. Через дорогу открылся вьетнамский ресторан, а потом и гастроном. В ресторанном тандыре пекли бычьи яйца. А в гастрономе, помимо шкаликов, лангустов, кокосовых ирисок и консервов

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

из мяса кальмаров, продавались настоящие яйца рыжих муравьёв в банановых листьях, лягушачьи и черепаший яйца в литровых стеклянных банках и даже отварные яйца меконгских крокодилов. Последних снимали с деревьев, куда те залезали погреться на солнышке. А ещё предлагался самогон из кобры и скорпиона. Обоих было хорошо видно внутри круглых бутылок зеленоватого стекла.

Хозяином вьетнамских заведений был, соответственно, Вьетнамец. Так его все звали, ибо их настоящие имена для местных ушей токсичны. Происходил Гек-Чук-Гук или Дык-Чук-Фук из дельты Меконга, который протекает через шесть стран и впадает под бывшим Сайгоном в Южно-Китайское море. То есть Вьетнамец был южным. В отличие от северных они, вроде, должны любить не нас, а Америку. Однако в 1970-х эта «любимая» с такой «любовью» не оставила камня на камне от его сельца, что любви ответной у Вьетнамца не вызвала. Был он тогда ребёнком. Зато позже всласть оторвался на китайцах и красных кхмерах. Сбросил Пол Пота в Меконг и показал ему, где раки зимуют.

А воды Меконга богаты, между прочим, не только зимующими раками, но и пресноводными акулами. Их там вылавливают, консервируют и отсылают ему, Вьетнамцу. Вот у него-то Адрон Фёдорович и раздобыл малька сутчи после бесславной гибели своих подо-

печных. Когда рисовой водочкой заливал горе на вьетнамской кухне. В водке плавали ягоды годжи, сучок женьшеня и змея. А по прозрачно-чёрной кухонной плите скакал полосатый аннамский кролик. И стучал по полу когтистыми задними лапами похожий на еловую шишку Броня Бронштейн. Этим неожиданным именем зверя-панголина наградили вьетнамцевы дети: они как раз проходили Четвёртый Интернационал в «Школе вьетнамской молодёжи имени товарища Хо Ши Мина». Товарища же Бронштейна хотели сначала всей семьёй просто съесть, да всё зубы не доходили. А потом и привыкли к его симпатичной мордочке клинышком. Летом Броня пасся на уютном заднем дворе, а зимой Вьетнамец ссыпал ему в кормушку мороженых муравьёв, которых периодически ел и сам, под рисовую водочку. Но самым удивительным были расставленные по кухне клетки с крысами – главным лакомством Трын Дык Мука. Или Чука. Трындычука, короче.

Пока Трындычук питался выловленными в посёлке крысами, дружба с Адроном Фёдоровичем крепла. Когда же у последнего исчез любимый боксёр, она распалась. Хотя вьетнамцы – не корейцы и не китайцы, и собак, вроде бы, не едят. Ещё и боксёра... Тут кто кого. К тому времени угловатый малёк оформился в обаятельную рыбицу, которая и переехала с Абрикосовой сначала на «Мерс», а потом на Отважных. Именно для этой тва-

руги новая экономка и закупила тюльку – перед отъездом хозяин выделил на акулу царское содержание. В распечатанном им «Шаркинге»¹ указывалось, что Манька любит кабачки, устриц и закатанную в зразы чёрную икру. «Красную то же мож-но», – коряво приписал от руки Адрон Фёдорович (орфография хозяйская). «Не уж-то мо-жно?» – читая инструкцию, хохотнула Хуторецкая. Зразы, утверждал хозяин, непременно должны быть «rare» (лёгкой степени готовности) и исключительно из волжской лососины. Адрес поставщика прилагался. «Неужто днепровская негодна?» – дойдя до этого пункта, снова захихикала Хуторецкая. Инструкция также рекомендовала периодически закупать для Маньки на Староконном «живой корм» – гупёшек. «Уже бегу!» – жизнерадостно кивнула Алиса Борисовна. И хотя перед отъездом хозяин прочитал ей целый семинар по «шаркингу» (и даже принял по нему экзамен!), сразу после его отъезда Хуторецкая принялась Маньку гнобить. Из классовой ненависти! А по-всякому. Например, брала у Алёнки вчерашнюю тюльку по сходной цене, а сумму, еженедельно выделяемую чужаловским банкоматом на икру, пихала в полосатый носок. В любимый Васин. Ихтиологу же Саше Эндюку (по прозвищу Эн-

¹ Шаркинг – от английского SHARK – акула. Здесь: искусство ухода за акулами.

ди-Брэнди¹), которому акулотлюбивый Чужало поручил контроль за уровнем Ph, нитратов-нитритов и аммиака в Манькиной воде, из этих же денег башляла, чтобы он и не приходил. Тем более что в новом доме трёхсотлитровую коралловую ёмкость установили уже не в полу, как на Абрикосовой, а в стене, снабдив автономной системой жизнеобеспечения. То есть в контроле ихтиолога она не нуждалась. Оттого и оформили гостиную в стиле всё того же перламутрового дортуара кайзера Вильгельма.

Согласно контракту, на время хиатуса основного штата в обязанности экономки входили стирка-глажка, закупка продуктов, уборка, выемка почты, а также полив растений. И корм-ле-ни-е. Хотя, кроме Маньки, гладить и кормить было некого – сын Адрона Фёдоровича учился за границей. Вот и кормилась мадам Хуторецкая сама. Обильно и с удовольствием. Всякий раз выискивая в хозяйских запасах что-то новенькое и экзотичное. Поскольку, как помним, была Алиса Борисовна женщиной любопытной.

*

Но не зря в народе говорят: любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

¹ Энди-Брэнди Касагранде – известный документалист, специалист по съёмкам акул, обладатель «Эмми».

В тот вечер перед сном забралась Борисовна в холодильник. Большой, коммерческий, с надписью «Ариада». Сроду такого не видела и о фирме такой не слышала. Интересно же! Забралась, а выбраться не сумела. Кричи-стучи, а если в доме никого, сиди и жди – может, кто и хватится. Так ночь и просидела. И утро просидела. Просидела бы и дольше, если бы приметливая Передок, не дождавшись соседку на чашечку кофе, не забила тревогу. Обычно за своим «американо» Борисовна являлась к самому открытию. Как штык. А тут утро прошло – нету, обед подошёл – нету. После ряда разведработ Алёнка вызволила Борисовну. Хорошо, что та ничего вечером не пила, да вентиляция работала исправно – не пострадал агрегат. На радостях угостила Хуторецкая Алёнку скорпионьим самогоном. Даже не столько за освобождение, сколько из-за идеи, посетившей её в час «великого сидения». («Прекрасненько! – поспешила она домой за шокером. – Теперь Вася навеки мой»). И, подкараулив его вечером в Прокопычевом дворе, прошлась мимо в пеньюаре цвета виллы Адрона Фёдоровича, то есть модной в посёлке сёмги.

– О! – неприятно удивился Вася. – А ты чего тут?

– Так работаю же. За домом смотрю. Сам же и устроил.

– Эй, мил человек! – меж тем воззвал из окна полный страдания тенорок Прокопыча. – Сбегай-ка за шкаликом! Жажда, – и скинул Васе розоватую, как пеньюар Борисовны, купюру.

– А... это... где тут наливают? – растерялся «мил человек», поскольку места были ему незнакомые. Сердце Алисы Борисовны взликовало.

– Ой, а у меня как раз есть, – нащупывая в кармане шокер, жарким шёпотом оповестила она. – Идём, Васик, идём. Пару копеек сэкономим. И человеку подсобим.

Так, молча ступив за сейфовую дверь Адрона Фёдоровича, Вася и угодил в ловушку.

– Я тебя, Васик, любила и люблю! Я зла тебе не желаю! – с придыханием взорковала переспелая Эвридика через стекло холодильной дверцы, когда пленник очнулся. Прикованный за ногу тяжёлой унитазной цепью (которую Борисовна собственноручно срезала с бачка на Любашовской автостанции) Вася обалдело взирал на дымящееся перед его носом блюдо. – Кушай, Васик, челогач. Он вку-у-усный! Сорок гривен – недорого встал.

Табуретка за спиной пылающей Сольвейг была уставлена яствами на нескольких ярусах чужаловского фарфора. И коньячок там. И водочка. Успела-таки Борисовна меж деяниями сбегать в магазин – не пропала купырёва розовая купюра, не пропала! Поцеловав стекло, за которым светился изумлённый лик любимого, посемафорила ему вполне ещё соблазнительной грудью. – А хочешь сердечко барашка за пятьдесят гривен? А форельку за сорок пять?

– Не хочу твоего сердечка! – затопал Вася, поскольку гигантская теплоизолированная камера это позволила. – И на форельку плевал! Выпусти меня!

– А скумбрийку? За тридцать пять, а? – не унималась Алиса Борисовна, томно поглаживая свой пеньюар. – Вполне себе цены, Вась! Таких уже нет. Мне для тебя, Васик, ну ничегошеньки не жалко.

– Не хочу твою скумбрийку! – продолжал неистовствовать негодник. – И тебя не хочу! Мы по возрасту не подходим!

Но челогач съел. Хоть и остывший. И остальное тоже. И в этот раз. И в другой. И в третий. На четвёртый день Алиса Борисовна уже жалела, что замутила эту историю. Поскольку устала выносить ведро из-под прожорливого сердцеда. Перебив о бетонный пол весь чужалосаксонский фарфор, он продолжил гнуть своё: «не хочу да не хочу». Спасибо, без матюков – Вася старших уважал. Но не ожидала Алиса Борисовна такого стоицизма! И время поджимало: истекал изначально отпущенный хозяином на свой альпийский вояж месяц, хозяева могли вернуться со дня на день. К счастью, на четвёртые сутки Васиного заточения Адрон Фёдорович отзвонился из Еврозоны и невнятно доложил, что они с женой решили задержаться ещё на месяцок. По его тщательному выговору Борисовна догадалась, что овладевают они там не столько кулинарией, сколько виночерпием.

Однако челогачи Васиных позиций всё равно не колебали. Правда, и Хуторецкая не сдавалась. Как говорится, нашла коса на камень. Пару дней Алиса Борисовна прикидывала, кому покаяться: дочери или Катерине Петровне. Но огоршить психолога было стыдно – та и раньше-то советовала забыть о Васе, плюнуть и растереть. И потому на встрече в кафе, с которой наш рассказ начался, ничего ей и не сказала. Но и дочь посвящать не хотелось – Вася-то младше даже её. И надумала Борисовна «обрадовать» ворожейку. Ту, что открыла ей когда-то глаза на тайные шуры-муры любимого. Больше всё равно некого.

– Светы нету! – рывкнула трубка в ответ. – И света нету... Я могу чем-то помочь? Я хозяйка Центра, Лора Валерьевна Со...

– Ой! Ларисочка Васильевна, голубушка! Спасите!!! – взвыла Хуторецкая. – Спасите! Не знаю, что делать. Я через огород от вас. На Отважных.

Тут же прискакавшая внушительная джинсовая ковбойша в увесистых клипсах, разглядев сквозь запотевшее стекло холодильника непоколебимое лицо, в панике схватила смартфон.

– Я должна сообщить куда следует! – срывая с себя тяжёлую клипсу, рубанула она. – Надеюсь, не Света вам это посоветовала? По закону я обязана оповестить органы!

– Какие ещё органы?! – Борисовна ловко вырвала мобильник от опасного уха ковбойши. – У меня же любовь! Что мне делать-то теперь?!

– Отпустить! Немедленно! Это статья! Его же начнут искать!

– Ой, я вас умоляю! – Хуторецкая смерила «правозащитницу» саркастическим взглядом. – Кому он нужен кроме меня? Я подержу его подольше, покормлю поменьше, и он за милу душеньку согласится! Он вообще-то хороший, Вася мой.

Пылкий диалог прервала отчаянная трель в руке Борисовны.

– Это мой суджуня! – судорожно дёрнувшись к своему смартфону, проинформировала Лора Валерьевна. – Кысканчлык! Ревнивый – жуть, сельджучуня мой. Дайте!

Но по жизни Алиса Борисовна не сталкивалась ни с суджуниями, ни с сельджучуниями. Правда, посетила как-то Суджукскую косу, но не связала одно с другим. И, бросив на Васю материнский взгляд, мобильник из рук не выпустила. Хотя слово «ревнивый» знала.

А звонил правозащитной ковбойше её «бебегим» Измаил Рамазан-оглу. Ласково – Саджук-конфетка, в отличие от суджука-колбаски. Офицер запаса Турецкой Республики с видом на жительство в Украине и новый муж Лоры Валерьевны. Законный! Расписались они в ЗАГСе возле Оперного совсем недавно, страсть ещё

бурлила и обжигала. Не получив ответа, минут через пять он, как их брату и положено, не стал соловьём ждать лета, а прихрамывая ворвался в опрометчиво незапертую дверь. Вращая глазами и всхрапывая от ярости.

– Ла-у-р-р-ра!!!

– Изя! – радостно метнулась к нему Лора. – Ты меня нашёл!

– Это же телефон мой! Там функция отслеживания! – рычал Измаил, обшаривая глазами *underground*¹ с оторопевшей в углу Хуторецкой. Застывшая за стеклом холодильника физиономия на миг его озадачила. Воспользовавшись паузой, «Лаура» расцеловала оцетинившуюся макушку мужа. – Молодец, Изя. Надо срочно в полицию. Тут тако-о-е!

Однако, узнав суть дела, Изя разразился хохотом.

– Какая полиция, слушай! Бабло само тебе в руки лезет, а ты – полиция! Неделовой ты человек, мать. А чьё это жилище?

– Босса моего, – пискнула сбитая с толку Борисовна. – За границей он. Здравсьте!

– Издрасьте... Босса вашего?

– Фёдорыча. Мы офис у него снимаем, – кивнула Лаура в сторону гаража. – Забыл?

– А я и не знал, что он рядом живёт! Ну и зиндан... – дивился Измаил, инспектируя винный погреб. – «Бочонок Амонтильядо»! Да ещё и «Коллекционер» Фаулза.

¹ Underground (англ.) – подпол.

Первым делом он отметил высококачественную звукоизоляцию погреба. Несмотря на наличие в бетоне световых фонарей, наружу не проникало ни звука. «Какое предназначение этого острога?» – озадаченно постукивал стены Изя. Поднявшись наверх, он обследовал хоромы на предмет скрытых (и явных) жучков и камер и с разных ракурсов сфотографировал заинтересовавшие его закутки.

– А это что? – замер он, наткнувшись на Манькин аквариум. Однако, обнаружив внутри и саму Маньку, предположил, что коралловый пентагон – это заградительная конструкция, призванная защитить хозяина от, например, налогового аудита. Необычному выводу поспособствовала наклеенная на одну из граней пентагона ОВГЗ (облигация внутреннего государственного займа Украины) с корявой припиской «МАНІ@МАНІ». А какие ещё ассоциации это могло вызвать? У турка-то? На самом деле Чужало имел в виду «мани» из варяжского хита «мани, мани, мани, мустафани». А ещё гимн братков из морского мультика: «маны-маны, маны-маны; мы не люди, а карманы». Оттуда и Манька. Оттого и облигация. Хотя имя акуле придумывал маленький Эрик, который в силу возраста не мог знать ни упомянутых шведов, ни культовой советской фильмотеки. Зато читал про «Маничку Заскок». Вот и назвал. У высокообразованного же Рамазана-оглу имя вызвало вторую по нео-

жиданности ассоциацию – с манихейством. Причём в узком его аспекте: «ага, акула вегетарианка...» Что отчасти верно. Вот и разница в уровнях миропонимания. Просто горе от ума! Хотя это уже другой вопрос. Да и речь не о том.

«А это чего?» – увидел Измаил в гостевом доме потолочных львов под мускулистой пятой. «Левая нога Бога», – оповещала надпись. «И в самом деле, – задумался Измаил, – мир действительно управляется левой ногой, с которой утром встал Бог...».

Напоследок турок заглянул в гараж. Не обнаружив там видеокамер, под «предупредительные» блики осветил фонариком мобильника смотровую яму под мини-вэном. Как говорится, для проформы. И нашёл там в нише между автомобильным насосом и новыми крышками неожиданный в контексте однокамерный холодильник. Зачем в гаражной яме работающий агрегат? Ещё и в подогнанной по размеру норе?! Открыв камеру и пальпировав внутри батареи пивных бутылок, нащупал на боковых стенках кодовые замки – один напротив другого. Подумал было – сейфы. «Пиастры, пиастры, господи!». Однако, быстро подобрав код к одному из замков с помощью специального приложения в мобильнике, с восторгом изумлением открыл за дверцей... лаз, выводящий на... бетонную лестничную площадку. Измаил жестом остановил следовавших за ним и сгоравших от любопытства женщин и ввинтился внутрь сам.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Через несколько шагов ход раздвоился. Первый возвращал в уже знакомый погреб, а второй вёл вниз, где обнаружили ещё два таких же бункерных этажа, только без солнечных фонарей, хересов и диффенбахий. Зато с десятками холщовых мешков... с сухарями. Ржаными, пшеничными, кукурузными... С самого нижнего (минус третьего) этажа открывался узкий разлом – вроде как в катакомбы. Настоящие одесские катакомбы, куда лучше было не соваться. Пока, по крайней мере. И к чему такие тайности?!

– Монументально-то как! Но нигде ни цента, увы, – доложил Измаил, вернувшись, и кивнул на замершего за стеклом Васю. – Хотя, если у этого лоха миляя в Америке, я нас поздравляю! Это бабло!

– Изя! – ахнула Лаура. – Ты же не сомалийский пират. И даже не чечен!

– Разве? – подмигнул сельджук, доставая с пыльной полки бутылочку. – А ну-ка, припомни, как было...

*

...А было так, – защёлкала клавишами черноголовая официантка, пока уже знакомый нам небритый очкарик в красном «петушке» дожёвывал кусок венского шницеля. – Измаил Рамазан-оглу был человеком традиций. Он чтил их даже вдали от родины. Без родины всем

плохо: и трава не та, и небо другое. И даже курица не те яйца несёт. Поэтому утро Измаил начинал так же, как в родном квартале Бебек: с богатого турецкого завтрака. С пышного хлеба и суджука – острой чесночной колбасы. Зажаривал он её с козьим сыром на толстой сковороде перед тем, как влить туда яйца. А потом, пока сковорода остывала, долго наслаждался чаем с тулумбой в сосновом меду. Кому как не осману знать, как хорош эльфийский мёд из долины Саричаир! Из рододендронов с граанотоксинами турецкие пчёлы собирают и «безумный мёд». Но им Измаил баловался редко. Обычный его завтрак состоял из шакшуки по-турецки: из яиц, оливок, виноградного варенья и сливочного масла, которое он с удовольствием мазал на экмек – пышную пшеничную лепёшку с кунжутом.

Часа в три шёл в хаммам. Этот храм неопишуемой неги вырос из римских терм и стал невероятно популярен в Османской империи, боготворившей чистоту. В хаммаме три зала. В холодном (джамекане) раздевался. В тёплом, согуклуке, принимал душ. И, предвкушая, переходил в горячий зал, харарет – парную с мраморными чашами и бассейном. В центре зала красовался гёбекташ – восьмиугольная мраморная плита для пенного массажа. Наслаждение! Попарившись, возвращался в джамекан. Там не спеша обедал и пил чай... Ужинал же эфенди обычно около полуночи и часто с друзьями, среди ко-

торых были турки, евреи, да и чеченцы. С ними же курил кальян (редко, бо «куріння вбиває», как узнал он в Украине). Вот за этим занятием, непатриотично предпочтя турецкому табаку арабский, однажды и познакомился со своей «севгилим» Лаурой.

Было в Одессе местечко, которое Измаил особо уважал, – «Бардак Лассалья», как нетрудно догадаться, на Дерibasовской¹. «Бардак» по-турецки – всего-то «стакан». Намёк на порицаемый, но разливаемый в заведении алкоголь: помимо раки, в меню значился ещё сухой шарап (вино) и шампанское-брют «Ж. Лассаль». И больше ничего: пьянству – таки бой. В дизайн же, кроме анатолийских тюльпанов и профилей Ататюрка, входила настенная сравнительная характеристика трёх конституций: Лассалья, Орлика и Мидхат-паши. Что, как мух на мёд, влекло в «Бардак» студентов. Впрочем, несмотря на китчевое название, держали «Бардак» коренные стамбульцы. Для земляков даже травку в табак соглашались подсыпать. Главным же достоинством этого заведения было, что ни на день не закрывался он на карантин. Уставшие от самоизоляции одесситы и гости города валом валили в «Бардак» культурно отдыхать. Но Саджук зачастил туда ещё раньше. И еда родная – не безликие котлеты и лангеты, коими кормили в прочих духанах. И заказчик знал, где искать. А главное – инжирный раки.

¹ В 1920-1938 Дерibasовская называлась улицей Лассалья.

Такой, как дома. Иногда – да, позволял себе. Но обычно выбирал только чай и «мерджимек чорбасы» – суп из красной чечевицы. Непременно красной, а не жёлтой или зелёной. Только красная символизирует богатство. Поскольку ещё в библейские времена именно за красную продали первородство. То есть говоря словами более позднего Маяковского: «Единица – вздор, единица – ноль...». А чечевица вполне реальное богатство! Вот и ел Исмаил красную. Ибо не мешки таскал – какой янычар унижится до столь презренного занятия?!

В общем, суп и чай – недорого и сердито. И вкусно. Никогда не знаешь, когда подфартит бакшиш. Приходилось экономить: в свои сорок два Исмаил Рамазаных был пенсионером. Бывшие сотрудники МИТ, Турецкой Национальной Разведки, на пенсию уходят рано. А наш герой изрядно потрудился в средиземноморье. Внёс свой пиастр в ИГИЛа становление, потом в его разрушение, получил ранение и, отчаянно хромя, ушёл в запас: жизнь – компромисс между жизнью и смертью. Профессионалом, однако, остался высококлассным. Спецом по умыканию. А это и в Африке дело стоящее! Только зачем турку Африка? Ему бы пространство Турана, которое простиралось когда-то до самого Каспия! А если поглубже копнуть, выяснится, что турецкий след и вовсе остался даже в геноме якутов – самых северных турок планеты! Так что не Африка тут нужна, а вооб-

ще одна шестая суши! Впрочем, дело это малоперспективное, от Измаила не зависящее. А в незалежной его труд ценили. Первые годы в Одессе он жил – не тужил, как кум министру. Но по мере становления новой власти приходилось всё чаще простаивать. Да и заказчик пошёл левый – товар возьмёт, а деньги отдать забудет. Пришлось даже пересесть с поршакана на скутер. Теперь Саджук деньги зря не сыпал. Пригодится воды напиться, как говаривал один не заплативший ему заказчик. И вспоминались слова Аиши, любимой жены Пророка: «Подстилка, на которой спал Мухаммед, набита волоконным финиковой пальмы». Так что пришлось и Измаилу затянуть пояс.

И вот, сидел как-то военный пенсионер в «Бардаке», чай прихлёбывал. А чай там изумителен. Звонкого золота! С чарующим ароматом... Терпкий и бодрящий, он ласкал нёбо и губы, обещая волнующее продолжение: кого-то выслеживать, хватать, умыкать. Чтобы потом, затаив дыханье, слушать приятный хруст зеленоватых банкнот с ликами заокеанских президентов. Но... заказов не было давно, и приходилось прокручивать запомнившуюся с детства строку из Дивана: «Умная птица, попавши в силоч, сумеет набратсья терпенья». Он повторял это всякий раз, когда становилось невмоготу, а прикрытая пеплом скрытой страсти надежда продолжала тлеть...

Крутилось в голове про птицу и клетку и в тот вечер. Крутилось, почти не задевая сознания, когда мимо прошелестела «гюзель» в пьянящем облаке мускуса. Её ножки были обтянуты такими аппетитными джинсами, что у Измаила ёкнуло где-то пониже пупка и в закипевшем мозгу всплыли обычаи его почитаемых бабушек. Он ощутил зов Судьбы. Противиться было глупо, поскольку венчало это чувственное «ассорти» ещё и пучеглазое личико с модно надутыми губками.

– Девушка, – задержал он полёт губок. – Позвольте представиться: Измаил Гирей, прямой потомок Чингисхана. На Дунае в честь меня назван город! Я наследник капудана султана Баязида...

– Кабана наследник? – неожиданно ахнула «гюзель». – Неужто утонул?

– Утонул? – от неожиданности ахнул и Измаил.

– Он же на Дунай поплыл. Там же зимой многие плавают.

– Моржи? – ещё больше опешил Измаил.

– Нет, люди. Это же в Турции. Вы от него? Так мы с Кабаном в расчёте.

– Иди ты! Дунай в Турции? – вдруг восхитилась темноглазая грудастая гренадёрша за ближним столиком. Вдвоём с подругой, ещё более гренадёристой и такой же полногрудой, они хлебали чечевичный суп. Но у первой грудь была своя, а у второй (Полины, для подруг Полетт) –

«наращённая». Это Измаил определял с одного взгляда на конфигурацию надвздошных выпуклостей.

– Бойтесь дунайцев, дары приносящих, – продолжала неожиданная говорунья. – А вопрос на засыпку: Турция где, в Европе или в Азии?

– Женщина! Какая Азия?! Турция – это Африка. Пора знать! – отчитала «гюзель» экзаменаторшу.

– Точно! Стамбул же в Африке, – зазмеилась та. – Так?

– Не так, – хмуро отрезал Измаил, уже поняв, что с «гюзелью» ему не по пути: не осилить ему затонувших в турецкой Африке кабанов и моржей. – Третью в Азии. Остальное – Европа. Вот, например, Бешикташ.

Бешикташ был родным районом Измаила, там он родился между мечетью Синана-паши и дворцом султанов Долмабахче. Там же учился, возле парка Ашиян в маленьком квартале Бебек.

– Бешикташ, Бишкек, Бебек, какая разница? Зато Чёрные Орлы – пятнадцатикратный чемпион Турции, – небрежно бросила несостоявшаяся футбольная обозревательница, ибо именно об этой профессии «гренадёрша» мечтала в детстве.

Сей сладостный миг и сразил Измаила, фаната стамбульского «Бешикташа» и бывшего члена фанатской группировки «Чарши». Ибо услышать такое вдали от родины дорогого стоит. Нет, гренадёрша не напомнила девушку его мечты. Была она дородной смуглянкой с ры-

ком сиамской кошки и «глазами дикой серны». Таких серн и в Турции пруд пруди. И младше, и фигуристее. Но у этой было редкое преимущество – кроме знания о чемпионах Турции, она таила за пазухой не камушек, а натуральный восьмой размер. Восьмёрка – символ бесконечности... А уж такое чудо и в Турции большая редкость.

– Но почему же «Бешикташ», – холодно продолжила повелительница сиамской бесконечности, – если существует великий «Галатасарай»?

– Счастье, что не «Фенер», – уступил Измаил, чувствуя, как языки пламени в его груди вот-вот достанут до горла (во внутритурецких околофутбольных заморочках фанаты «Бешикташа» как-то ещё терпят фанатов «Галатасарая», но фанатов «Фенербахче» мочат сразу!).

Дальше всё произошло само собой: Лора, ибо это и была она, выскочила наверх покурить. В «Бардак» она попала в тот вечер случайно – накануне закрылся её любимый соседний ресторан «Гавана». И теперь мысли ковбойши распирала суженные ей горячие мачо (вернее, их отсутствие). Ведь после латиноамериканцев вернуться к соотечественникам – это, как перейти со стейка и тирамису на хлеб и воду («кто не знал латинской любви – тот не знал рая»). Ну а прижатый грёзами о близком счастье Измаил («Шичас возьму свой Арарат!») пошкандыбал за ней. С бардаком в руке.

А Лора? Подошёл бы ей, конечно, и турок. По причине отсутствия наличия вожделенных латиносов.

Но турки – они же брюнеты. Этот же русоголов и сероглаз. Да в конопушках. Да ещё и хромает! «Чистый тураец». Врёт!

– Наследник Гирея, говоришь? Не Клыч-Гирея, часом? Наверное, ты и целоваться-то не умеешь! – поддела она его. – Янычар должен быть решительным и чёрным. А ты, наверное, чечен. Они же всё воюют. «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал».

– Кто ползёт? – вспыхнул Измаил. – Какой такой чечен? – И, рванув на Лориной груди пурпур, увлёл его носительницу в ближний подъезд. – Нам ничего точить не надо. А блузку я тебе новую куплю... Много-много новых блузок...

Через час восхищённая Лаура рапортовала заволнованнейшей было Полетт: – Это теперь мой муж. На мужа пока не тянет, но первый тест выстоял. – По-английски рапортовала, дабы не понял чужой. Насладившись изумлением подруги, добавила: – Выстоит остальные, я его в Сиэтл заберу. А пока – пусть покажет, что умеет. Да не то, не то, – перехватила она на поясе руку турка – знал он английский язык, знал. – Я о блузке. У меня 50-й размер.

-

– Минутку! – рявкнул из своего угла один из за-всегдаев. – Почему размер? То вы про акул, то про вьетнамцев. Маньку Облигацию прилепили.

Теперь турок с блузками. У меня винегрет в голове.

— Это же метод рационального и духовного познания. А вы автора отвлекаете, — вскочив из-за машинки, нахмурилась официантка. — Идите, Прокопыч, пишите! Эх, вы! — обернулась она в сторону смутившихся клиентов. — Человек в вас будит чувство прекрасного... Сеет разумное, доброе, вечное, а вы... Лучше бы трезвость в норму жизни ввели.

— Да ну вас, — рассердился пьющий элемент. Но слушать не перестал.

*

Так и закрутилось это реактивно-креативное, не поддающееся логике нечто. И уже на третий бессонный день поволокло в ЗАГС. «Ларису Валерьевну хочу...» Видать, коснулась она ядра души человеческой. Бессознательно. Давно догадывалась Валерьевна, что у каждого внутри есть уникальное местечко, ткнув в которое можно к себе вызвать жгучий интерес. Неисповедимы пути Господни. Исходя из них, когда из этой самой точки «Б» (точка «А», как мы помним, исходила совсем из другого места!) выросла идея космоэзотерического центра, Измаил стал третьим слогом названия «СолИксИзм». И не только слогом, но и квинтэссенцией самой идеи. Намёк на ис-

комое таинство икс в человеческих модальностях всегда присутствует. Как и в вечных поисках «Лауры».

Икс – евхаристия. Для какой цели Гроссмейстер делает свой ход, известно лишь самому Гроссмейстеру. А Солдатова им не была. Ибо доучилась всего лишь до медсестры в США, где жила до встречи с Измаилом. Но когда-то совсем маленького Измаила поразил Брюс Ли в забытом уже сериале 60-х «Бэтмен». Позже – Лисын в «Вороне». Увидеть в Сиэтле могилы обоих своих кумиров Гирей мечтал с не меньшей страстью, чем другие о Моне Лизе. Идею обратного мира с учётом этой перспективы и олицетворила приехавшая именно из Сиэтла Лора. Теперь в их общем зените чистым золотом сиял невидимый аккредитив Лойоловского **«Ad majorem dei gloriam»**¹. Поскольку, пока после ранения читал в госпитале «Духовный дневник» великого Игнатия Лойолы, он ощутил в себе миссию. Правда, какую, не понял. Но общее с великим Воином Контрреформации усёк. Хромал так же, как он. И духовными практиками занимался. И умы людские охмурял не хуже. А в реформации нынешний мир нуждался – тут Измаил был всегда в боевой готовности.

Не зная этого нюанса, не совсем понятно, с какого перепугу далёкая от эзотерики пара – медсестра и офи-

¹ «К вящей славе божией». Девиз ордена иезуитов, основанного в 1534 г. Игнатием Лойолой.

цер – задумали бизнес именно эзотерический. Но судьба не собака – палкой не отгонишь. Какая бы, казалось, связь между великими целями Гирея и Лоркиными клипсами? А ведь была! Кроме знания Чёрных орлов и символа бесконечности, именно эти клипсы напомнили ему раскрывшийся тюльпан! В Стамбуле каждый год проходит фестиваль тюльпанов. Власти города высаживают столько цветов, сколько на данный момент в городе жителей. И маленькому Изе очень нравилось любоваться с плеча отца этим буйством кармина и зелени. И – дзинь!.. «О тебе писал Омар Хайям!» – соловьиными ночами нашёптывал Лоре Измаил, подразумевая, что впервые тюльпан появляется в поэме хорасанского поэта и математика XII века. «А мне тебя предсказала Кассандра!» – шептала она ему в ответ, ничуть не преувеличивая. Ведь однажды утром Лора спустилась в «Сильпо» на площади Толбухина, над которым снимала тогда комнату. Эту сеть супермаркетов она вообще не любила: выбор маленький, цены высокие, грязно, тесно. Но в конкретном случае перевесили близость к дому, круглосуточный график и наличие редких сортов пива. А пиво – это её всё...

Нет, начать надо с другого. Лет до тридцати Лорочка (ещё не Валерьевна) ежедневно обдумывала экзистенциальный вопрос, что есть любовь? В тридцать обдумывать перестала, так как через брачное агентство вышла за аме-

риканца Ворона (как *Уоррен (Warren)* Баффет или группа *Warren Brothers*). Решив, что «это и есть пицца», Лора честно занялась её «выпеканием». Но чего-то всё-таки не хватало. Потому искала, искала и искала. И искала... И искала. На вороновом джипе. В конце концов, Ворону надоело, что джипа никогда нет в гараже, и он Лору выставил. Неожиданно решив, что это всё из-за её чересчур большой груди, Лора туго утянулась жилеткой и поспешила на приём к пластическому хирургу. Уже утвердили дату операции по уменьшению молочной железы. Спас Лорину железу Джефф. С ним дошло почти до свадьбы (О! Вот она, пицца!). С помощью риелтора Вики Михайловой пара купила полдуплекса в романтическом селении *Purdy* (Перди). Конечно, закрутилось не по любви, а по парафилии, но Лора всё равно поверила в пиццу. Но не прошло и года, Джеффа вернула себе жена, и Лора рухнула в стриптиз. Данный дивертисмент не принёс, однако, ни ожидаемых знакомств, ни особой удачи, хотя бабки дал неплохие. Смогла съездить домой, в Одессу. И вот там однажды, по пути к матери, которую обещала отвезти на Привоз (у той болели ноги), – заскочила в «Сильпо» за пенталгином. Ехать предстояло далеко: мать жила на углу Канатной и Семинарской, в хрущёвке с кальянной «*Hukkah Line*». Именно там в клубах дыма, как ни парадоксально, познакомилась Лора когда-то со своим первым кубинцем. Полагая, что на сей-то раз

это точно любовь. Но увы... И когда после бурного расставанья с креолом зашла в «Сильпо», её уцепила за юбку яркогубая цыганка (куда ж без этих них!) точно в такой же юбке.

– Вижу, красавица, без любви страдаешь, – пропела она. – И не было её у тебя толком. А всё потому, что мстить не умеешь. Ты погоди – она на пороге. Будет он из чёрненького народа, но не чёрный. Позолоти ручку, всё про него скажу.

Вывернувшись из ухватистых цыганкиных рук, Лора поспешила прочь. Откуда на Толбухина цыгане? Они обычно в центре кучкуются, у вокзала, на Привозе: «пирец-пирец, жувачка». Опять же, откуда она знает, что любви не было? В этакое-то возрасте уже детей женить пора – «бабий век» на носу. «Не было любви, потому что мстить не умеешь». Хм, зацепило.

Глухо стучало сердце от слова «красавица». И хотя Лора понимала, что у этого народа все, кому они гадают, красавицы, но всё же вгляделась в зеркало. А ведь и правда. Отрастить волосы – и сама как цыганка. Вылитая Рада Рай. Со стрижкой, конечно, не то. Зато интуиция – будь здоров. Недавно вон соседка на кобеля сбежавшего пожаловалась. Лора сходу и ляпни – мол, вернётся ваш цуцик через два дня. Просто так сказала. А кобеля и правда привели, ровно через два дня. Какой-то добрый пенсионер поймал и привёл. Вместо того,

чтобы продать и оплатить коммуналку, как советовали с экрана депутаты. Но что значит «из чёрненького народа»? Обама, что ли? Против обам Лора робко роптала: не нравились ей обамы. Или чеченцы – они хоть и не чёрные, но ведь из «чёрного» народа? Но проблема в том, что мужчины патриархальных культур не умеют целоваться, а Лора Валерьевна была фанатом поцелуев. И – оххх... она обречённо представила себя в объятьях «чёрненького».

Но так упоителен оказался медовый месяц (Измаил долго жил на жарких островах и там открыл для себя мир поцелуев), что Лорка кинулась благодарить цыганку. Упорно высмотрела, как та собирает шоппинг-тележки на парковке. Вдевает одну в другую и отвозит назад в «Сильпо». А Лора-то думала, что этому народу работать запаadlo, табор запрещает.

– А, красавица, – кисло отвела «цыганка» Лоркину руку с пятьюстами гривнами (сама же просила позолотить!). – Да не надо мне твоих денег. Я, когда выходит, просто так симпатичным людям помогаю. Нашла своего суженого?

Оказалось, никакая она не цыганка, а просто Света Свячёная, с девичьей фамилией Верчёная и рабочим псевдонимом Хамедафнэ (аллюзия к многолетнему растению семейства вересковых *Кассандре Обыкновенной*). Знает И-цзин и Карты Таро. Балуется кофейной гущей.

Иногда даже что-то «видит». Лора подумала-подумала и (лишних знаний не бывает!) сама записалась на курсы по открытию третьего глаза (приметила в 150-й марш-рутке объявление рядом с рекламкой ресторана «Хаджи-бей»). Ну а потом продала дуплекс в Перди, зарегистрировала космоэнергетический салон и наняла на службу шоппинг-колясочницу Свету. На должность Кассандры Необыкновенной. И, как всегда, всё сама. Ни при чём тут гроссмейстер.

-

«Дааа.. Такие дела-делишки, — прочитав напечатанное не им, хмыкнул человек в шапочке. — Может, она и не официантка...». И, покрутив слегка закрученным кончиком носа в сторону дымящегося шницеля, закрыл машинку чехлом. Шницель требовал его безраздельного внимания.

*

В общем, взялся Измаил за дело. С экспроприированной у Васи мобилы выслал смс-ку его американской зазнобе Йони – она к тому времени жила в Штатах уже третий месяц. С требованием всего-то двадцати тысяч – совсем по-божески. Текст стандартный: «Твоя

Вася у нас. Хочешь получить его живым – гони сумму на электронный кошелёк». К удивлению турка, ответа не поступило. Озадачившись, сфотошопил и выслал туда же фото драматично окровавленного Васи. В ответ абонент... сменил номер. Измаил вычислил новый и стал отслеживать его перемещения в реальном времени. И установил: объект стремительно смещается на восток. «Ага, спасать летит!» – обрадовался Измаил и, вычислив время прибытия, поехал на своём скутере в аэропорт. И в новом терминале по фото в Васином телефоне узнал у багажной карусели вертихвостку. С незнакомцем!

«Вот те на! – опешил охотник за баксами. – Неужели с амером разбежались?».

Ан нет, между поцелуями нежные месседжи на пару американских номеров сыпались по-прежнему. Игнорировался только Васин. Тогда Измаил решил зайти с тыла. Он отснял пламенные объятия Йони и её спутника и переслал Хуторецкой. И та предъявила их Васе. Непреклонный до того стоик взвился кострами. Оказалось, на фото с «его» девушкой – Ахриневич, Васин экс-партнёр. Что вполне логично: Йони-то с самого начала была фанаткой всего дуэта *HotDildos*, а не его половины. То есть не лично Васи. Но, рассыпая искры, он рвал и метал, и порывался из холодильника двинуть напрямиком в полицию и рассказать, кто сбил Гончаренко на самом деле. Хуторецкая еле уняла буяна.

– Тебе не поверят, – увещевала она, – у тебя ж судимость.

– Тогда я её убью! – рычал Вася.

– Получишь вторую. Остынь. Понял теперь, что никому ты в этом мире не нужен, кроме меня?

– Понял, Лёлюсик! Ты лучше всех.

– И тебя можно выпустить?

– Не можно – нужно. ...Я знаю, как наказать эту козу. Мы посадим её в холодильник! Вместо меня!!!

И, обрядившись в цветастые брючки фирмы «Прощай, молодость», «Лёлюсик» вернулась к любовным утехам. О чём тут же и возвестили пунцовые «розы» на её ягодицах. Ну а дальше... Дальше в результате несложной схемы Йони очутилась в холодильнике. Ведь человек под эффектом *jet lag* (разницы в часовых поясах) не совсем адекватен и сладить с ним легко. Теперь ставки Хуторецкой удвоились: кроме акулы, в её распоряжении оказалась и незадачливая соперница, чуть было не вырвавшая из рук её ненаглядного. А такое Лёлюсик не прощала и в той самой молодости!

Новенькой не полагалось ни челогачей, ни даже тюльки. Зато востребованными неожиданно оказались сухари. Их-то хозяин дома Адрон Фёдорыч насушил тонну. По мере надобности мешки таскались наверх, их содержимое сортировалось и размачивалось в кипячёной воде. Потчевать новоприбывшую сухарями

поручили Лоре Валерьевне. Потому как Вася за себя не ручался, а Алисе Борисовне претило видеть обидчицу в фонтане её «йонистой» молодости. Понимающе кивнув, Лора взялась за дело. Не забыв перчатки и маску.

Возможно, на том бы всё и закончилось – покормили бы девку сухарями, порастрясли ей жирок, а потом вывезли бы во чисто поле и – «Ты кто такой? Давай, до свиданья!». Но...

Говорят, на ловца и зверь бежит. Деньги идут к деньгам, мужики к бабам, а идеи правят миром. И суток не прошло – донесли Борисовне, что в городе объявился зять. Тот самый, улизнувший от её дочки с её, Борисовны, бабками. Депортировали его из США за кражу трусов в бруклинском супермаркете. Сначала арестовали, отобрав похищенные трусы, а потом, установив, что нелегал, перевели в иммиграционную тюрьму. И уже оттуда депортировали. Занятный нюанс: до того, как жениться, будущий зять, тогда просто дочкин ухажёр, клеился к самой Алисе Борисовне (пользовалась баба успехом у молодых; ну пользовалась, ничего не попишешь!). Но дочка для Борисовны – святое. И она притворилась, что ничего не замечает. После чего тот и женился.

В общем, отрепетировав горячее сочувствие, Борисовна позвонила негоднику. Забила стрелку у Привоза, где жила до переезда, и – трах-тибидох! – вырубил шокером. И в багажнике каршеринговой машины доста-

вила на Отважных, где под покровом ночи они вдвоём с Васей разместили бедолагу во втором холодильнике.

– Лихо! – почесал наутро русский ёжик Измаил. И прикинул: «Оба агрегата заняты. Хм. Надо бы докупить ещё! – Но, погуглив цены на коммерческие холодильники, усомнился: – Да нужны ли именно они? Мы же их и не включаем. Тут думать надо».

И надумал он вот что: тот самый вьетнамец Трындычук, хозяин кафе и магазина, держал поедаемых им крыс и змей в клетках – обычных, металлических. Измаил мельком видел их за трындычукским домом. А посетив гастроном, выпросил у Алёнки, где такие варят. Оказалось, на ближайшем базарчике. Вьетнамцы-нелегалы. По-нашему не говорят, законов не знают и работают за гроши. К ним-то и обратился Измаил через свежеглазую Алёнку. По его чертежу в каждую клетку провели двойную трубку для подачи жидкости. Работало это по принципу Брониной поилки – жидкость поступала, только когда трубку обхватывали губами. Вторая трубка, потолще и на липучках, предназначалась для вывода отходов. И через пару дней в подвале *of the absentéé master*¹ Адрона Фёдоровича вытянулись во фронт ещё три клетки. Новенькие, как с иголочки. То есть с токарного станка. «На всякий случай, не помешают», – пояснил себе Изя.

И как в воду глядел.

¹ The absentéé master (англ.) – отсутствующий хозяин.

*

На следующий день, когда Измаил спешился со скутера, к нему подскочил щупленький вьет и рваными поклонами настырно зазвал за трындычуковский забор. Осман осторожно ступил на чужую территорию, заросшую бонсями, бугенвиллиями и малабарскими каштанами. «Прямо Йылдыз-сарай!» – провёл Измаил мысленную диагональ к дворцово-парковому комплексу Стамбула. И, готовый ко многому, двинул мимо пагод в дом. Там было пусто. Если не считать клеток с крысами. Ещё в бамбуковой кухне под панно с видом утреннего Меконга красовалась ваза в форме лодочки с каботажем из сушёного скорпиона, корешка женьшеня и живой коралловой змейки. К вазе скопсилась стопка рисовой бумаги. Когда за спиной что-то зацокало, Измаил резко обернулся. Ясными глазами смотрел на него чешуйчатый зверь и ел из кормушки мороженых муравьёв. «Ящер не ящер, ёж не ёж, – поёжился осман. – Муравьед не муравьед...». Но по аналогии с Манькой решил, что скорее-таки ёж, причём опять заградительный – для защиты, например, от избыточной этнокультурной ассимиляции (к слову, со своей задачей Бронштейн не справлялся: вьетнамцевы дети общались с миром исключительно по-русски, а сам Вьетнамец любил... хоккей).

А ещё кухню загромождали дубовые бочки. Как пояснил позже Трындычук, в них зрел рыбный соус гарум: скумбрия, перегнивая с солью, выделяет сок – это и есть гарум. Эллины придумали его для салатов. А нынешние вьетнамцы оценили за «умами» – пятый вкус. А в курсе вы, что это для нынешней цивилизации значит? «Умами» нынче символ времени – он теперь и в музыке, и в литературе. А в живописи и подавно: ещё некто Малевич квадрат измыслил! И всем понравилось. То-то, в такой же таре стамбульская родня Измаила стала томить «львиное молоко» – анисовую водку, пятидесятиградусный раки.

– Приветствуй, бинбаши Гирев! – плеснул в уши вкрадчивый голосок. И на пороге своей кунсткамеры возник Трындычук – невысокий щуплый человечек в леденцово-розовых шортах. – Вы говорите, свой поиск. Я свалить дурака. Лезь на моя территория.

– Компромат на конкурентов, что ли, надо? – после минутного осмысления дошло до «бинбаши» (это турецкое офицерское звание). – А чего так мирно-то? Не проще ли морду набить или вообще завалить? – Измаил выразительно тронул за поясом киджар – этакий мини-ятаган.

– Вы что! – отшатнулся Вьетнамец. – Во-второй, не хотите настраивал одессит против моя община. А во-первый, на триада нада хитрость, а не сила.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

– «Триада»? Китаёзов, что ли, боитесь? Вы же победители трёх войн! Свалили Пол Пота, дали китайцам прикурить в 1979-м, сам помню. И американцев отдубасили.

– А тут хитрость нада, – настаивал собеседник, покачивая мальчишеским торсом, хотя ему давно перевалило за пятьдесят.

– Ладно. От меня-то что хотим?

– Господин бинбаши, я не дурак. Дурак не я. Вы варить клетки не для енота, верно? Вы для человека, чтобы родня даду много денге.

– Клетка – структурно-функциональная элементарная единица строения и жизнедеятельности организма, – попробовал отшутиться «бинбаши». Но Вьетнамец знал язык плохо и шутку не оценил:

– Давай ты сунуть китайцы клетку, я даду многий-многий денге. Он всегда был гад.

– «Даду-даду»? Шутки шутите, что ли?

– Никак нет, – удивлённо поднял жиденькие бровки Трындычук.

Измаил задумался. «Многий-многий денге» нужны позарез, но ещё нужнее партнёры. Умные и надёжные. И уж если Вьетнамец сам допёр... На самом деле всё обстояло проще: на днях юноокая Алёнка объясняла боссу своё получасовое отсутствие на работе вызволением соседки из холодильника. Будь Вьетнамец русским, он бы просто не поверил – русские и сами мастера сочинять подобные сказки для жены и собственного босса.

Тем более, что Передок оказалась подшофе – вызволенная ведь отблагодарила её самогонным скорпионом. Но Вьетнамец жену не обманывал, а босса у него не было, и потому отнёсся он к Алёнкиному сказу всерьёз. А учитывая заказанные у его металлистов клетки, остальное додумал сам. Умный, чёрт.

– Так и давайте слупим «денге» с их родни, – подал встречную идею Измаил.

– Это опасность. Одно дел штука человек, а другой – триада.

– Ладно... «Даду» вы мне в подмогу десяток человек?

– Даду, – серьёзно кивнул Трындычук. – Только весь человек в лотосе.

И терпеливо разъяснил, что осел он в Царском Селе задолго до появления «Деревни Лотоса» – вьетнамского квартала Ланг Сен на Грушевского, где теперь кучкуются его земляки. Банальная история: после армии социалистическая родина направила своего дембеля в советский политех, где он влюбился в однокурсницу Машу. И женился. Влюбился и женился – тогда всё было просто. Через год Маша сбежала к Саше, а Трындычук, погоревав, привёз из родного села тоненькую узкоглазку с непроизносимым именем. С тех пор, хоть и редко, но видели её в брючном костюме и соломенной шляпе на одной из контейнерных площадок Седьмого километра. На глупый вопрос, почему Трындычук живёт далеко

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

от своей диаспоры, любитель леденцовых шорт отвечал по-гоголевски: «дураки и дороги». Про дороги Измаил не спорил: ездил как-то по делам на Суперфосфатный, так все кишки себе отбил. Но тогда же обнаружил на улице Промышленной магазинчик с вкуснейшей кровяной колбасой. Так что про дураков усомнился.

– Кстати, а откуда вам известно моё звание? – обернулся он на пороге.

– Сорок и али баба на хвост, – загадочно отозвался Вьетнамец. С тем Измаил и вышел.

Вскоре конкурентов обезвредили (числом, а не умением), разоружили-растелефонили и расквартировали. В каждую из клеток по двое – маленькие они, китайцы. Кожаными поясами от жакетов Светланы Ивановны пристегнули за руки, за ноги к расставленным вокруг клеток гилям. Подходящих гирь у Адрона Фёдоровича нашлось всего пять, поэтому пришлось проявить смекалку. И получилось.

– Измаил Казбебич, время обеденное, а мне такую ораву кормить, – обратилась к турку Хуторецкая. – Ну вот чем их кормить? Нет у меня ни саранчи, ни их любимых ласточкиных гнёзд.

– Рамазаныч, – нахмурился тот. – Рамазаныч я. А Казбебич это, кажется, джигит у Лермонтова. И то Казбич, заметьте. Нету, говорите? Зато у вас, вижу, сухарей полно.

– Сухарями я кормлю ту пердушку. У меня на неё пиньонсов нет. Ещё в холодильнике майонез вон. И где-то видела шампиньоны, но ей это жирно. О! Перец ещё есть.

– Пере-ец? – озадачился турок. – Перец – это мало-вато... А то что? Банка фасоли? Отлично. Давайте-ка отцедим и хорошенько смешаем с грибами и ржаными сухарями. Кстати, откуда столько сухарей?

– Это Фёдорыч засушили, босс мой. Хобби у них такое – сухари по ночам сушить. Ржаные, пшеничные, ячменные, солодовые... С сыром, с изюмом, чесноком, урюком... Картофельные, овсяные, кукурузные, гороховые... На сковородке, в тостере, в духовке...

– Ясно-ясно, – прервал Саджук креативно-кулинарный поток красноречия. – Ну, наверное, ему надо, с его-то работой... Всё, поливаем майонезом, перчим, и салат готов. Мгновенный салат для оравы.

– Так, может, его и муравьями посыпать? Хотя я бы им просто размоченные сухари дала.

– Неверно, Алиса Борисовна. Еда – это главное в жизни.

– Главнее общения?

– Общение – это роскошь. Без роскоши-москоши не умирают. Просто сидят себе в самоизоляции и медитируют. Хоть гурию представляют, хоть кого... А вот без еды как пить дать помрёшь. Потому еда – это главная базисная потребность. Так же, как и вода. Жизнь есть

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

гонка за еду и воду. Вот и лишаем мы их бани, а не еды. Ставим на путь истинный. Перевоспитываем. Чтоб на свободу с чистой совестью и неиспорченным желудком. У нас же чистилище. Давайте-ка на вечер купим чеснока-лука, паприки и кинзы. И ещё масла. Сварим чечевичную похлёбку. Я и сам её люблю. Чечевицу возьмём у Вьетнамца. А из сухарей сообразим квас... – Кстати, а вы знали, что красная чечевица притягивает богатство?

– Богатство? – восторженно воскликнула Хуторецкая.

*

– Ганьба! Долой синофобию! – заголосил за «завтраком» единственный знающий местный язык китаец.

– Хорошо пережевывай, – раздалось из-под маски. Пока дело не перешло в руки трындычуцкой гвардии, важный пищеварительный акт кормёжки Измаил контролировал лично. Хотя было и недосуг: получив обещанные за поимку китайцев «много-много денег», он работал над их приумножением. Вьетнамец тоже был занят: проведя в «Лотосе» кастинг слабослышащих земляков (их оказалось не так уж мало – три женщины и трое мужчин, один из которых – седобородый этнический японец), он отобрал троих – двух пенсионерок и этого самого японца. В родственных связях они не состояли, но все три носили фамилию Ли. Неазиатов это бы насто-

рожило, потому что «Ли» фамилия китайская (как у тех же Брюса и Брэндона Ли, например) и для охраны китайцев неприемлемая. Однако вьеты проходили в школе не только Четвёртый Интернационал, но и Династию Ли, правившую ими два века, и не смутились. Японец от радости, что вырвался из Ланг Сена, даже написал душещипательное хокку про сказочного духа адзуки-арая, дарящего людям шорох перекатывающейся в воде фасоли.

Заселив трёх Ли в будущую «Пантумаку» (то есть расстелив по полу гостевого домика три циновки), Трындычук языком жестов проводил тренинги по уходу за «трудновоспитуемыми» – так пока называли задержанных. В первые дни японоЛи развлекался тем, что в перерывах между занятиями тряс разделявшую участок рабицу с карабкающей по ней вьющейся фасолью (будущую живую изгородь) и призывал какого-то конского духа. Допризывался он до того, что из своей риги выскочил озверевший Купырь с лопатой. Да так резко припустил, несмотря на свой образ жизни, что Ли еле спасся. Ещё чуть-чуть – и классика бы: «убил дедушку лопатой». Теперь седобородый япошка боялся высунуть нос из-за тренажёра. Так что временно Измаил кормил китайцев сам.

– Нас низя, мы – суханя, – не сдавался лингвистически подкованный китаец. – Ух вам! Нас обмаль, но у нас лихорадка Денге! И ещё хреноус.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

– Нет у вас усов, китаёзы, – лениво отшил Измаил полиглота.

– Изя Газманыч, думаю, он имеет в виду коронное ОРЗ, – догадалась Хуторецкая, погуглив что-то в смартфоне (дело происходило в ноябре 2019). – Тут вон пишут, эпидемия вроде у них!

– Зарубите, мадам, на носу, – я не Газманыч, а Рамазаныч, – Измаил не терпел искажений своего имени. – Газманов – это который про петунью пел. Коровирус у них, ага. А ещё коровье бешенство, Эбола и птичий грипп. Уже бегу за аналгином.

– Про «петунью»?! Ну, вирус не вирус, а в плохо проветриваемых помещениях с повышенной кучностью возможны любые эпидемии. Вдруг на них чума нападёт?

– Чума на них уже напала, – констатировал Измаил.

Но на всякий случай клетки разделил. Листами ДВП и влагостойкого гипсокартона – остались после стройки. Рассредоточил по подвалу кадки с папоротниками. Пригласил из «Лотоса» «вирусологов в штатском». Всем раздал угольные маски, спиртовые гели для рук и антисептик для носа на водной основе, не спиртовой. Говорливого же китайца, чтобы не заразил, задвинули в угол, отгородив парой денежных деревьев. Для озонирования.

(Забегая вперёд уточним: никаких ни вирусов, ни (на всякий случай) бактерий у задержанных не обнаружилось. Повезло. Как сказал один из великих, кому повезёт, у того и петух снесёт, хи-хи!).

– Так что там насчёт красной чечевицы, любезный Изя Гордоныч? – за обедом снова пристала к Измаилу Хуторецкая. – Давайте же скушаем и разбогатеем. У меня как раз финансы поют романсы...

– Да больше кило не осилим, – отшутился Измаил, не преминув ещё раз напомнить: – Я не Гордоныч, а Рамазаныч. Папа мой – Рамазан. А Гордон на бульваре стихи пишет...

Однако, погуглив «чечевицу», неутомная Борисовна уже углубилась в текст: «В древнем мире из-за высокой урожайности бобы считались символом богатства, плодородия и мужской фаллической силы. В древней Индии служили любовным амулетом. У тевтонцев символизировали эротическое удовольствие. По древнегреческим мифам, из-за своей связи с душами умерших бобы были запретной пищей для Орфея. В фольклоре широко распространён сказочный мотив о выросшем из боба фантастическом дереве, по которому можно попасть на небо. Южнославянские легенды повествуют, что Бог приложил много усилий, создавая бобовое зерно, поэтому оно такое твёрдое; на нём сам Бог сломал ноготь, что видно по отметине на бобе. К зернобобовым не относятся бобовые типа зелёного горошка или стручковой фасоли, а также те, что идут на масло, – соя и арахис. Наша же основная зернобобовая культура – горох».

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

– О, «баба сеяла горох»! – подняла она на лоб очки. – Горох, соя и даже арахис – боб! У меня орешки есть, сейчас принесу. Правда, Измаил Горыныч, чем чёрт не шутит! Давайте хоть арахис кушать. Очень бабки нужны.

– А кому не нужны? – не стал больше спорить «Горыныч». И вечером со смехом пересказал разговор жене. Та, тоже со смехом, – своим единственным подругам, Полине Петровой и Вике Михайловой. По Zoom – так называемому «Зумпозиуму». Ведь одна жила в Измаиле – четыре часа машиной от Одессы, а другая вообще в Америке. Но Полине – той, с наращённой грудью, – с которой Лора когда-то повстречала Измаила, если дело не касалось кошек, было на всё плевать. А Вика... Вика неожиданно призналась, что подобный эффект она обдумывает и сама. Причём давненько. И задала неуместный на первый взгляд вопрос:

– А подвал у вас там имеется?

**КАСАНИЕ ВТОРОЕ (ЧТО БУДЕТ)
ВРЕМЯ ДЕНГЕ**

*Ой ты бог
Барамбог!
Ты не ешь
Весь горох!
На свой пир,
Командир,
Пригласи ты весь мир!*
Ник. Морозов

*Кто боится чёрной работы,
тот нам не нужен.*
Лев Троцкий

Как-то раз у одного гения, когда он ещё был не Астральным Вачаспати¹, а просто одним из Барамбогов, Вика вычитала метод добычи жизненной силы из альтернативного резервуара человеконефти. На деле всё сводилось, конечно, к Баблосу, на который «всё прогрессивное человечество» меняет свою жизненную энергию. Зачем? Для того, чтобы снова обменять его на энергию, но другую, более нужную. То есть именно с целью прогресса. Как известно, «баблос» – одно из жаргонных сло-

¹ С санскрита: буквально – владыка речи, полубог.

вечек, намекающих на счастье, успех, деньги = прогресс (*Talos, Telos, Tholos. Biblos*, по-арабски *Jubayi*). Из перечня этих семиозисов автор и сконструировал ряд математических формул для выработки того, чего в XXI веке всем позарез не хватает. Что-то вроде формулы Альберта Эйнштейна, только в личной переработке. Или, скажем, эксцентричной парадигмы. Но если знаменитую $E = MC^2$ Альберт Германович экспроприировал у Милы, первой жены («жена не стена, подвинется»), то, в отличие от дойч-мизогина, *formula* Барамбога стала продуктом его собственных измышлений. И если перевести её поэтично-математичную суть на грубый язык гуманитариев, то она в следующем: в подвал (нет, ошибки нет, именно **PODVA!**) на трудовые карачки (вроде как) ставили мигрантов, которых никто бы не искал. И кормили бобовыми. Экстравагантная диета, помноженная на энергию страдания, как раз и стимулировала выработку баблоса – энергии успеха. Или денег, что для века XXI-ого одно и то же. Успех плюс Деньги равно Счастье. У кого-то недвижимо-материальное, у кого-то движимо-душевное или наоборот научно-техническое. Как раз для этой добычи и был придуман остроумно-безотходный механизм, что-то вроде *Perpetuum Mobile*. Все думают, что его не существует. А он есть! Хоть отчасти и противоречащий законам физики. Гений Барамбога прост, как правда. «Винтики» его подпольной конструкции

размещались пирамидкой, кажется, в два яруса. Вика забыла, где конкретно она у него это вычитала. Позже перерыла всё, что могла – но уже не нашла. Да и зачем, если подвала у неё всё равно нет. Тем более пирамидкой.

Девичья память, однако, Вику серьёзно подвела. Можно даже сказать, жёстко подставила. Потому что тех условных писательских узников кормили вовсе не бобами (дичь какая!), а исключительно суши из фуа-гра со свежим «Божоле». Это во-первых. Во-вторых, содержались они не в подвале, а в производственном цехе башмачной фабрики. И в-третьих, это были не голодные таджики, а вовсе даже бельгиец и три дюжины зажавшихся французов. И – да, фиксировали натовцев ремнями по планиметрии, запомнившейся Вике единственно-верно. Кроме того, перед каждой человеко-единицей размещался жидкокристаллический экран, где высвечивались афоризмы гигантов мысли. На избранных цитатах избранники получали от промышленного робота шлепок нейлоновыми розгами, и в российский банк уходила фиксированная сумма. Так страданиями самих европейцев, по мнению автора метода, неблагодарная Европа спасалась от нового средневековья. Только ничто это Вике не запомнилось. А при отсутствии башмачной фабрики и вовсе забылось.

Тогда-то забылось. А теперь ключевая фраза «энергия страдания» стремительно всплыла из омута её души. И, так как спасение Европы в Викиной повестке дня

не значилось, место заняли мысли более житейские. Общечеловеческие. И даже сами собой зафрендтили план реванша.

«Не может быть! – ахнула Михайлова, уставившись на псевдоним незнакомого автора на сайте «Пиши-читай». – Это же обо мне!». Те же Ибицы, Валентины и малолетки, хоть и совсем другие. Вика хмуро осмотрелась. В номере скромного мотеля были свалены в кучу одежда, лыжи, сковородки, кошачий корм. Венчала всё красная синтетическая ёлка с выдраным из макушки сердечком. В таком виде это оставалось ещё со Дня Валентина... Именно в тот день Вику выселил из дома её «валентин» Корчак. После шестнадцати одновалентных лет. А на её место заселил чёрт-те кого: «цыплёночка» со зловеще-красноречивой фамилией Фартушняру! Из-за этого самого «фартушняка» (о, сколько их ещё в жизни!) и рухнула Викина вера в любовь. Спасибо, хоть комнату снял. Подальше от нового гнёздышка. На другом конце города. А уж какая с Викторией была любовь «до гроба!». Со страшными клятвами на крови. Но исхитрился-таки лукавый ножку подставить!

Три года назад угрозило Вику серьёзно заболеть. Нет, сразу-то Корч не взбрыкнул. Два года выхаживал её, кормил с ложечки, поил снадобьями. И даже возил в Одессу навестить родных. Во время второго заезда «фартушняк» и прицепился. Случайно. Как вирус.

На «Ибице» в Аркадии. Корч в Одессе никого не знал и, чтобы не слоняться по городу в одиночестве, вызвал из Кривого Рожка Ромусика-другка. А у того как раз драма – пиковая дама (ха-ха!): жена ушла к другу. Обиженный двурожец и пустился во все тяжкие. В отместку! Прихватив для компании американского «спонсора». И угодил Корч не в то время и не в то место – бес не ест, не пьёт, а пакости деет.

Человек в красной шапочке-петушке замер в раздумье. Мелодрам он не любил. Даже терпеть не мог. А что писать дальше – не знал. Мешала музыка: какие-то двухголосые завывания на фоне какофонии. Он с неприязнью покосился на телевизор.

— Ну, а дальше-то что, Прокопыч? — вытянув шею, официантка нетерпеливо глянула поверх его плеча на лист А-4, торчавший из челюстей каретки. У бывлой красавицы и у самой случались в юности подобные Корчи. Она капнула себе в кофе пару капель наперстянки и осторожно спустила с колен чешуйчатого зверька. Чем-то хрустя, он поцокал на задних лапах в угол. Медальный профиль Купыря осветился изрядным сарказмом.

— Шла бы лучше Ванюшку кормить! — Он кивнул на трёхсотлитровый аквариум, который крепили

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

у окна рабочие. В целях рекламы хозяин передал в заведение полученный с родины подарок — молодого акула, мужеского, как сказали, пола. В честь Маньки новичка назвали Ванькой, и теперь посетители живо предвкушали, когда зубастиков запустят в резервуар вместе. И каким боком ядрёная Манька соблазнит юного Ваньку. Даже пари заключали.

— Так Вонюша пока в бочке купается, — смутилась брюнетка, хватаясь за поднос. — А вот чем ваша история кончится, мне офигенно интересно.

— Да ну? — Купырь нехотя вправил в каретку чистый лист. — Ну, только если «офигенно». Хм. «И машинка моя, как безумный дятел, долбит дерево отечественной словесности (Ф. Искандер)», — выбил он строчку эпитафии.

— Страсть к перу, что страсть к бутылке, — глубокомысленно изрёк кто-то, из угла созерцавший чешуйчатый хвост ящера. Бронштейн часто навёл завсегдатаев на подобные сентенции. Хотя приносили его исключительно для рекламы заведения.

*

Лора не спала уже вторые сутки. Бобовая беседа занимательным образом преломила её желание сдать Хуто-

рецкую «куда надо» – ясность ведь одна из форм тумана. И теперь Лора думала, думала, думала. И курила, курила, курила. Сколько в её жизни было тех, кого стоило «оставить на бобах»? Заодно, оседлав топлес (без спинки) стул у входа в зиндан, она и сама топлес слушала в наушник Радио FM. Оно бухтело про глубокую древность, где понятия «право» не ведали, а вопросы решались просто: пленников сожрать, изменников-клятвопреступников обезглавить. Но сегодня держать людей в «футлярах» (как теперь называли клетки) законным не казалось... Хотя «человечки в футлярах» вроде классика. Но... что дальше-то? Не убивать же их?! Или...

В этом противостоянии с самой собой Лора устала. Обычно, когда её что-то глодало, она шла спать. По принципу «утро вечера мудренее». Но сейчас, чтобы, не слышать оправдывающих себя аффилиций, даже телевизор включила погромче. И всё равно заснула. Прямо на стуле.

– Крр! – вторгся в её сон *Zoot*. Пульсирующая аватарка возвещала: в Измаиле, недалёком городке областного подчинения, не спит Полина Петрова – подружки-полуночницы любили марафонские беседы. А значит – предстоит новое многочасовое обсуждение вечных «козлов и капусты».

Однако в этот раз Петровой было не до рогатых.

– Прикинь, в приют кошку с котятами привезли!

Прямо с выставки. С медалями, с лентами... Вот уроды! – Полина работала патологоанатомом, а по вечерам волонтерила в кошачьем приюте.

– Люди говно! – сурово заключила Лора.

– Нелюди! – распалилась Полетт. – Я бы их из огнемёта.

– Из огнемёта, это правильно! – Лора щёлкнула зажигалкой и, глядя, как огонь пожирает синтетическое сердечко на салфетке, усомнилась: – Только не слишком ли гуманно? Жить им и мучиться – самое то.

– А как? В подвале, что ли, закрыть? И не кормить?

Второй раз за вечер всплыла тема подвала, хотя вечер уже плавно переходил в утро.

– Или кормить горохом! – вырвалось у Лоры. – Слушай, давай позже! – И, дав отбой, тут же набрала Вику. В отличие от Полины, та редко выпускала беседы из прокрустово блица Что-Где-Когда-Пока. Она работала в небольшом риэлторском агентстве и её время действительно было деньги.

– А, ты! – заспанная Виктория хмуро возникла на фоне одинокого слайса пиццы. – Три часа снова! По тебе часы можно сверять.

Да, Лора частенько будила американскую подругу. Но что делать, если у Лоры день, а у Вики ночь? Гениальные концепты время не выбирают. Хотя в последний раз это было давно – ещё после знакомства с Измаилом.

«Замуж иду, — бодро рявкнул тогда скайп, и из-под рыжей с чёрными корнями чёлки в Вику упёрлись шальные глаза. — Покупателя мне на Пердю найди, плиз. Бабки нужны: мы с мухом бизнес задумали — уникальный! Что за мух? Не что, а кто. Сегодня мух, завтра муж. Пока они на испытательном сроке, я всех их так называю. Пройдёт — в Америку заберу. Гы-гы...».

«Ой, только со стула не грохнись! — последовало на Викин вопрос «что за бизнес?».

Оказалось, вырученные деньги пойдут в аренду вакантного помещения бывшей наркологической клиники, где они с «мухом» раскрутят «космоэнергетический салон эзотерических инсайтов». Под названием «Соликсизм». «Ну и идиотская затея», — подумала тогда Вика, засыпая.

Но в этот раз Лора «тактично» начала с теленовостей.

— Как тебе наш новый? — кивнула она в сторону бубнящего экрана.

— У меня дейтенаропия¹, — уклонилась сонная Вика. — Ты за этим, что ли, звонишь?

— Тогда к делу! — Лора многообещающе вскинула горящие глаза. — У меня есть новая теория оптимизации человечества!

Старую Вика слышала ещё в Сиэтле на заре их знакомства: сегодняшние миллиарды сапиенсов давно

¹ Дейтеранопия — пониженная чувствительность к зелёному.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

не в связке с параметрами Здоровой Природы. Ибо, если животным, прежде чем пожрать, надо за добычей бегать и прыгать или, чтобы добычей не стать, убежать и отпрыгивать, то человеческие особи предпочитают лежебочничать даже в момент пожирания. А поскольку сегодняшние технологии усиленно этому способствуют, «нелюдями» считаются все, кто зарабатывает меньше ста тысяч в год. И надлежит их кастрировать. Озвучено это было перед студентом, с которым Вика тогда пыталась Лору познакомить. Студент наверняка еле сводил концы с концами, но теорию выслушал с неподдельным интересом. После чего исчез.

– У нас с Полиной тоже, – отозвалась собеседница. – Надо жечь из огнемёта всех, кто способен обидеть животное!

– Она и тебе звонила?! Животные – это чушь. Не в них дело. Нет... – и замолчала, торжествующе разглядывая Вику.

– Ну? – нетерпеливо поморщилась та.

– Готова?.. Начну издалека, ведь я по первому образованию филолог...

– Тебя выгнали после первого же курса, – напомнила Вика.

Лора пожалала плечами с видом «это их проблемы».

– Ну, короче. История человечества – это история предательства! – Лора хищно ляскнула маникюрными

ножницами. – Знаем же про «И ты, Брут!». А наш Ильич? Которому сто пятьдесят в обед? Уж как ему молились! Как фараону. Тем не менее, его последние слова были: «Гаврюшка, меня отравили. Всем скажи!». Исторический факт, между прочим. И Христа предали. И Цезаря. И этого... – Лора погуглила в памяти. – Лондон, который. Щедрый Джек построил дом специально для своих алкашей. Назвал его «Дом Волка». И содержал там шушеру прихлебателей. Кормил и поил. А они ели-пили, а потом дом тот спалили. Из зависти. В четырёх местах подожгли, чтобы дотла. И очень веселились, когда их благодетель остался в чём мать родила. А Велимир Хлебников?! Знаешь такого?

Вечер. Тени.

Сени. Лени.

Мы сидели, вечер пья.

В каждом глазе – бег оленя,

В каждом взоре – лёт копыя.

Лора восхищённо прищёлкнула пальцами. – В гражданскую они с другом, тоже поэтом, очутились в голой степи. Тот обессилел, то ли от дизентерии, то ли от холеры, и не мог идти. И тогда благородный пиит собрал припасы и двинул в путь один. «Не оставляй меня умирать, Велимир», – хрипел дружок. А товарищ обернул-

ся и этак ему поэтично: «Степь тебя отпоёт!» – И Лора широко раскинула руки, показывая необъятную ширь русской степи.

– Этому всему тебя за один курс филфака выучили? – поразилась Вика.

– Да я самородок. В общем, борьба с предательством – чушь. У нас с тобой кишка тонка развернуть человечество. А вот запустить процесс на домашнем уровне... – Лора драматично понизила голос. – Опробуем?

– В смысле?

– Твой бобовый метод опробуем. Раз есть такой ценный ресурс, как подвал и нелюди, начнём добывать КПД энергии страдания. С паршивой овцы... Энергосбыт... А то – и рыбку ели и косточкой не давились. Это против природы. За всё надо платить! – Лора выразительно умолкла в надежде, что приятельница вспомнит, где именно описан процесс добычи. Но Вика ответила вопросом:

– А почему именно бобовый?

– Так идеологема же! – не упустила Лора повод блеснуть познаниями. – Маскирует собой понятие вещности. Симулякр – вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что её нет. Так говорит француз из Йеля. Золушка тоже перебирала бобы, перебирала – и в принцессы выбилась. Бобы и есть символ изобилия. А человек – сам символ, символами питается и символы

выделяет из себя. Символ символа, короче. Поэтому, зарабатывая, люди просто меняют одни символы на другие. «Товар-деньги-товар».

– Герметичный «закрытый стиль» типа? – с сомнением уточнила Вика.

– Или! Один из маршрутов поэзии трубадуров. Понимают одни посвящённые! – и Лора оседлала стул, почти как *lady Godiva*. Хотя, не будь стула, Лора явила бы собой голую полноту роденовского «Мыслителя». Тоже неплохо.

Видя сомнения подруги, Лора добавила:

– Ну, или можно просто вернуться к моей прежней теории: кастрировать тех, у кого нет ста тысяч годовых.

– И моего Корча кастрировать? – уточнила Вика, наблюдая, как предметно изучает подруга клюв инструмента. – У него семь тысяч в месяц. Это девяносто четыре в год.

Лора кивнула. Представив, как, держась за причинное место, убегает от неё Корчак, Вика прыснула.

– А ещё я думаю над интересной закономерностью, – застыла Лора на своём «пьедестале». – Единица рано или поздно приходит к нулю. А чтобы шарик вертелся, – она снова понизила голос, – надо постоянно что-то обновлять. Это как велосипед: жмёшь на педаль – едешь. Не жмёшь – стоишь. И что выходит? А по Маяковскому: «Единица – вздор, единица – ноль,

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

один – даже если очень важный...». Короче, я пришла к выводу: подлость нужна. Позарез. В качестве ноги на педали. Это рычаг, которым кое-кто хотел мир перевернуть. И перевернул бы, если б дали. Потому что даже утопии могут оказаться реальнее, чем... В общем: «Всё движущееся когда-либо было приведено в действие чем-то другим, которое в свою очередь было приведено в движение третьим». Фома сказал, между прочим. Аквинский.

– Так он же сказал – есть ещё и третье.

– Ну, на то он и Фома неверующий, – Лорка азартно переместилась со стула на стол. – Вот я и думаю... – и опять замолчала.

– Ну?.. – с монитора Лору подгоняли нетерпеливые глаза. Отпущенная на блиц-беседу минута давно истекла.

– Говорят: «друг познаётся в беде», – после короткого замешательства Лорин голос явил тревожную непоколебимость. – Люди знали о зыбкости отношений ещё до римлян. Всё случайно. Тёмной ночью какой-нибудь отвязанный гормон не в ту степь махнёт хвостом, и наутро ты не ты. Юристы и есть, чтобы всё учесть. Меня как юриста колбасит противоположность наших действий. Им надо искать подоплёку!

– Ах да, ты же у нас ещё и юрист! – рассмеялась Вика, отправляя в рот кружок пиццы. – Филолог, философ и юрист! Да их никогда не слушали. Жанне д'Арк было

девятнадцать, она отвоевала земли для короля. А он выставил её ведьмой и усрал на костёр. Позавидовал девчонке, иуда. У нас до такого, надеюсь, не дойдёт.

– «Могучею блистая красотой, она была под юбку герой...»¹. Вот тебе и тайные внутренние мотивы! Но нам-то кто их доложит?

– Слушай! Давай я тебе палец прищемлю? – послышалось с лестницы. Измаил подошёл неслышно, как и полагалось человеку его профессии. Полночи он возился с гирями: расставлял их по клеткам для фиксации узников, и чтобы не вбивать костыли в бетонный пол. – А потом ты мои мотивы слушаешь.

– Но...

– Подумаешь, Карл, да всего лишь седьмой! – Сельджук без усилия выставил за дверь лишние фиксаторы. Почти как Брюс Ли, он мог держать на вытянутой руке гирию в тридцать кило. Для клеток же взял по пятьдесят – тяжелее у Чужало не нашлось. – К чёрту твою юриспруденцию, Лаура! Предатель – нелюдь. Какая ему защита?

– Всё же нужен кто-то, знающий законы. – Лорка покачала головой. – Я же до Америки ходила в академию Кивалова! И почти окончила.

– Тебя вытурили со второго курса, – напомнила Вика.

– Подумаешь! Учиться дольше – признак дури, вообще-то. Я и так буду служить верой-правдой. Клянусь! – И Лора подняла правую руку.

¹ А.С. Пушкин.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

– Правильно. При чём тут законы?! – Гирей громыхнул последней гирей и красноречиво взглянул на жену. – Счастья хочешь?

– Хочу, – призналась та.

– Ну и вот.

*

Так в три часа ночи идея гения и обрела новую жизнь. Оживала та идея и раньше. Но, не находя соответствующей атрибутики, отправлялась восвояси. Шанс испытать её на деле появился только сейчас. «Мечь должна быть конструктивной!» — переозвучила Вика Лоркино «женщина должна быть сексуальной». И, поскольку сексуальность одобрял даже вуайерист Фрейд, модернизировала её статьёй недавно прочитанного Макса Планка. Тот доказал, что сила истекает из постепенно назревающих событий. В подлунном мире всё странным образом укладывается в два идеально уравновешивающие себя царства – энергии и материи. А раз вся присущая массе энергия остаётся скрытой, то и управляют ею лишь те, кто додумался этот рычаг нажать первым. Страдать Вика больше не хотела. И поскольку была в корне не согласна с утверждением Фрейда, что миром правят деньги, власть и секс, то и взяла за основу ницшеанский постулат о культуре, которая есть лишь тоненькая

яблочная кожура над раскалённым хаосом. Сей огнедышащий беспредел и воспламенил её воображение. План мести вызрел уже с расчётом на СолИксИзм и группу его поддержки. А культуру с её сопливым гуманизмом – к чертям собачьим. Сначала разлучнице на орехи. А потом и всем отступникам. Всем гонимым гормонами страсти и бросившим в адское пламя беззащитные души любящих и верящих.

Оттолкнуться решили от безотносительного постулата Конфуция: «символы и знаки правят миром». Ибо всегда есть то, что есть первопричина всего. Правда, где причина, а где следствие, людям не разобраться, но главное понятно: геометрически абстрактный объект, называемый жизнью, имеет единственную твёрдую координату – деньги. Это константа. Золотой ключик, открывающий нашу тайную дверь. Переключающий потенциальное в актуальное. Хотя для непосвящённых их условные символы могут различаться своей неожиданностью. В Китае это жаба. Скользящая и холодная. В Японии – жирный кот. В Индии – слон. В Египте – жук с шариком в лапках или ясная, как солнце, виноградная гроздь. Как и в Испании, кстати. Виноградника напоминает и боб, и шарик навозника, и просто монету – символ власти над миром. Или, как говорил Дионисий Ареопагит, «несходные подобия», которые посвящённый пони-

мает без слов. Поскольку оригинал, подлинник всё равно известен только Конструктору. И так как бобовые – лишь симулякры богатства, то заедая виноградом гороховый, скажем, суп, малосведущий рудокоп-экспериментатор теоретически приумножит количество денежных знаков в своём гипотетическом кошельке (идея требует проверки, но правящие миром знаки всегда денежные!).

Конечно, нет идиота, который, имея доступ к калейдоскопу еды, с утра до ночи давился бы одним горохом. Однако выход проще пареной репы: кормить горохом тех, кто элементарно лишён доступа к другой еде. Тогда, даже без рецепта Барамбога, полутанталовы муки бедолаги трансформируются в искомый Баблос. Всеобщий эквивалент меры ценности товаров и услуг. Ибо, «скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деяния,14:22). Вон Евсевий-пустынный всю жизнь ел только квашеные бобы и горошек, а дожил до глубокой старости... Минус на минус даст плюс!

Экспериментировать с горошком вызвалась Лёлюсик.

В честь отсутствующей хозяйки дома начать она решила с рецепта испанской фабады из сталинской поваренной книги. Её выудил Вася из просроченной периодики в пыльном глобусе-баре. Генералиссимус планировал кормить фабадой испанских детей. Но, как известно, «*niños*» любви к Кобе не питали и есть из его рук отказались. Может, это просто ложь 90-х, но в массы фаба-

да так и не вылилась. Тем не менее, суп из белой фасоли со свиной рулькой прошёл у «воспитуемых» на ура. Обрадованная Алиса Борисовна воплотила рецепты пучеро и косидо – один суп из белой фасоли, другой из красной. На выходе оба оказались красными от шафрана и паприки, но «воспитуемые» их поглотили с тем же завидным аппетитом. И даже стали меньше вопить.

Окрылённая успехом, Борисовна состряпала паэлью. Опять удача. Сбацала лобио. Снова в цель! И тогда в ход пошла вся бобово-гороховая рецептура из инкунабулы кремлёвского горца и складских запасов Трындычука.

После чего бобовая тема себя исчерпала. Временно. По причине неожиданного дефицита продукта на трындычукском складе: залежи бобовых там заметно уступили рисовым. Вьеты ведь не мексы – у тех даже прозвище *beaners*¹. А среднестатистический вьет поедает риса около ста семидесяти кило в год и держит второе место в мире по этому делу. И хотя рис – тоже символ богатства, раз сказано боб, значит боб!

– Слушайте, так давайте сами сажать? – загорелась Лёлюсик Борисовна, обнаружив на Трындычуковом участке «пар» – ничем не засеянную полоску земли. – Бобы не грибы, не сеешь – не взойдут. Пишут вон, какой-то Джефферсон выращивал у себя в усадьбе тридцать сортов гороха. Мы чем хуже?

¹ От англ. BEAN – боб. Прозвище, данное мексиканцам жителями США.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

И протянула Измаилу найденный в том же глобусе справочник Бобруйского издания «Во саду ли в огороде: полное руководство для ленивого бобыля-садовода по превращению дачного участка в райский уголок».

– О! – вдруг обрадовался Измаил. – Трое в саду, не считая меня!

Как раз накануне он посмотрел старое советское кино с тремя смешными евреями и Монморанси в лодке и был в весёлом расположении духа. Тем более что земля у Вьетнамца прекрасно жирела от азотистой бобовой диеты – не все отходы воспитуемых распяляли чужаловский камин. – Так и назовём наше ЧП: ООО «Сад». А самих воспитуемых – головы садовые.

– О-о-о, гениально! Все в сад, господа! Только сажать будем не что, а кого. В падеже исключительно винительном.

Ах, яблоня цвела

В старом саду...

Только не яблоня, а бо-о-о-об!

И всё: проект «О-о-о Сад» пошёл в рост. Причём со стремительностью андерсеновской фасоли.

*

Посевная началась, как водится, с бумажной рутины. «Без пяти минут юрист» скачала с интернета лекала нужных документов типа «отказ от претензий». Каж-

дый из «участников», мол, давал «добровольное согласие на участие в научном эксперименте по изучению долговременных эффектов аскезы». Согласие требовалось непременно добровольное – лишь оно принесло бы плоды. Каждой «садовой голове» зачитали бумагу, подписывать которую, естественно, никто не захотел. Но, когда был выдвинут простой ультиматум: мemento мори (то есть подпиши или умри) – подписали. Убивать, конечно, никто бы никого не стал, в крайнем случае поставили бы коленями на горох, но, к счастью, они этого не знали. А может, сработала овально-гнездовая сумма в 08,08\$, обещанная **каждому** за каждый успешный день эксперимента. Цифру взяли с потолка (с потолочного триптиха в гостевом домике). «Успешный день» означало без рёва и зёва – в случае вербального беспредела били долларом. Также, каждая голова написала домой письмо с просьбой не искать их ровно год. Отдельно был подписан пункт о конфиденциальности: факт и подробности данного «эксперимента» не раскрывать, иначе участник теряет право на заработанные в его ходе деньги. И главное: в случае успеха проекта наградная сумма подлежала индексации в процентном соотношении от получаемого из него дохода. После этого дружно умолкнувших «голов» позиционировали по той же, так и не найденной книге, в позе «лобстера». Вот тогда бабло и «попёрло». Причём, сразу. Измаилу, Трындычуку и даже Васе.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

*Всюду деньги, деньги, деньги, – радостно мурлыкал
Вася, поглаживая Мировое дерево на купюрах евро...*

Всюду деньги, господа.

А без денег жизнь плохая,

Не годи-и-тся никуда...

И ведь ничего не скажешь – правда. Несмотря на взметнувшиеся цены, заказчиков и, следовательно, доходов становилось всё больше. Из открывшихся космических кранов хлынула такая бурная отдача, что концессионеры еле успевали набивать арендованные ячейки уважаемого банка «Порто-Франко». Остальное понемногу вкладывали в ценные бумаги. Точно, как в анекдоте: «Купил бы ты, наконец, лотерейный билет». Ну вот купил, купил. Только ничего не изменилось ни у Вики (а ведь именно с её *camouflet* и пошли собираться тучи!), ни у Полины, так и не приехавшей из Измаила по причине окота. То есть пошли на лад дела денежные, но не сердечные. А сердце от живота в биологической иерархии на порядок выше. Поразмыслив и сверившись с пан-азиатскими выкладками, а заодно и с постулатом «не везёт в любви – везёт в игре», решили, что «лобстер», конечно, по делу. Но исключительно для выработки энергии ян. Никак не инь. То есть всё, что хорошо для мужчин, для женщин – швах, увы. К тому же, женская аскеза, в отличие от мужской, должна содержать

элемент удовольствия. Исходя из этого, решили подсыпать в футляр Йони сладостей, недешёвой косметики и модных обновок – благо, доходы от проекта позволяли. Но опять ничего не изменилось. Тогда в экспериментальном порядке решили скорректировать тему «лобстера», переведя воспитуемую в позицию «мостик». То есть выгнуть её в обратную сторону. Выгнули – и вот тогда-то энергии сгармонизировались. Зато стало очевидным, что мостиком стоять неудобно, и «голове садовой женского пола» долго не выстоять. Пришлось подпереть спину «головы» подушками. И задуматься. Хоть немного и не о том.

– «Спину головы»?! Ха-ха-ха.

– А как назвать? «Лицо, лицу»? Подлецу всё к лицу. Или, может тогда, они – фигуранты, а мы – адресанты, то есть получатели их энергий?

– Нет! Адресант – это не получатель, а отправитель. У нас получатели энергии, то есть адресаты, – это заказчицы, клиентки «Соликсизма» – острова свободы. А мы кто?

– Тогда пусть они – фигуранты, раз стоят в разных фигурах, наши заказчицы – адресаты. А мы, скажем, просто сadyги. Сад-то наш всё же на юге.

– Сadyги?! Ну пусть.

Специально для Йони «сadyги» заказали эксклюзивную клетку с экспериментальной подставкой. Из липы –

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

экологически чистого материала. В ней крепился гипоаллергенный хлопчатобумажный пухлик. Каждые три четверти часа он автоматически опускался, переводя фигурантку в горизонтальное положение, что позволяло передохнуть. Заняться косметикой и сладостями. Дела пошли лучше, но... опять не ах. И тут решение пришло с неожиданной стороны. Случайный вопрос: «Как дела по ночам?», заданный Петровной Борисовне, навёл въедливого Вьетнамца на невероятно интересное наблюдение: обе пары – Лёлюсик со своим Васей и Лора с ещё более своим Саджуком – проживали соответственно на втором и третьем этажах особняка (Хуторецкая – согласно договору о найме, а остальные просто экономили). И периодически оглашали село пылкими ночными воплями. Но – не каждую ночь одновременно. Иногда тишине второго этажа вторила и тишина третьего. И поскольку их ближний сосед Вьетнамец женат был давно и успел вернуть себе ясность ума, он и пришёл к кардинальному для общего дела выводу: успех проекта предваряется именно двойной тишиной. То есть, грубо говоря, после тихих ночей дневные дела шли в горку. После громких – под горку. Не хватало, видимо, энергетической сублимации! В меру знания языка Вьетнамец поделился выводами своих обсерваций с Измаилом. Потратив всё утро на осмысление услышанного и обсудив вопрос с женой, турок тут же наложил мораторий

на любые занятия любовью. На всей чужаловской территории было объявлено строжайшее воздержание. С цокольного этажа до чердачного. И от западных границ рабицы до высоких восточных ворот, предусмотрено запертых на электронный замок-невидимку. Одновременно с этим был объявлен сухой закон, причём не только на садовых территориях, но лично садюгам, где бы они не находились – ведь «водка бойцу не к лицу». И вот тогда-то «О-о-о Сад» и заработал в полную мощь.

Любопытно, что в результате этих царскосельских метаморфоз у Светланы Ивановны в далёкой Евроzone вдруг начался второй медовый месяц. Правда, сама она самоуверенно отнесла это на счёт собственной неотра-зимости, усиленной евромассажами и глазурными за-херами, ну да это её проблема. На самом деле никто так и не догадался снять с кухонной стены свадебный портрет хозяев. И оказался он на самом пересечении сублимированных фигурантских векторов.

Тем более, что и место для их пересечения было выбрано отлично: в самой «стратегической» точке Царского Села, на вершине трапеции сходящихся улиц Белорусской, Славянской и Отважных. Трапеции, правда, условной и даже вовсе не трапеции, а пятиугольника неправильной формы. Но эта неточность лишь усилила магически-магнитную составляющую сакральной вер-

шины. Кстати, пятиугольник по-научному – пентагон (данную информацию Хуторецкая даже записала).

А места вокруг какие зелёные! Почти пасторальные. Если идти по посёлку в сторону Красного Хутора или Бурлачьей Балки, попадутся Абрикосовая, Вишнёвая, Солнечная, Парковая, Цветочная! Названия – хоть стихи пиши. Венчала идиллию, как и положено, улица Дружная. А портила бестолковая Якутская. Правда, портила мельком. Потому что после Студёной расходилась на северо-восток в многочисленные переулки Амундсена и Марии Софроновны Демченко. Так что по-настоящему нарушала буколику лишь улица Цветочная. И то исключительно своей грустной аллюзией к судьбе профессора Плейшнера (для тех, у кого она её ещё вызывала).

В этих закоулках проживал раньше и наш *absentéé* Адрон Фёдорович. В романтическом, как домик Мальвины, теремке с изящными витыми воротцами. С бассейном на заднем дворе! А фигурные балкончики! А витражные окошки мансарды! Этот теремок, как и новый коттедж на Отважных, наш неутомимый коллаيدر тоже проектировал сам. Хотя лично предпочёл бы дом-куб в стиле эко-минимализма. Но хотелось мира в семье, то есть счастья. А значит, и выбора не было.

*

В том, что главный враг счастья – избыток выбора, был убеждён и Измаил. Именно по этой мудрой причине каждый завтрак он начинал одинаково: с чая. Надо сказать, ни один китаец или индус не умеет заваривать его так, как это делают турки. Они затевают его по-особому. В двойном чайничке. Нижний заполняют водой, а в верхний, поменьше, засыпают заварку. Когда в нижнем вода закипает, её заливают верхний, и только после того, как чайники улягутся – напиток готов. И дальше его просто томят, чтобы не остыл. Потому что пьют чая турки много. В этом Турция – абсолютный чемпион мира. И немудрено – ах, как в армуде смотрится это янтарно-медовое зелье! Правда, в иных заведениях халтурят и шпарят кипятком просто чайные пакетики. А, бывает, даже не кипятком! Летел Измаил как-то рейсом «*Turkish airlines*» Лондон-Стамбул, и подали ему откровенную ишачью мочу, самоуверенно назвав «турецким чаем». Вот где настоящий «наглый фрукт»! С тех пор отечественной авиации он сторонился. Кто-то скажет – непатриотично, но патриотичнее не бывает! Учитывая, что пассажиры обычно ненавидят перевозчика. Так не лучше ли ненавидеть чужого?

Короче, рассвет Измаил любил провести в одиночестве. Попиваешь себе армуд за армудом и, пощипывая

саз¹, размышляешь о вечном и вещном, сменяющих друг друга. И то ли ты в чьём-то сне, то ли сон в тебе. Сей удивительный инсайт погружал его в самую суть жизни. Которая, честно говоря, бессмысленна: в громадном яйце Великого потенциала даже планеты – не более чем отсвет чьей-то идеи. А человек даже на кварк не тянет. Поскольку свойства материи задаются элементарными частицами. Они и строят низкочастотную физику нашего мира. И само слово «жизнь» – всего-то набор случайных в своей непоследовательности звуков и знаков. Обозначающих представление человека об им же и придуманном. Тем же Платоном, кстати. Который и утверждал, что материальны только идеи. Остальное – тени. И ведь правильно сообразил грек: прежде, чем взять в руки армуд, даже Измаилу надо чаю захотеть! Но ведь чай, хоть и произносится одинаково («ча» на пекинском и гуандунском диалектах, «тцай-е» на тайваньском, «чай» – на хинди), везде разный. Он сам по себе. Ты сам по себе. И даже способы заварки у каждого свои. Хотя на мировой процесс ни то, ни другое ничуть не влияет. Особенно, если не позаботиться о газовой горелке и водопроводном кране. Идея есть, а чая нет. А, стало быть, и сама затея яйца выеденного не стоит. Крутятся спирали Вселенной, а дела им нет до тебя и твоего чая. И даже тени от них никакой! А пошире возьми?

¹ Саз – струнный музыкальный инструмент семейства танбуров.

К примеру, абстракцию о братстве и равенстве? Если толпу всколыхнуть, она, конечно, поверит, что и такое бывает. Толпе всегда охота в рай на чужом ишаке. Да только степень голода и острота клыков тут же то братство и опрокинут. И распинаясь потом, кто и в какие офшоры братский нал увёл – сплошная тень на плетень. Игра ума охотников за Баблосом. Так что, когда вопрос касался добычи, моральный аспект Измаил опускал – была нужда из топора кашу варить!

И напомнив себе, что терпенье и труд всем натрут, Измаил ещё раз отправился в смотровую яму гаража. Он ведь осмотрел только левую дверцу холодильника. А была ещё правая! Не очень-то чужие тайники спешат раскрывать свои секреты. Но ведь не зря горячку порол – внутри обнаружилась сумма! Не большая, но и не маленькая. Приличная. Она и пошла, вместе с вьетнамским гонораром за поимку китайцев, на закупки бобовых. И вскоре зачастили в Царское Село жёлтые и красные грузовички экспресс-курьеров с контейнерами от бирманских вьетнамцев (ведь Бирма – один из мировых лидеров по производству сухих бобов) и от китайских (Китай – лидер по зелёным). На складе даже не хватило места. И встали на вьетнамцевой кухне между стопками рисовой бумаги и бочками соуса ящички зелёного горошка и стручковой фасоли. Угловатых адзуки и люпина. Белой астурийской и лунообразной лимской фасоли, ка-

ролинских и сахарных бобов. Гороха коровьего и голубинового, вигны китайской и нута. И, конечно, пресловутой красной чечевицы, за которую кто-то душу продал.

А чтобы хоть как-то объяснить движуху в обычно сонном Царском Селе (и особенно в их квартале!), объединились нетрадиционная космоэнергетика и традиционное вьетнамское целительство. К уже раскрученному названию «СолИксИзм» добавили ещё одно, часто слышимое: «Турецкий поток». Элементарно для привлечения внимания. Хоть и с трудом, но зарегистрировали, где надо. Доставили будку с круглым окошком. Увесили её снаружи зеркалами, расписали народными вьетнамскими мотивами. А для блезира поСАДили у входа вымазанную «звёздочкой» старенькую тёщу Трындычука (обвязав её крест-накрест оренбургским пуховым платком!). Она постоянно дремала, ничего не понимала и ни о чём не спрашивала. Вокруг неё расставили киринов – крылатых оленей с головами добрых драконов. Считается, что они блокируют негатив. На окно положили подкову рожками внутрь и приклеили контур ласточки – символа женской привлекательности. По углам развесили корешки женьшеня и расставили кадки с гранатовыми и лимонными деревцами. А для пущей экзотики периодически приносили в будку Броню. Привязанный к ножке стола млекопитающий ящер встречал гостей на задних лапах, что производило безотказный эффект: ошарашенные зрелищем клиенты подписывались на всё и сразу.

И, хотя целью «Потока» был всего лишь отвод глаз, туда сразу потянулись клиенты. Самые настоящие. Сначала по одному-два, а уже через месяц они записывались в длинную-длинную очередь: прослышав, что здесь живёт вьетнамец, люди подсознательно надеялись на чудеса в решетке.

*

Вот что померещилось одной писательнице,
пока она стояла в этой длинной-длинной очереди.

Эх, хорошо летом в Совиньоне! И неважно, живёшь там на вилле или в простом курене — море одинаково для всех. Утром бирюзовое, с пивным прибоем. Вечером голубино-голубое крыла, а по окоёму звёзды серебряные. Тёплый песочек, ласковые волны — чего ещё нужно для счастья!

На въезде — высокий забор, шлагбаум, охрана, — чужой не прошмыгнёт! Единственный минус: на весь Совиньон всего одна нотариальная контора, а в ней всего одна нотариус — и та эмоционально нестабильная: чуть что не по ней — криком кричит, воем воеет. Тряской трясётся вместе с осиновым столом. А так — да, сплошной рай.

И жил в этом виноградно-вишнёвом Эдеме некто Адам. То ли Тихомирович, то ли Теодорихович —

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

мужчина, что называется, в соку да ещё серьёзный предприниматель. Знали его не только в маленьком Совиньоне, но и в самой Одессе и даже за её пределами. Род его вёл начало то ли из Бессарабии, то ли из Валахии. Может, был он дальним потомком «короля гномов» Дурина, любителя дурианов! А может, и самого Дракулы. Ибо, попивая кровушку менее удачливых соотечественников, в лихие девяностые легко скототил состояние. Его активы насчитывали дилерский центр, автомобильный магазин и сеть заправок. Сам он — бывший спортсмен, офицер запаса, просто гражданин Украины — каждое утро исправно совершал пробежку вокруг Совиньона. Потому как автомобиль поднадоел. Хотя и был он у него последней марки. Белый. С белыми кожаными сиденьями, над которыми ещё витал дух смыкания возможного и невозможного (неподвластный уму „запах новой машины“). А ещё были у него любящая жена, серьёзный целеустремлённый сын, умница дворецкий, затейница кухарка, а также садовод, огородник и три личных водителя. Короче, дом — полная чаша.

Но сама Писательница была так далека от мира бизнеса, что никогда бы и не узнала о существовании этого самого Теодориховича, если бы по параболе от него (на расстоянии брошенного яблока) не проживал её бывший муж. Тот самый Ян из одноимённого её рассказа. По возрасту превратившийся

в Прокофьяча. Или, сокращённо, Купыря, как окрестили его соседи из-за буйных зарослей купыря на огороде. Как раз в то лето бывший Ян и дозрел до частичной продажи своего участка — семи соток из четырнадцати. На вырученные деньги сотковладелец и его проходимец-квартирант, уроженец той же виноградной родины Адама Теодориховича, накупили разных разностей. В том числе «Таврию» цвета «обмоченный асфальт» и домотканый кинотеатр на органичных светодиодах. Их и умыкнули «неустановленные лица» — дружки проходимца. Потом звонили и требовали выкупить. За солидные бабки. По просьбе Купыря Адам Теодорихович, которого тот из уважения и для удобства речи звал просто Тео, лично ответил на очередной звонок и договорился о встрече. Но свидание не состоялось. «Неустановленное лицо» решило сначала выяснить, с кем будет иметь дело. Тео лишь проследил за ним издали. Теперь предстояла серьёзная разборка.

Как раз в то лето Адам Теодорихович выставил на продажу свой дом в Урчном Тупичке. С мраморной кухней, ониксовой мебелью и встроенной электроникой. Плюс — с дровяной банькой и двумя джакузи: зимней внутри дома и летней на тенистом заднем дворике. В верхние спальни — фисташковую и лесного ореха — вела винтовая лестница. Не дом — мечта, хоть и без бассейна. И, пожалуй, те, чья изначальная кровь легла в фундамент вышеуказан-

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

ной недвижности, были бы в нём на седьмом небе. Но говорят же: лучшее враг хорошему. Обитель перестала отвечать запросам семьи. Ибо, съездив на отдых в Португалию, супруги замыслили открыть на первом этаже португальский ресторан — после Лиссабонской Ривьеры и Мадейры жена бредила португальской кухней и даже собрала внушительное количество рецептов. Особенно десерта «серрадуры». Посему Тео и название португальской корчме придумал — «Фигу». Кто и не поймёт, всё равно понятно. Но только стоял дом в тупичке. Кроме своих, туда никто и не заглядывал — какой там ресторан? А вот Купырь растопырился на тройном перекрёстке — там и маршрутки ездят, и пешеходы фланируют. Напротив — кафе и гастроном. Оживлённый хаб. И возникла идея продать старый Урючный дом и построить новый, уже с учётом новых запросов. Тео снял квартиру, перевёз туда жену, сына и часть ониксовой мебели. И, пакуя остальное, случайно обнаружил под крышей колонию летучих мышей. Явившийся по его просьбе ликвидатор огорошил: это семья особого вида нетопырей. Они занесены в Красную книгу и терминировать их нельзя. Природа этой породы неостановимо тянет себя к себе подобным, а значит, скрыто их там легион, и где-то тут может быть и ещё что-то, из-за чего с этим зверьём лучше не связываться. Тео, как и библейский Адам, был человеком цели.

Возвратив на время жену и сына со съёмной квартиры, с грехом пополам выдворил нетопырей. После чего придирчиво осмотрел чердак. И в старом тряпье обнаружил запечатанный пакет. Лейбл «Made in Turkey»! Внутри угадывался вроде как костюм. Хэллоуинский? Магазиновый ценник гласил: двадцать тысяч гривен. Крутовато для турецкой маскарадной тряпки. Но Адам Тихомирович костюмированные балы любил и не посчитал находку соблазном. Он привык всё получать бесплатно!

Был уже десятый час вечера, когда, отчихавшись, он слез с пыльного чердака.

— Вира! Я прикольный костюмчик надыбал. Примеришь, а, Эрл? — крикнул он наверх сыну, которого назвали в честь любимого семейного чая Earl Grey (ладно, хоть не Липтона).

— Да ну, па! — нехотя отозвался тот. — Майна. Сам примеряй.

— Ну и примеряй! — разолился Адам Теодорихович. Последнее время сынок пререкался регулярно. Конечно, забот у него полон рот — всё-таки грыз юридический гранит академии. Но что это за отношение к просьбе отца? Как-никак его красный диплом именно он и спонсирует!

Бормоча себе под нос то, что хотел бы высказать вслух, Тео спустился вниз, принял душ и, наконец, распечатал пакет. Там и впрямь оказался хэллоуинский наряд: чёрный низ, красно-синий

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

верх, на груди буква «S» с красной лампочкой, по бокам наклеены скарабеи. Серая многоцветная маска, чёрные крылышки, накидка. Бэтмен не бэтмен, супермен не супермен — что-то среднее, хотя больше напоминает кровососа-неотопыря. Но всё сделано из очень эластичного, приятно на ощупь материала. И везде проводки, проводки. Прикольнo! Туговат немного, зато выгодно очерчивает бицепсы и пресс. Взглянув в зеркало, остался доволен — можно кого-нибудь и пугануть. И пока любовался собой... по его телу вдруг замигали светодиоды, за спиной распахнулись чёрные крылья, а на лицо мягко съехала маска. «Ух ты! Прямо князь тьмы!» — восхитился он, любясь собственными мускулистыми ляжками. Тут на груди запульсировала лампочка, его оторвало от пола и медленно вознесло к потолку.

— Эрл, майна! — растерянно воззвал новоявленный бэтмен из-под трубчатой люстры венецианского стекла.

— Пап, ну занят я! — с досадой отбрил его отпрыск со своего насеста.

Придерживаясь за лепной потолок, «бэтмен» осторожно развернулся вокруг разлапистой люстры и торжественно выплыл в окно. Полёт напоминал заплыв в тягучих стоячих водах. Тео поднимался выше и выше, норовя за что-то ухватиться, чтобы не снесло в открытый воздушный океан, и надеясь

всё-таки привлечь внимание сына. Больше помощи ждать было не от кого: жена ещё не вернулась от массажистки. Домработница тоже ушла. Аж на Новый рынок подалась за продуктами — вечером всё шло со скидкой, а женщина она хоть и молодая, но прижимистая. Как, впрочем, и сам хозяин. Дворецкий, садовод и кухарка уже закончили рабочий день. У одного из водителей выходной. Остальные тоже разъехались.

— И-и-и! — вдруг отчаянно визгнуло вниз. — Памагити-и-и-и!

Метрах в двухстах двое в масках прижали к забору девушку. Пронзительно визжа, та тянула сумку к себе. А те к себе — и её, и сумку. И никто вокруг на это не реагировал. Хотя, насколько позволял обзор сверху, улицы были полны людей. «Сильный пол, бляха-муха!» — сплюнул Тео на спортивную мужскую компанию, топавшую неподалёку, и неумело расправил крылья. И по неопытности задел акацию. Посыпались обломившиеся ветки...

— Бэтме-е-ен! — глянув вверх, взвыл один из злодеев. И, забыв о добыче, оба бросились прочь. Авторитет знаменитого героя, выросший благодаря фильмам, комиксам и видеоиграм, сработал на «ура». Зажав сумку, пустилась прочь и жертва, распыляя вокруг душок перегара.

— Тьфу! Напьются — и спасай их!

Тео не любил пьяных. А вот летать ему нравилось всё больше. Каким-то образом пульсирующая

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

на груди лампочка придавала сил. И он всё парил над ночным «Совиньоном», упиваясь своим приключением. Ночь открывала захватывающие перспективы заглянуть в любое окно, подглядеть любое свидание, подслушать любой разговор... Совиньон жил своей жизнью — пил-ел, кокаинил-марихуанил. Случайным прохожим даже в голову не приходило поднять глаза выше собственных штиблет.

— Где тебя вчера носило? — приступила утром с допросом супруга, едва Адам Теодорихович разделел глаза.

— Лучик, я открою тебе тайну! — приподнявшись на локте, Теодорихович приник к уху жены. — Я теперь, — он сделал таинственную паузу, — бэтмен.

Аврорья Ивановна (так её записали при рождении, чтобы совсем уж не смахивала на легендарный крейсер) опрокинулась на подушку и закатила глаза.

— Да Фантомас ты, Фантомас! Поттер ты. Гарри который! Седина в бороду — бес в ребро! Не стыдно? Ведь через пару лет на пенсию!

— Да глянь, — обиделся герой ночного *la revue blanche*. — Вон же костюм бэтмена в стирке. Я теперь по ночам борюсь с преступностью!

Аврорья Ивановна резко накинула шёлково-мышастый халат и выскочила из спальни. Адам Теодорихович проводил её сумрачным взглядом. Оказывается, не понимает его не только сын. В таких

случаях Тео снимал стресс весьма оригинальным образом: он бросал машину возле какой-нибудь остановки и садился... в троллейбус. И катался, катался... Необъяснимым образом это возвращало ему счастье. Что-то из детства, из «Берегись автомобиля»? Особо полюбился ему 8-й маршрут... Всласть нагавкавшись в тот день с водителем, оставив ему за это невменяемо-оглушительные чаевые и вполне счастливый, Тео заглянул вечером в «Пивоварню» на Лястдорфской, где обычно под пиво смотрел футбол.

— Мыкола, — после третьей кружки склонился он к одному из приятелей (это, к слову, был майор Чубок). — Прикинь! Я теперь бэтмен.

— По ночам с преступностью борешься? — ничуть не удивился Чубок, потому что доблестную одесскую милицию (теперь уже полицию) в родном городе уже давно ничем не удивить. — Молодец. Я вчера как раз «Тёмного рыцаря» пересматривал. Всё думал, как бы нам такого в подмогу, а то пива выпить некогда. Раз уж ты бэтмен, вот и помогай — чего впустую по небу тыняться?

Вернувшись домой, воодушевлённый Адам Тимоирович застал свою кухарку Ксюшу (согласно утерянному паспорту, Кабирию) перед пылающим камином. В доме было два очага из красного кирпича, в гостиной и на кухне. Однако дорого яичко

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

к праздничку, а Ксю запалила камин среди летнего зноя! И, трясясь, как от озноба, мяла в руках костюм — его костюм Бэтмена!

— Как понять? — удивился хозяин, пытаясь его отобрать.

— Ой, Адрон Фёдорович, а это мой! — не отпускающая тряпку, прятала она глаза. — Я сховала и забыла.

— Вполне возможно, что твой, хотя он мужской, — всё-таки выдрал хозяин у неё диковинное одеяние. — Только вот откуда у тебя на него двадцать штук? Паспорт восстановить нет и пяти, а на цапку двадцать нашла?

— Со мной им за работу рассчитались, я хотела потом его продать...

— Так зачем ты его палить собралась? Камин зачем разожгла? Дрова впустую перевела! Вот вычту у тебя из зарплаты.

— Холодно мне! Мне всё время холодно. Будто из меня кровь сосут. Мне кажется, костюм и сосёт. Я это ещё ко-о-о-гда заметила. Да потеряла вот. А щас нашла...

— Ну-ну.

Подрабатывала девушка у Тео не так давно, но он уже успел заметить за ней причуды: любит выпить, транжира, неразборчива в связях. Замутила как-то с его, Теодориховича, навальщиком, а тот под шумок увёл из кухни сабвуфер. Наваль-

ГАЛИНА СОКОЛОВА И ЭЛЛА МАЗЬКО

щика с позором изгнали, сабвуфер вернули, а Ксюше дали испытательный срок. Хотя кухарка из неё оказалась никакая — нынешние «кабирии» все одинаковы. Годилась разве что на подсобные работы: чистку картошки, мытьё посуды да заварку чая для ополаскивания волос — не для чаепития. Для чаепитий у семьи был другой повар — ректор пищевой академии.

— Знаешь, Оксана, если тебе в таком пекле холодно, посиди-ка ты дома. Ещё перезаразишь всех. Может, у тебя вирус какой из твоей Турции. Пока не приходи. Окей?

Не ответив, Ксюха послушно повернула к выходу.

— Ой, духота какая! — воскликнула Аврорья Ивановна, спускаясь по винтовой лестнице. — Ты, отец, сбрендил камин жесть в такой зной?

— Да это Ксюха всё, костюм мой собралась па-
лить..

— Костюм? Эту гадость? Дай я сама его спалю!

— Р-руки пр-рочь! Никому не дам! Моё! Было, есть! И будет! — голос Адама Теодориховича звякнул калёным булатом — в подобные моменты с ним было лучше не связываться.

Перед сном, пока стиральная машина крутила трофейный наряд, Тео прокрутил один из фильмов про Бэтмена — надо же быть в теме. Там Загадочник, Джокер, Женщина-Кошка.. Может, где-то бродит и по его душу Женщина-Кошка? Хотя вряд ли.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

На кошку не похожа ни одна из жительниц Совиньона. Впрочем, как знать, как знать... И, раздумав спать, он втиснулся в ещё влажноватое облачение и махнул к хибаре того кадра, который требовал выкуп за машину.

Искомое объекта нигде не было. «Собирать бутылки, что ли, ушёл?» — приглядывался Тео к местам дислокации мусорных баков. В грудях хлама копошились сумеречные коты. Ни алкашей, ни, тем более, женщин-кошек... Мимо прошагал незнакомый лейтенантик — погон не видать, но попа, говорят, и в рогожке видно. С Цветочной на Якутскую повернул. Обход делает. Из чубокских, видимо (милого узнаю по походке). Внезапно из-под лампочки с буквой «S» на груди Тео спружинили рожки и уверенно повлекли на соседнюю Якутскую. «Ого, да тут, похоже, сбор объявлен!» — обрадовался Тео приключению. И, ощутив необычайный прилив сил, он уже собрался во всю мощь лёгких гаркнуть: «Броня крепка и танки наши быстры!». Но, подумав, поостерёгся — как бы кто морду не набил. Хотя... Если тут где-то что-то вроде ставки главнокомандующего, а их, бэтменов, не он один, то: — «Мы наш, мы новый мир построим... Всех под козырёк поставим! — представил он на своей груди золотую Звезду Героя. — Раком будут стоять! Лобстером!..» — ощутил он вполне объяснимый в такую минуту патриотизм — тот просыпался в нём

всякий раз, когда за спиной трубила в трубы «непобедимая и легендарная».

А тем временем крылья несли и несли Адама Теодориховича. И принесли к чужому гаражу. Обычно, рыжему. В совковые времена таких во дворах десятки стояли. Бравый Бэтмен толкнулся в приоткрытую дверь. И — мать честная!!! За дверью-то... мозаики, мозаики из закатного солнца в золотой воде дельфином плещут. И витые вышки, вышки... Если бы Адам Теодорихович не бывал на Босфоре, он бы и не сообразил, куда его занесло. Но Босфор он проплывал. В тумане. И уже видел в кружеве садов эти остроконечные мечети. А про мозаики Святой Софии ещё в военном училище читал. «Ничего себе! — ущипнул он себя за ляжку. — Это же наш вечный рефрен, незаживающая рана православного подсознания. Царьград турки отбили ещё в... ну да, в пятнадцатом веке, — хлопнул он себя по лбу, извлекая из памяти сей неопровержимый исторический факт. — И у кого ведь отбили! У нас, непобедимых и легендарных, всегда готовых на по-одвиг любо-о-о-ой, — пропел он дробным фальцетом! — Ёлы-палы! А мы зачем отдали?! А ну вертай взад, гад!» Крылья за спиной обеспечили ему прилив необыкновенной веры в собственную мощь. И он рванул поближе, чтобы разглядеть, что же делается во вражеском стане. Да так резко рванул, что шибанулся о стенку гаража.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

А, оклемавшись, понял — висит он, как нетопырь, на инжирной ветке. Внизу на плоском чёрном камне стоит пивной кег. А на кеге... восседает дама в лосинах морковного цвета и сквозь очки без одного стекла строго посматривает жирно подведёнными глазами. Взгляд суров. Даже грозен. Но главное — лицо густо вымазано чем-то серобурым. Прислушавшись, Тео узнал, что это фасолевая маска по рецепту самой Катрин Денёв. «Ишь ты! Молодой хочет казаться», — ухмыльнулся Тео, поскольку хозяйка мозаичного гаража на Денёв никак не смахивала: ярко-намазанное лицо, зачернённые губы — ни дать ни взять Джокер, каким его изображают в фильмах. И руки трясутся — от старости, что ли?

— Паччиму пиво на смывку подали — воды мало?! — грозно сверкнула она очками на пивные баночки вокруг подножия своего «трона».

— Подземные цистерны пусты, Ваше Катеринство! — браво доложил какой-то лысый тип в тельняшке. — «Таврия» откачала. Мы ей воду отключили, а она нам цистерны откачала — война, Ваше Катеринство.

— Я такого не потерплю! Труби в поход! Кровь людская не водица. Пригодится воды напиться!

«Э-э, так это ж баба Катря наша! — пригляделся вдруг изумлённый Адам Теодорихович. — Бывшая ухажёрка соседа моего, коллайдер их обоих возьми!».

Эта «баба Катря» когда-то плотно обхаживала Прокофьяча и даже болтала о предстоящем походе в ЗАГС. С выкладками планов на кругосветное свадебное путешествие. Но в итоге, потеряв надежду, разбила строптивому Купырю очки и ушла несолоно хлебавши. Что между ними произошло, для всех осталось загадкой. В ответ на расспросы бывшей жены лицо Купыря приобретало выражение стойкого неприятия, и он брезгливо скрипел: «Она же ста-а-ра-я-я!». Чем ставил всех в тупик: Катря была младше Купыря лет на пятнадцать...

— А известно ли вам, что на Солнце — гигантские залежи питьевой воды? — восседая на своём Каабе, громыхнула недоКатрин. — Там мы её и добудем. Уже по телевизору набор объявили. Вот вам и тысячи рабочих мест! Я там была. Мюнхгаузен на Луне, а я на Солнце. Вода там в пятнах залегает. А температура солнечных пятен на полторы тысячи градусов ниже, чем само Солнце. Так что не обожётесь. Готовы?

— Никак не-е-е-т. Как мы без харча? У нас тут соцобеспече-е-ние, — почтительно склонилась перед ней команда бродяг, среди которых был и тот, с кем Тео хотел разобраться. Его желтоватая лысина посверкивала ниже остальных. Кому они служат — Востоку или Западу — Тео так и не понял. Обычно он угадывал это по группе крови на рукаве и предпочитал благородную группу «0». Здесь же был

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

явный сброд резус-факторов, якшаться с которыми было вообще не комильфо.

«Фу, гадость какая! — ощутил он тошноту от позывов в Европу в обществе такой гопоты. — И чего бы им на Марс не слетать? Там давно и яблони цветут!» — думал он, пялясь на замысловатую причёску джокерши: её огненные волосы над крутым, переходящим в нос, лбом были упакованы в подобие кошачьих ушек. А над ушками — валик из шкаликов. Со штопорами в качестве шпилек. Под стать сидящему у подножья её трона мозаичному коту. «Чем же занимается наша баба Катря?» — изумился Тео ещё больше, обнаружив за гаражом целый парк «Таврий» разных годов выпуска, среди которых были и антикварные «запорожцы», и недавние «славуты». Была среди них и машина соседа — тот самый угнанный желток.

«Ё-моё, блин! Так она и есть Женщина-Кошка! — осенило его, когда он представил, как эти персонажи, заполонившие плазму экранов и мониторы компьютеров, уже вовсю шныряют в реальном мире. — Может, и впрямь врубили коллайдер?! Теперь разбери, где явь, а что Навь, если пахнет ото всех одинаково».

— А вот и я! — спикировал он к кегу. К его изумлению, никто не бросился наутёк. Видимо, фильмов о бэтмене здесь не смотрели, в видеоигры

не играли и вот теперь с любопытством разглядывали диковинного гостя.

— Что за нетопырь? — повела глазом Катря. — Что-то нет у меня такого в моём грессбухе. Куси его! — И она нажала кнопку газового баллончика. Всё тут же покрылось паром, в котором почему-то вспыхивали морды людей, крыс и... котоулиток.

«Напугала ежа голым задом», — осклабился Адам Теодорихович и с не вполне понятным себе иступлением впился в её опущенный валиком загривок. Но... Джокер оказался пуст, как пластиковый болванчик.

— Тьфу, гадость! — ещё больше расстроился Тео. Ещё с вечера он чувствовал настоящую потребность в живой крови, а тут такая незадача! — Ну всё, хана тебе! Всюду ложь, обман и очковтирательство! — нацелился он на болванчика остренькими рожками антенны. — Я тебе покажу, как воду отключать и машины красть!

— Это не я! — заверещал болванчик попугайским голосом, внезапно трансформируясь в карту крестовой дамы. — Воду политики отключили. А машину мои валеты увели. А у меня и водительских прав нету! Всё как на духу скажу, пишите давайте: первый холодильный шкаф был запатентован 08.08.1899 Аланом Маршаллом. В тот день свидетели видели, что между тучами и морем гордо реет буревестник, чёрной молнии подобный...

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

— Андо! — раздался в ушах сердитый окрик Аврорьи Ивановны. — Ты что?

И оказалось, что Адам Теодорович впился в шею... перепуганной Ксюше, а не Катерине Петровне. И не в гараже, а почему-то в нотариальной конторе. Возле стола совиньонской дамы-нотариуса, обхватившей стол обеими руками и истерически вопящей:

— И на это я тоже пойтить не могу, сиятельный пан Рейкшир!

А в дверях стоит тот самый чубоковский лейтенантик с удивлённо открытым ртом и полной денег фуражкой в руках.

Ну и ну!

Очнувшись, писательница долго размышляла над этой то ли явью, то ли сном и, решив, что всё вокруг и есть тень на плетень, записала всё это на завалявшейся в сумке стогривневой бумажке. Вспомнив при этом Закон квадратного куба, согласно которому если вдвое увеличить размер, то в четыре раза возрастёт объем и в восемь раз – вес. В итоге у мухи величиной с тигра будут слишком тонкие ноги и слишком слабые крылья, которые не выдержат её веса. Подумала ещё... и с восклицанием «Привидится же!» – поспешила из очереди вон.

На 185-ю маршрутку. Домой, к компьютеру! И тиснула свой опус на страничку Фейсбука. Хоть и небольшая аудитория, но читательская!

*

Вот тут-то и появляется «крёстный отец» всего «проекта».

Молодой офицер Сергей Иванович Всезнанский, недавний выпускник Национальной академии СБУ, был человеком амбициозным. Он страстно хотел отличиться на ниве защиты безопасности страны. Прямо алкал! Ловить сепаров ему надоело, да и какие в Одессе сепары? А вот непонятная суета вокруг жилья временно выехавшего за рубеж бизнесмена, совладельца элитного дилерского автоцентра, заинтриговала всерьёз: границы ведь никто не отменял, а стало быть – бди! Карьерная лестница желающим продвигаться была в этот раз открыта как никогда. При удачном раскладе награда могла реализоваться видимой звёздочкой на невидимых гражданскому взору погонах.

Но первым сигналом стали целых два заявления в Овидиопольское РОВД от местных гражданок о пропаже их законных мужей – бизнесменов ООО «Промтоварный рынок». К тому же ещё и граждан КНР! Было открыто розыскное дело, которое поручили майору Чубоку.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Так как речь шла об иностранцах, подключилась и СБУ, какое-то уже время подозревавшая искомым китайцев в неоднократных нарушениях уголовного кодекса Украины. Однако улики не было. Заявления жён, бесспорно фиктивных, использовали, чтобы приоткрыть традиционную закрытость китайской триады. По ходу выяснилось, что одновременно с этими двумя пропали ещё четыре китайца, о которых никто не заявил. Трое были холосты, а четвёртый женат на китайке. Выяснилось также, что последнее время исчезнувшая группа вытесняла с рынка бизнесмена, также иностранца, но гражданина Социалистической Республики Вьетнам. Что, опять же, для триады нетипично: китайцы, как правило, прессуют своих. Так вьетнамец и попал в поле зрения следственных органов. Однако он оказался настолько законопослушным и в порочащих связях не замеченным, что любые подозрения отскакивали от него, как волан от ракетки. Проживал положительный вьет с семьёй на жилмассиве Таирова, в Царском Селе. И так как в силу своей второстепенности, его разработка интереса для следствия не представила, то её и поручили старлею Всезнанскому. Учитывая молодой кураж и массу свободного времени. Он-то и обратил внимание на подозрительную возню на вверенной ему территории. Кроме гражданки США, арендующей соседнее здание бывшей наркологической клиники (тоже принадлежащее ныне гражданину

Чужало), в поле зрения офицера попал и её супруг, известный спецслужбам под прозвищем Гиря, полученным за свою плодотворную подрывную работу в Турецкой Республике Северного Кипра. Гиря – потому что Гирей. Так как запахло Интерполом и с целью не допустить осложнений, старлей приставил к интересному перекрёстку Отважных и Славянской 24-часовую «наружку». Неофициальную, в виде парочки «забуддыг», один из которых спецназил ещё в советских ГРУ, а второй был высококлассным хакером, объявленным США в розыск за взлом секретной переписки ФБР с их Пентагоном. Украине та переписка, конечно, на фиг не нужна, но виртуоз стодился. Некоторое время он даже успешно отслеживал переписку ФСБ с министерством обороны сопредельного государства. Потом это потеряло актуальность, и вот – новое задание.

Самогон с коброй «забуддыги» попивали часто. И так как в самом Царском Селе новых лиц хватало – дома продавались, дома строились, – то и на этих двоих внимания не обратили. Во-первых, мало ли работяг ищут, где бы пристроиться? Да и городские наведывались в здешний ресторан часто – экзотика ведь! Отечественные лангеты, может, и хороши, но душа воли просит. А тут ещё и недорого. И во-вторых: за углом от особняка Адрона Фёдоровича пару лет работала клиника, снабжавшая рабочими местами треть села. В неё народ

тоже шастал. Кроме прочих услуг, там избавляли от алкоголизма, табакокурения и игромании. И даже агрессии! Недавно клиника закрылась, и её раздутый штат частично смешался с ищущими применения в новом центре. Правда, дело пустое, «Турецкий поток» вакансиями не располагал, а при необходимости привлекал прежних спецов. Поскольку, кроме врачей, почти все они жили по-прежнему в Царском Селе. И там же работали, некоторые даже у бывших клиентов: массажист Передок – продавщицей, уборщица Литуш – сиделкой, а единственная из прописанных в посёлке врачей Переляк открыла частную практику. Сам Адрон Фёдорович Чужало как почётный спонсор, при большом наплыве пациентов сдавал клинике свой тогда ещё не вполне достроенный гостевой дом с печуркой. Для VIP-клиентов. На это время строительные работы замораживались. В зависимости от платёжеспособности в самом домике либо водружался на печурку пружинный матрас и выносился плазменный, либо к плазменнику добавлялись *BlueRay*-плеер и матрас с эффектом *memory*. Даже когда клиника закрылась, здание пустовало недолго: Чужало его выкупил, подрихтовал и сдал чете Гиреев. Клиентская база, конечно, улучшилась, однако алкаши продолжали заезжать по старой памяти. Так что прикрытие у забулдыг было отличное. Кстати, весь последний год работы клиники Фёдорович уговаривал подлечиться и Прокопыча. И даже

предлагал частично оплатить лечение. Однако вздорный Купырь послал Чужало по матушке и, собственноручно выкосив в огороде купырь, заСАДил его сурепкой. Этой муравой и лечил все свои недомогания, если случались. А о наркологах отозвался почти по-нищиеански: «Достоевский – единственный спец, к которому б я сходил».

*

Скоро Всезнанскому доложили: похищенных китайцев удерживает тот самый Гирия. По адресу: Отважных, 1/29. Состав преступления налицо, беги докладывай по начальству. Но старлея остановило то, что на этот же адрес шли интенсивные поставки бобовых (а не «рисовых», что и насторожило, так как фигурировали в деле всё же азиаты, а не южноамериканцы). Ещё интереснее, что парой недель ранее наблюдаемый объект сбросил на североамериканский номер текстовое сообщение с требованием выкупа. Когда вопрос касался бабла, Сергей Иванович невольно делал стойку. Он хотел «жить». А поскольку был типичным арийцем – светлоглазым блондином роста чуть выше среднего, – считал ниже своего достоинства жить на те крохи, которые зарабатывал. В Европу идём, искушений – во! А всяких выслуг лет и прочих жизненно важных льгот жди-ждидайся! Тем более до академии Сергей поднаторел в бизнесе

и жить привык на широкую ногу. О, если б его не кинул тогда партнёр! Но чему быть, того не миновать. И вот теперь появилась надежда обогатиться на новом поприще. Неплохо бы, конечно, стать Киану Ривзом, мочившим сразу из двух стволов. Девятилетним, Серый увидел его когда-то в «Матрице», по которой теперь строил и свою жизнь. Но одно дело кино, другое – «органы». В них так просто не замочишь. Увы, смс-ка никакой реакции не вызвала. Проигнорировали и вторую. А в ответ на скомпонованное фото окровавленного тела абонент и вовсе сменил номер.

«Врёшь, не уйдёшь!» – сказал себе Сергей Иванович, наслышанный о клятвом характере своего объекта, и, вместо того чтобы ослабить поводья, натянул их потуже. Но и не настолько, чтобы кто-то их заметил. «А не выйдет, так не выйдет», – прагматично решил Серый, потому что подобных дел в его черепушке копилось много – какое-то да сработает. Дорогу осилит идущий!

Однако эфенди слежку засёк. Вычислил он и двух сексотов, время от времени уединявшихся в кафе через дорогу. И вот, когда Всезнанскому уже мерещился газетный заголовок: «Отважный, но скромный лейтенант раскрыл исламский заговор», за его столик бухнулся вдруг сам... разрабатываемый объект. Не успел Серёга глазом моргнуть, как опытный в своём деле игрок выложил перед ним ключ от «мерса» из дилерского центра Адрона

Фёдоровича. И, глядя в голубые, как небо, глаза «арийца», задал риторический вопрос: «Что важнее: голая слава или жирный кушак?», перепутав кушак с кушем. Серёга, ясное дело, перечить старшему по званию не осмелился – турецкое звание Измаила соответствовало нашему майорскому.

Самое обидное, что подсел к нему майор Гирей далеко от Царского Села и от «Бардака» тем более – в «Баклаве» возле «Панорамы». Всезнанский специально не ходил в «Бардак», чтобы никого не спугнуть. Хотя турецкую еду уважал, особенно баклаву. Однако и Измаил не зря ел хлеб. И потому, вкратце обрисовав лейтенанту свой «проект», подчеркнул, что это всего лишь своеобразное пенитенциарное заведение, рычаг платы за предательство.

– Ну, не знаю, – замялся было Серёга. – Я-то могу перевести стрелки, например, на вашего соседа. И отчитаться по «Заговору вьетнамцев». Но тут дело такое... – и, почесав затылок, признался: – Вы под колпаком не только у меня.

И не успел глазом моргнуть второй раз, вернее, едва прибыл осмотреть объект возмездия на месте, как и ушлый Вьетнамец подогнал ему презент – дорогой, навороченный ноутбук. Из тех, что в огне не горят и в воде не тонут. Выходит, стрелки надо переводить на кого-то другого. И тут Серёгин взгляд упал на табличку с названием соседней улицы – Якутская.

– Будет «Заговор якутов», – стукнул кулаком по бамперу нового «мерса» Сергей. – Найдите мне в Одессе хоть одного якута, и я переверну мир...

На Якутской улице якутов, ясное дело, не было. Но в самом посёлке был. Один. Хоть и не по национальности, а по кличке. Прибыл он из Сыктывкарской области. Какое отношение Сыктывкар имел к Якутии, никто не знал, но кличку парню дали именно Якут. Наверное, по аллюзии к Крайнему Северу. Якут был квёлым субъектом с не тронутым солнцем лицом. Вокруг губ пробились редкие волосёнки. Сходство с чалдоном ему придавали ещё и всегда настороженные щёлочки глаз. Они будто постоянно что-то высматривали. А его длинный нос будто непрерывно что-то вынюхивал. Чем, впрочем, напоминал мать его деверя – того самого стриптизёра Ахриневича, который, в отличие от Якута, был жгучим брюнетом. Ахриневич-мать, как это ни странно для нынешнего оцифрованного века, была неграмотна, читать-считать не умела, но, следуя цепкой крестьянской хватке, всегда знала, какой курицы в курятнике не хватает. И решительно топала по родному селу Голице (население – полторы тысячи человек), шныряя разгневанным оком по дворам и требуя немедленного статускво для своей хохлатки или пеструшки. Вот на этого самого Якута Сергей и решил повесить дело. Если, конечно, клюнет петух. А пока надо делать всё, чтобы не клюнул.

С появлением Всезнанского проект перешёл на новые рельсы. Как ни парадоксально, их стальные брусы были проложены по букве закона. У отважных борцов за счастье человечества появились свои адвокаты, медики, электрики и даже сантехники – специалисты, появившиеся Службой подпиской о неразглашении.

Но что знают двое – знает свинья. Она-то и «клюнула» вместо петуха. Если бы не клюнула, может, и не стал бы проект столь глобальным. А произошло всё просто, даже буднично: «три девицы под окном» пили гжанец вечером. Гжанец – это польский глинтвейн, а «девицы» – это всё те же подружки Михайлова, Петрова и Солдатова.

Прикол: эти три одесситки познакомились только в Америке. Под хулиганский хула-хуп *lick-me-like-a-lollipop* на дискотеке 1-й авеню. В Одессе же они друг дружку и не знали, хотя все три учились на Черёмушках: Михайлова – в 20-ой школе на Терешковой, Петрова – в 53-й на Генерала Петрова напротив Универсама, а Солдатова в 25-ой на Академика Филатова. Наверняка ездили одним и тем же 10-м трамваем и убегали от одних и тех же кондукторов.

Вопросец: 25-я одесская школа, она ведь со спортивным уклоном. Что же там делала девяностокілограммовая ковбойша Солдатова? Как ни смешно, в свои «доквбойские» времена она успешно вальсировала на льду

крытого детского катка «Льдинка». Одним из первых её партнёров был Славик, будущий чемпион. Но девочка переросла Славу и росла дальше. Месяц её пытались учить одиночному катанию, но тщетно. Не Баюл. Так ей прямо и сказала тренер Галина Змиевская. Посоветовала тяжёлую атлетику или многоборье. И отчислила. Не отчислила бы – не видать Славе славы как своих ушей.

Лора частенько рассказывала эту полюбившуюся ей историю, поэтому коллеги в шутку иногда называли её Небаюл. Один только Вьетнамец обращался к ней не иначе как «сеньорита Харлам». Из-за лестной сердцу «сеньориты» Солдатова это терпела. Месяц терпела, второй, пока, наконец, поднакопив недоумения, не спросила прямо, с какой стати её так называют.

– Потому что ваши друзья – Петрова и Михайлова. А сами вы – Валерьевна, – ещё больше запутал вопрос Трындычук.

А дело просто было в том, что Вьетнамец разменял шестой десяток и поэтому помнил о мире то, чего Солдатова помнить уже не могла...

Она вообще была интересной особой. В тридцать лет по «визе невесты» явилась в Айову к американскому незнакомцу Кукуцаполю с твёрдым намерением стать ему порядочной женой. По его желанию выучилась на медсестру. Но не сложилось. И в тридцать три, после громокипящего развода, уехала на крайний Северо-

Запад США. С очередным американцем купила там дуплекс в леске с лиричным названием Перди. Устроилась по соседству... в женское пенитенциарное заведение. И опять облом. В тридцать пять круто сменила карьеру и ушла... в стриптиз. Там неплохо заработала, благодаря своему «вертухайскому» опыту, а также росту, груди редкого размера и самому hot для США возрасту. Но уже к тридцати восьми имела пять ходок в предыдущее место работы (см. выше: женское пенитенциарное заведение). Первый раз её сдал сам Кукуцаполь, обнаружив, что экс-жена времени не теряет. Дважды – взревновавшие бойфренды, причём разного цвета кожи. Четвёртый раз она «случайно» подралась с тормознувшим её копом. А пятый – история тёмная. Скорее всего, просто бог не дурак, любит пятак. Провела Солдатова в каталажке по совокупности две недели. Дела ей так не пришли, «от 48 до 72 часов» отпускали, так что судимостей она не нажила. Благодаря чему и устроилась в школу. Но погнали и оттуда. На сей раз из-за Юрия Алексеевича Гагарина. В один из апрельских дней Солдатова открыла американским школярам – о ужас! – что первым в космосе побывал вовсе не некий левый Алан Шепард, как их убеждали местные учителя, а наш Юра. Расплата была беспощадной. С нервным срывом и волчьим билетом, по примеру героини какого-то дамского романа, Солдатова кинулась залечивать рану

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

домой, в Одессу. Сняла угол в девятиэтажке на площади маршала Толбухина и на оставшиеся деньги завела себе студента-гаванца. К сему занимательному жизнеописанию можно добавить, что какое-то время она на полном серьёзе готовилась стать футбольным комментатором. Как легендарный Владимир Маслаченко. Может, и стала бы (чем чёрт не шутит!), кабы не оказалась в стране сугубо нефутбольной.

*

Итак, три подруги пили гжанец. Под тремя разными окнами пили. В трёх разных городах. И даже не все три вечером, хоть и одновременно. Идея удалённого распития принадлежала Лоре Валерьевне Солдатовой. Когда-то в погоне за очередным мужиком она неделю болталась в Варшавском аэропорту им. Фредерика Шопена, где питалась исключительно прелюдиями и гжанцем. Мужичок тот всё-таки улизнул, а любовь к напитку осталась. И теперь Лора смешала с мёдом и лимонадом в эмалированной кастрюльке содержимое хмельной баночки «Оксамытового», накрошила корицы и гвоздики и, подсыпав яблочек и апельсинов, нагрела всё на плитке. Накануне Лора отправила подругам рецепт этого коктейля, и теперь одна наслаждалась им с видом на Дунай, другая – на озеро Вашингтон, а сама она – с видом на дом

Трындычука. В углу ел своих муравьёв взятый «напрокат» Броня.

– Итак, за нашу триаду! – подняла Лора полулитровую пивную кружку с исчерпывающей надписью «Утраченные иллюзии». Викина и Полинина голограммы тоже воздели – одна лазерный фужер, другая – лазерный термос. Накануне троица подписалась на *ГолоЗум*, и обрела возможность общаться друг с другом посредством трёхмерных лазерных изображений, то есть голограмм.

– «Наша триада» – это мы, что ли? – уточнила мерцающая Вика.

– Мы! – Солдатова решительно рубанула ладонью. – Смотрите: вот у нас ничего общего! Полинка блондинка, ты шатенка, я рыж... ну, брюнетка. У ней – 185 роста, у меня 175, у тебя 165. Она родилась осенью, ты весной, я зимой. И родились мы не в Одессе: Полинка в Измаиле, ты – в Бресте, а я аж в Туапсе. Но что нас объединяет? Ножички в спинах. Точное их количество не счесть. Так выпьем же за кибернетиков!

– Грандиозно! – солидарно трянула Вика новой стрижкой. Стоило событиям приобрести материальную основу, её депрессия сразу улетучилась. И, осушив недавнюю слезу, Викины глаза вновь обрели колдовскую силу.

Солдатова не упомянула главную скрепу «триады»: подруги попали когда-то в США благодаря визуализации –

технике исполнения желаний. Благодаря легкодоступной тогда литературе все три, ещё даже не знакомые друг с другом, медитировали в дни затмений на замужество с американцем. И все три вскоре переместились в вожделенные Штаты. Сбылась мечта? Сполна. Где же счастье? А нету: всем трём пришлось поплатиться потерей намедитированного. Та «легкодоступная литература» не упомянула о вреде материальных желаний и важности позитивных мыслей. Поэтому и следующего мужа, Сторча, Полина тоже визуализировала себе сквозь слёзы. Оттого слезами и кончилось. А вот Вика и Лора эти практики бросили. И уже Корч появился у Вики без всяких медитаций, как и Измаил у Лоры. С той лишь разницей, что, когда через тринадцать лет счастливого брака у Корча попёрли серьёзные бабки, Вика вспомнила подзабытое. Приспичило ей реализовать давний бзик: по примеру одного из персонажей сериала «Во все тяжкие» разбрасывать из машины пачки денег. Это она и визуализировала. «Не было у бабы забот – купила порося». Вот всё и закончилось. И пачек не прибавилось. За всё надо платить!

– Чушь, – буркнула кудрявая голова Полетт. Ей гжәнец не понравился – оказалось, у Петровой аллергия на мёд. – Надо просто нормальных мужиков искать.

– Искалка отвалится, – хохотнула Солдатова и отхлебнула из кружки.

– Волка ноги кормят, – упорствовала собеседница.

У неё играла песня певицы Жасмин «За мужчин», а за окном бликовал Дунай. Полина вернулась в Измаил из Сиэтла совсем недавно. Было, вся их семья радостно обосновалась в той вечнозелёной Шамбале. И вскоре немилосердно заскучала. Набрав со скуки кредитов, Полинин брат бежал назад в Украину и по совету местных «друзей» вложился в мутное дело. Ожидаемо прогорел, но упустив за это время зеленокартного Феникса, всё равно осел в Южной Пальмире. Из-за чего пришлось и родителям вернуться – уж очень любили непутёвое чадо. От беглого семейства досталась Полине грузоперевозочная компания «FART» – брат начинал её когда-то с отцом, на пару с ним и ездил в рейсы. Почему такое странное для грузоперевозок название? Это игра какого-то слова, то ли русского, то ли английского. Неясно, о чём речь. Может, бажовское: «Попытаем, в котором месте наш фарт лежит». А может, речь о фартинге – четвертушке пенса? Хотя какие теперь пенсы... Овёс-то нынче дорог.

Поначалу, пока у Полины не было опыта, всё шло ни шатко ни валко. Но, когда закрутилась любовь с заменившим за баранкой брата шофёром Сторчаком (три щепочки сложены, да сопельки вложены), доходы компании резко взлетели. Вчерашний гонщик, чемпион Украины по ралли-2008 в командном зачёте, Сторч наладил дело.

Предвидя горы златые, романтическая Полина перевела «Фарт» на любящего мужа. И... этим развернула его борт на 180 градусов: в первую же годовщину свадьбы Полетт поймала его в каптёрке с диспетчершей. «Я хозяйин», – только и пожал Сторч плечами и открыто вселил диспетчершу в их дом. От шока Полетт даже не пошла в суд, хотя должна была бы. Просто тихо уехала. Через Вику продала зарегистрированное на папу сиеэтовское жильё и купила этаж в новостройке Измаила. Конечно, не виллу с тремя двадцатиметровыми туалетами. Зато с Дунаем в окошках.

*

– Не пойму, зачем ты перевела свою компанию на Сторча? – допытывалась Солдатова у кудлатой голограммы, подливая себе ещё гжанца.

– Думала, он больше в этом разбирается, – буркнул барашек-рамбулье. – Я-то что знаю про грузы? А шоферня шла ко мне с любыми вопросами. А Сторч – он гонщик-чемпион. Да такой уж чуткий и ласковый. А едва перевела – его как подменили. Спесивый стал, разговаривает сквозь зубы. Бабы по ночам звонят. И откуда чего взялось!

– Вот и у меня, – вздохнула Вика, прикидывая, как бы сойти с немилого ей гжанца на дынный сидр –

у неё только занималось утро. – Не могла я даже с квартирантами платить за квартиру. А как? Две с половиной надо каждый месяц при зарплате в полторы. Реально? А у него зарплата – семь штук.

– Так пусть бы и платил, а квартира бы на тебе оставалась.

– Теперь-то ясно. Наши мужики жёнам даже своё оставляют, а великая Америка обучает чужое отбирать. Мир держится не на китах, а на лезвиях. Торчащих из спин. Предают все всех. Сама жизнь рождена от предательства молекул на атомном уровне. И у меня та же ситуация: был просто лапочка. Подумала – какая разница, на ком квартира. Перефинансировать не вышло, а если он как бы «купит», оплата в два раза упадёт. А едва перевела – он тут же и заладил: «я хозяин, я хозяин». Как твой Коко...

– Неправда. Коко – неразлучник, – пылко возразила Петрова. – А твой Корчак – змей подколодный.

– Ну и заладил змей, что он хозяин. Думала – шутит, потому что есть кинокомедия «Мыслители: домохозяин» с Робертом Дауни-младшим...

– Младшим? Может, девочки, это всё потому, что они младше нас – эти Гоши-Саши-Паши?

– Ой, сильно там они младше – на год, на два? – фыркнула Солдатова. – Вот у Анны Керн и правда был младше так младше.

– Кто? Пушкин???

– Муж! В тридцать шесть Керн без памяти влюбилась в шестнадцатилетнего Петербургского кадета Сашеньку и родила с ним сына. А потом взяла да вышла за кадета замуж, забив на жирную пенсию генерал-лейтенантской вдовы. Они бедствовали, но были вместе почти сорок три года... и умерли в один и тот же 1879-й год...

Троица помолчала, поражённая цифрами и датами.

– Всех обскакала Анна Петровна, – подытожила Лора.

– Это вам на филфаке рассказали? – изумилась Полина.

– Лучше бы нам рассказали, как не стать семейной жертвой, – Лора сердито бухнула в свою кружку остатки гжанца. – Мой старпёр тоже задолбал: «я хозяин, я хозяин». И сто лет назад такое бывало. У Тургенева есть «Степной король Лир». Не читали?

Полина не читала.

На этих словах в будку постучали. И пока Лора, чертыхаясь, прятала «Утраченные иллюзии», в дверном проёме выросла её бывший мантик Хамедафна в пушистом розовом манто.

– Привет, мышкодавы, – пророкотала она, испуганно разглядывая мерцающие голограммы. Такое она видела только по телевизору, да и тогда считала фантастикой.

– Мышкодавы???

– пискнула Солдатова, понося про себя зумобомбера, которого так не вовремя принесло. Свою некогда коллегу она не узнала. Да и мудрено уз-

насть: бывшая «цыганка» похорошела, даже помолодела и одета была в недопустимо дорогой наряд. К тому же из брюнетки она превратилась в пепельную шатенку. Не виделись обе с прошлого сентября, когда, не выдержав детского писка, от Хамедафны сбежал муж. Ездить в Царское Село с младенцем на руках ей стало не с руки. И теперь мантик принимала клиентов дома, возле «Антошки», на бывшей площади Деревянка, где и жила.

– Мышкодавы? – неожиданно удивилась в ответ и сама гостья.

Несколько секунд висело четырёхстороннее молчание.

– Привет, говорю, мы – шкаф-девы... – неуверенно, но внятно разорвала тишину Светка. – Помните старое кино «Клуб первых жён»? С Иванкой Трамп? Или телепередачу «Клуб бывших жён»? Мы – то же самое: малое предприятие «Шкафандр». Мы те, кто прошёл с этими гадами самое трудное время, когда они были голоштан-ными, отчаявшимися и никому не нужными. А когда, благодаря нам, они оперились и купили «мерседесов», то вприпрыжку побежали за «новизной». Хотя даже древние говорили: «не оставляй девы юности своей». Но их скелеты у нас в шкафу!

– И? – напряглась Солдатова.

– Дайте нам место в своём Саду. Для наших козлов. Пусть попасутся, потому как СВОЕГО ПАСТБИЩА у нас нет. Все живём в малогабаритных квартирах.

– Прости, не понимаю, – запаниковала Солдатова. – Откуда всё это?

Имелось в виду: откуда о Саде известно за пределами ограниченного круга инициированных садюг?

– Откудова-откудова... Раскинула карты, выпила кофе – делов-то! – Светкины узкие угольки горели реваншем. Она запахнула манто, решительно выхватила у Лорки недомученный гжанец и залпом прикончила его. Не зная, как расценить происходящее, виртуальные собутыльницы мерцающе созерцали гостью. – А что это? – наконец решила поинтересоваться Света.

– ГолоЗум. Дороже простого Зума, но стоит того. Так что там про козлов?

– Видите ли, – терпеливо пояснила бывшая Хамедафна. – Они сначала бегут, а потом приползают. Поскулят – и снова бегут! А у меня дитё. Кто-то должен его растить? Поить-кормить? Или мне все полы в Одессе перемыть, все шоппинг-тележки перетаскать плюс к любимой работе?! – Она зло усмехнулась. – Или что, учихой литры идти к нынешним головорезам??? Ага! В общем, надумала я козла своего наказать. Притащился он было с гвоздичками к одной в «Антошке» (а у них там девок больше, чем мышей в амбаре) – мы все вместе навалились, скрутили, в рот гвоздичек насовали и скотчем заклеили – пасись, гад! И в шкаф. В каптёрке вон у меня сидит.

– Прямо в «Антошке» скрутили? – ужаснулись голограммы. – При молодых мамах?!

– Молодые мамы ещё и подсобили! У них и свои по-добные истории есть.

– Ништяк! Так навсегда его в «Сад» хочешь? – с вос-хищением разглядывала Вика Светку.

– Не, тока для перековки. А там осознает! Ну а чего, жить-то надо! Да и дети за ними скучают... Но, прежде чем взять их назад, надо же проучить! – сверкнула гла-зами Светка. – А то считаешь книжки и поразишься: мужики-то ведь тоже люди! Тоже!!! Но это в теории, по книгам. А на практике, в реальности – нелюди!

– Так и есть! – всклокотнула Вика. – Настоящие люди – только мы. Именно мы воспроизводимся и тянем на себе всех и вся. А проблема в том, что мы сами и не считаем себя самодостаточными. Мы всю жизнь гоняемся за ка-кими-то «вторыми половинками», которые считают нас просто аксессуаром для облегчения жизни. Объектом, который пора заменить, если он сломался. Как телек: перестал показывать – заменяешь новым.

– Но именно их призывают на войну! – попробовала воззвать к здравому смыслу Полина. – Вдруг Третья ми-ровая, неровен час?

– Она уже идёт, – торжественно провозгласила Свячёная. – Гендерная. Наша армия их и на стометров-ках ловит. И в турецких борделях. И в депутатских креслах. Куда ни глянь – война. Война без правил! При-чём не на жизнь, а на смерть. И ничего нового тут нет: у всех млекопитающих самец – главный враг самки

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

с детёнышем. Исключения лишь подтверждают правило. Сам великий Эйнштейн утверждал: «Из всех войн только одна по-настоящему неизбежна – война между мужчиной и женщиной».

– Ух ты! Да ты прямо Кали. Хали-Кали! Секунду!

Солдатова перекинулась парой англоязычных слов с голограммами и набрала кого-то на своём смартфоне.

– Ты, что ли, в твоём «шкафе» главная? – прикрыв микрофон ладонью, спросила она у пламенной Хали-Кали.

– Нет. Главная у нас – наша Светлана Александровна, – с уважением отозвалась та. – Она психолог.

– Парапсихолог? О! И у нас есть психолог. Тогда пусть ваша завтра подгребает к нашей, – Лора ткнула в сторону окна кружкой с последними остывшими каплями. – Мышкодевы... – погрузилась в раздумье. – И какое имеют отношение девы к первым жёнам?

– Так в них всё и дело, – неожиданно мирно ответила Хали-Кали.

-

Тут нужна краткая прелюдия: девственниц не любит НИКТО. Точнее, никто из их сверстников. За исключением североамериканских индейцев, и тоже не в мирных целях¹. Прошли те времена. Это утверждает и ми-

¹ Индейцы приносили девственниц в жертву своим богам.

ровая классика, Мопассан или Драйзер, например, с его «Американской трагедией». Топят классики вступивших в отношения девственниц, как котят. Ибо: «...стыдливо-холодна, восторгу моему едва отвечаешь, не внемлешь ничему...»¹. Тоска. А уж что писал Лев Николаевич о своей Софье Андреевне после свадьбы, ай-яй-яй! Лучше бы утопил. Но это былое. В наши же дни как-то был в Киеве случай: одна папина доця с его же подачи «хранила себя для мужа». Мужем посчастливилось стать одному из курсантов местного военного училища. В первую брачную ночь, с ужасом обнаружив, что его двадцатилетняя красавица-жена – девственница, курсант привязал её простынями к кровати и ушёл. Подал на развод и даже не удосужился объясниться с озадаченным тестем. Об этом рассказывала несостоявшаяся тёща курсанта, профессор киевского института им. Корнейчука-Карпенко-Карого. Это лишь одна из историй. Обычно же у девственниц до свадьбы даже не доходит, их «раскусывают» гораздо раньше. Речь опять же об их сверстниках, а не о носителях межрёберного беса, типа знаменитых Юнгвальд-Хилькевича, Грачевского или поэта Ошанина, или прочих бессчётных ветеранах богемной тусовки.

На деле это так. А на словах – стон стоит великий: «девственниц не сыскать даже в школе!». Так это просто слова. А слова что вода. Верить им ни к чему.

¹ А.С. Пушкин.

*

Катерина Петровна меж тем сидела на своём пригретом местечке в кафе и, поглядывая на окна Купыря, сёрбала кофе. И ждала встречи.

За всеми нашими страстями мы подзабыли о той, с кого началась вся эта развесистая клюква, – о Катерине Петровне. Последние недели выдались у неё напряжёнными. С одной стороны, она продолжала охмурять неподатливого Купыря своей короткой ногой к музам, а с другой – как психолог неустанно вершила суд над кандидатами в фигуранты. Даже провела в Измаиле несколько выездных заседаний по Полининому направлению. Решала, например, привлечь ли бабу, побившую беременную кошку, если потом эта же баба много лет кормила дворовых кошаков. Но при этом отрывала головы мухам? Отправлять ли в Сад человека, когда-то за непослушание разрубившего голову отощавшей колхозной лошади, если потом он спас десятки голодных псов? Вопросов много, и каждый требовал разрешения. Соломоновой мудрости у Катерины Петровны не было. Да и не знала она ни одного Соломона.

По внешнему периметру Сад окучивал Всезнанский, Катерина же Петровна возделывала внутренний. А это – ответственность! Суды, как и неудачи с неуловимым Купырём, Катерину Петровну закалили. Настроена она

была решительно-скептически, если не сказать агрессивно-сардонически. Никаким «мышкодевам» мест у неё нет! «Не было, нет, и не будет!» – стукнула она доннышкой чашки о блюдце, расплескав по салфетке буроватую кашицу. Гуща обещала искушённой под руководством Хамедафны в гаданиях Катерине Петровне скорую и плодотворную встречу. Вытянувшись в струнку и уперев глаза на окна Прокопыча, женщина замерла в ожидании.

– Тётя Катруся!!! – послышалось сзади восторженное. Переляк удивлённо обернулась. Перед ней сияла Зубейда – бывшая одноклассница её дочери Светки. Зубейду тоже звали Светкой. Светкой Заплаткиной. Катерина Петровна узнала её сразу: то же бескровное личико, та же нелепая чёлочка. Даже конфигурация корпуса сохранилась, хотя прошло лет сто. Дело в том, что в школе Катериныпетровнина дочка, как в своё время и сама Катерина Петровна, была твёрдой троечницей. Учителя «перетаскивали» её из класса в класс за уши, тихо дивясь её тупости. «Нормальным» детям водиться с ней возвращалось. Заплаткина же застряла в дочкиных подружках просто потому, что не сразу сориентировалась – была «новенькой». Откуда-то как раз выводили очередной «контингент», где её папа трудился прапорщиком. Семья перебралась на его одесскую родину (вообще-то папа из Болградского района, но это не важно). Заплаткину-

маму так увлѣк захватывающе-новый для неё процесс трудоустройства, что к тому, с кем возится её младший ребёнок, она отнеслась философски. На родительских собраниях Катерина Петровна видела Светкину мать мельком и, сама удивляясь собственной окультуренности, всякий раз отмечала, что та – вылитый Расул Гамзатов. Поэт. Только совсем обесцвеченный. Выщелоченный в хлорке. К лёгкой доСАДе Катерины Петровны этническая подоплёка этого сходства осталась непроясненной. А так как Светка смахивала на мать, Катерина Петровна её и окрестила про себя Зубейдой. Так и шло. Потом что-то случилось, какая-то история с мальчиком, и девчонки разбежались. А и был ли мальчик? И вот прошли годы, а изменился только цвет: Зубейда выварилась в хлорке, как её мать.

Разговорились. Выяснив, что Катерина Петровна и есть тот психолог, с которым у неё здесь забита стрелка, Зубейда поспешила обрадовать, что она тоже психолог. Новоиспечѣнный. Со свеженьким дипломом какого-то частного колледжа. Работает «перинатальным психологом» в «Антошке» на площади Независимости, бывшей Деревянко. Раз в неделю работает и работу свою обожает. «Меня даже наградили номинацией «Мастер успеха и мифов», – похвастала Зубейда. И тут же напросилась к «тѣте Катрусе» на приём. Та было отнекнулась под предлогом неэтичности – ведь они давно знакомы, да куда!

Назавтра «коллеги» встретились там же. Провели «сеанс», после которого Катерине Петровне до щекотки захотелось поделиться с кем-то услышанным: было оно, что называется, «нарочно не придумаешь». По крайней мере, так Катерине Петровне показалось. Ибо всё познаётся в сравнении.

Однако поделиться оказалось не с кем: дочь – бывшая Светкина одноклассница и теперешняя «менеджер по продажам» на польской стометровке, связь с домом не поддерживала, а сын – «менеджер по извозу», то есть таксист, историей Зубейды не заинтересовался. И решила Переляк порадовать ею соседа, того самого Купыря. И даже порозовела, представив, как Купырь напишет о Светке фельетон. Может, даже под двумя фамилиями – своей и её, Катерины Петровны. Она даже знала, как фельетон начнётся: *«Света Заплаткина ждала от жизни того же, чего добивался Коля Остен-Бакен от польской красавицы Инги Зайонц...»*.

*

Итак, Светка Заплаткина хотела любви. Большой и чистой. И хотела давно. Решить проблему методом «вымой слона» не вышло. Невзирая на то, что после школы Светка год проработала в зоопарке. Только не в слоновнике, а в крокодиляриуме. И не крокодилов ради,

а из-за коллеги по фамилии Волобуй. Он был на год младше Светки, бросил школу после девятого класса и устроился в зоопарк, чтобы иметь средства водить бывших одноклассниц по значным местам. Такая уж мечта у несовершеннолетнего Волобуя, а мечты должны сбываться. Однако Светкина прошла мимо – через год гульбы Волобуй бракосочетался с двухуровневой квартирой на Дерибасовской и дочкой школьной химички в нагрузку. А на Светку обращал внимание, только если у крокодилов – Примамыча, Адольфыча и Леонидыча – не было в кормушке еды. Правда, выхимичив один из уровней, Волобуй тут же развёлся, но на Светку внимания всё равно не обратил. Да и для самой Светки он уже потерял свою апельсинность. Хоть и с жильём на Дерибасовской. Так как-то и заглохло.

Тем не менее, волобуйская внешность запала в Светкино сердечко настолько, что, когда по каналу «Ностальгия» повторяли английский сериал «Джейн Эйр», она чистосердечно влюбилась в артиста Тимоти Далтона: похож, похож.

Ну и что? И ничего. Светке уже было под сорок, а она всё ещё мечтала о любви. С мужем любви не вышло. Как-то не сложилось. Какая же любовь, если поженили их заочно, в тот светлый радостный день, когда саму Светку отвезли в роддом. Тут уж не до жиру. Заниматься доставкой жениха в ЗАГС пришлось Светкиному папе-

прапору, предусмотрительно одолжившему у своего сержанта пол-отделения солдат, дабы жених по фамилии Кишкань не улизнул от своей почётной обязанности. Жених-то – лицензированный пилот международных линий, ему улизнуть раз плюнуть. Но не улизнул. И даже не уклонился. Кишка оказалась тонка у Кишканя. Ничего смешного в этом, конечно, нет: на вопрос, зачем высококвалифицированному специалисту матросить девственницу, Кишкань честно отвечал, что просто ему вовремя не пришло в голову, что в свой четвертак Светка ещё кукует. Знал бы, конечно, бежал бы от неё подальше. «Ведь не урод же она, кто же знал!» — повторял с доСАДой Кишкань. Светка и правда была стройная, белолицая, с волосами терракотового цвета до крестца и вполне положительными для её роста ногами. В пятом классе мальчишка из параллельного класса ходил на переменах смотреть на Светку. Стоял у окна и молча смотрел. Почему Заплаткина легко не выскочила замуж, можно объяснить только ложными ориентирами родителей, папы-прапора и мамы-гамзата. Явная недоработка. Ведь однажды, к примеру, неженатый коллега их безбожно перезревшей племяшки Людочки неосторожно забежал на огонёк (как на ловца зверь). Забежал и бахнул сто граммов с Людочкиным папой-фармацевтом. И, естественно, отрубился. А очнулся без штанов, да в Людочкиной постели. Вокруг – группа родных

и близких, скандирующая: «О-по-зо-ри-ли-дев-ку-у-у!». И как честному человеку, пришлось парню весёлым пирком да за свадебку. Ясно, что это стало результатом кропотливой подготовительной работы Людочкиных родителей. В заплаткинском же случае папа и мама оказались не на высоте. Может, потому что военные – не фармацевты: меньше полёта фантазии, специфических знаний и подручных средств. Нетворческий народ эти военные. Ладно хоть трёшку в новом доме с консержкой доце организовали.

Подобные истории Катерину Петровну всегда забавляли. Как психолог она их наслушалась немало, всякий раз подрастая в собственных глазах: сама-то пошла за своего Саньку всё же по любви – большей частью по Санькиной. Двоечник, хулиган и начинающий алкаш гонялся за своей Катрусей с седьмого класса и мутузил ради неё всех, включая выпускников (в те былинные времена учителей ещё не мутузили). Обычно девочки не могут устоять перед таким пылом. Катруся и не устояла, лелея ещё и скрытый мотив: ей показалось заманчивым сменить неблагозвучную фамилию «Шкаперда» на неотразимую Санькину «Переляк». Через тридцать лет, подняв двоих детей и трёх внуков, развелась она со своим алкашом Переляком, чтобы, как оказалось, начать оСАДу нового алкаша Прокопыча. Люди ведь жаждут новизны любой ценой, даже сменой шила на мыло.

В общем, женили Кишканя. В один день стала Светка мужней женой и мамой девочки (которую тоже называли Светой), а Кишкань открыл в себе новый талант – уклонения от супружеского долга. С отмазкой: «Дочь – не сын. Был бы мальчик...». Но откуда ему взяться, мальчугану, если брак так и остался бесконтактным? Частично из-за обиды, нанесённой Кишканю заочностью брака, частично потому, что работал он вахтовым методом по Зимбабве и дома появлялся раз в год. И даже этот крохотный отпуск проводил у коллег. Альтернативное же зачатие исключалось угрозой установления отцовства по ДНК. Но как-то свезло: отпуск Кишканя совпал с ртутной¹ свадьбой Светкиных родителей. Гуляли её в доме с консьержкой, там попросторней. Вот в ходе гуляния впервые за тринадцать лет брака отпускник и достиг нужной кондиции. А может, у светкиного папы-прапора, наконец, прорезалась смекалка и он подсыпал зятю Ви-агру?..

Как бы там ни было, но Светка понесла. В тридцать восемь она благополучно разрешилась сыном, а Кишкань – новой отмазкой: мол, теперь ты мадонна, как я могу к тебе прикоснуться? Беладонна... В психологии такое называется «синдром девственницы и блудницы». Однако Светка тогда ещё не училась на психолога и этого не знала. У неё просто отвисла челюсть.

¹ Ртутная свадьба – тридцать восьмая годовщина брака.

Но надежда умирает последней. Однажды тоскливой декабрьской ночью плачущая Светка в полном одиночестве посмотрела популярный голливудский фильм «Пятьдесят оттенков серого». Посмотрела с тихим отворачиванием, но залпом. Все три серии. С отворачиванием. Но до конца. Главная героиня поразила Светку внешним сходством с ней самой. Те же волосы, чёлка, тот же овал лица. Та же конфигурация носа. И поняла Светка: вот оно, счастье. Заказала по интернету кнут, шариковый кляп, наручники и в следующий же приезд мужа, краснея и тушуясь, попыталась это всё к нему применить. И, видимо, так с перепугу напортачила, что обескураженный Кишкань прервал отпуск и спешно вернулся в Зимбабве.

Год прошёл как сон пустой, на огурцах и «Боржоми». Светка махнула на всё рукой. А дальше её пятнадцатилетняя доча, студентка обувного колледжа, привела «своего» (снятого накануне в «Шкафу»¹) заезжего ухажёра – семнадцатилетнего мажора, папа которого лихо пилил бюджет на Банковой. Похвалиться привела. По пути из кухонной лоджии в туалет смертельно скучающий гость глянул в Светкин дубовый шкаф и обнаружил там валявшиеся без дела кнуты и кляпы. Казалось бы, что такого? Но столичный мажор оказался страстным поклонником «Пятидесяти оттенков» и актрисы Дакоты Джонсон. Уже через день, подгадав, когда Светка-младшая

¹ «Шкаф» – ночной клуб на Греческой.

корпела в своём ПТУ, он явился к Светке-старшей с корзиной чёрных роз и розовым «Брютом». Вот тогда-то Света и рассмотрела, как похож паренёк на её любимого Далтона с тройным намёком на Волобуя, певца Александра Серова и актёра Владимира Самойлова.

Что там было дальше – неизвестно, но именно папа этого юноши и дал отмашку Светкиному Шкафу-Первых-Жён. Чуть «подработав» название. Отношения людей ведь – тропический айсберг: официальный брак – лишь узкая верхушка, а самое важное, пылкое и захватывающее, самые сильные тяги обычно скрыты от любопытных глаз. Да и сами люди – тоже айсберг: наверху вежливость и учтивость (у кого они есть), а внутри – клубок змей и тайных желаний (а то и маний!). Вот повезло Светке, что паренёк с детства мечтал о MILFe с лицом горской мадонны. И самому пареньку повезло, что смахивает он на любимого Светкиного Джеймса Бонда. Что и доказывает, как важно оказаться в нужное время в нужном месте.

С младшей Светкой мажор больше не виделся, выгодно на ком-то в Киеве женился и с головой ушёл в свою светлую мажорскую даль, из которой периодически, несмотря ни на что (ни на какие грянувшие политические перипетии), выныривал в жизни Светки-старшей. Сердцу не прикажешь. Она же закончила психологический колледж и пошла парт-тайм в «Антошку» – то есть

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

занялась тем, чем всегда и хотела. С Кишканем рáзвелась, но сильно кровожадничать не стала, хотя водились в её «Шкафу» и лучшие бракоразводные юристы города, умеющие раздеть проштрафившихся мужей до трусов, и виртуозные хакеры – добытчики весёлого компромата... У Кишканя всего-то отобрали лётную лицензию и лишили гражданства под предлогом длительного отсутствия в стране. Не может такого быть? С «крышей» на Банковой всё может. Говорят, посыпав голову пеплом, Кишкань женился на дочке зимбабвийского вождя и теперь ходит в шкурах носорога. Но это просто слова. А слова что вода – верить им ни к чему.

Невозмутимый Купырь это всё прослушал, как всегда, молча. Но историю Хуторецкой нашёл более занимательной. Пожал плечами, неопределённо хмыкнул. И никакого фельетона не написал. Зато неожиданно пригласил Катерину Петровну в «Катран», где всё и заверте...

**КАСАНИЕ ТРЕТЬЕ (ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТ)
ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ САДА**

Если человек не готов, его можно поставить на самую грань победы, и он всё равно повернёт назад... SAD, как говорят в Америке.

В. Пелевин

Капитан Всезнанский отошёл от окна и, хмурый, сел за рабочий стол. Голова шла кругом. Накануне ему присвоили внеочередное воинское звание как особо отличившемуся сотруднику. За выявление и пресечение противоправного деяния, создавшего непосредственную угрозу жизненно важным интересам государства и безопасности граждан. В приказе СБУ перечислялся целый ряд пунктов и статей Законов Украины, ставших основой для нового назначения. Но почему-то душа с каждым днём всё больше напоминала зону оккупации разных сил и вместо радости там скребли кошки. И вертелся в голове дурацкий мотивчик, который Сергей где-то когда-то слышал, но который к событию не имел отношения:

И упустить такой кусочек не хоте-е-л...

...кусочек... не хоте-е-л...

Хотя, наверное, всё-таки имел он отношение, имел. Если признать, что мечта о блестящей карьере – блеф.

Она совсем не то, чем представлялась раньше. И видел себя капитан Всезнанский слабоголовой птичкой, у которой увяз коготок. Копать под саму Думскую, да ещё под главный офис – на такое не отважился бы и Сам. А именно это и провернули люди Карантина Карантиныча...

«Кого-кого??? Не того ли: „даже вынужденные менять существо своих взглядов люди втискивают его чаще всего в старые формы“? – „Зачем нам „те“? С тех давно песок высыпался на пьедестал. У нас свой есть, местный... Маладой, азарной!».

Своё имя Карантин Карантиныч Голкиперенко получил в честь отца – известной в городе фигуры, которого, в свою очередь, когда-то назвали в честь бесконечных карантинных в советских детских САДиках... По утрам, когда Голкиперенко-старший усаживался за завтрак, глаза его упирались в прилепленную на холодильник магнитную тарелку с цитатой французского журналиста Пьера Верона: «Мирному буржуа ничто так не бывает по вкусу, как картина без оригинальности. Таковую картину он сразу поймёт, и она доставит ему удовольствие. Меж тем как смелые попытки новичков решительно сбивают буржуа с толку». Француз писал это в далёком 1881-м про художников, раскрывающих суть изображаемого посредством второстепенных деталей. А «буржуа» – по-русски просто обыватель. Объективно не относя себя

к обывателям, и тем более мирным, Голкиперенко воспитал и сына в этой же философии. Теперь оба предпочитали лишённому оригинальности картинкам именно смелые, хоть и неумелые попытки новичков.

Покровительство Карантина Карантиныча стало косвенным результатом всасывания в проект... Светки Заплаткиной. Именно она, за бокалом шардоне к фуа-гра под ежевичным соусом, разболтала о тайном проекте своему тайному рыцарю. Он – родному папе, тому, с Банковой. А гадский папа возьми и выложи всё своему боссу, коим и был Карантин Карантиныч. Подобострастно причём выложи. Голкиперенко не ограничился лишь колкой шпилькой, воткнутой в шардоне под ежевичным соусом. Его интересовало развитие его идеи «Шкафандр мышкодев». Да, да, именно он невольно подал эту идею. После того как чуть ранее тот же «папа» с угодливым смешком пересказал Карантину Карантинычу заплаткинскую историю (у сынка от бати секретов не было). Просто так пересказал, дабы за чашечкой утреннего кофе поразвлечь шефа. А Голкиперенко вдруг давай рвать и метать, вылил кофе в фикус и заявил, что таким кишканям надо кишки выпускать, чтобы жизнь мёдом не казалась. Слишком много их в стране развелось. Не с той ноги, видимо, встал в то утро Голкиперенко. А может, как раз с той и встал. Он был столпом супружеской верности, и то, что кто-то посмел так нехорошо

обойтись со своей благоверной, наполнило его праведным гневом. Мажорский папа, который для нас фигура, а для Карантина Карантиныча обычная шестёрка, поспешил прогнуться перед влиятельным шефом и тут же разработал план. В то время, когда план оглашался, малыш Карантина Карантиныча как раз шумно играл с белой мышкой в космонавта, забравшись в шкаф-купе. Отсюда и «шкафандр», и «мышкодевы». Босс вернул мышку в её домик и наложил на план устное добро. Шестерёнки завертелись. И на пляжи Царского Села вскарабкались бульдозеры и подъёмные краны последней модели.

*

Вскоре САДовые территории засияли кристальной чистотой. Чистота – она ведь залог не только здоровья, но и богатства. Мусор препятствует движению положительных эманаций и, как следствие, процветанию.

С двойной целью развития и досуга, в Саду наладили трансляцию аудиокниг. Сначала запустили труд братьев Гримм «Соломинка, уголёк и боб». Продолжили «Пятерыми из одного стручка» Ганса Христиана Андерсена. Потом перешли к произведению «Джек и бобовый стебель». Тема была призвана настроить подопечных на нужную волну. Для пуще́го эффекта в Саду повесили три телевизора. По двум запускали подходящие

по тематике сериалы. Причём на языке оригиналов – ведь «если сказано хорошо, то не всё ли равно, на каком языке». Третий же экран нон-стоп демонстрировал кадры из бессмертного «Место встречи изменить нельзя».

– Так точно, бессмертного... – Серёга развернулся к выходу и споткнулся о раскоряченную кадку диффенбахии. – Ё-п-р-с-т («IQ хорош, но мог бы быть трёхзначным!»). Какой редиска здесь установил эту милую вещицу? – примерно так можно было бы перевести разразившуюся за этим тираду. – Надо бы вам отдать мою замикульку.

Тут Измаил подумал, что хотя Сергей Иваныч не вьетнамец, но изъясняется, совсем как Трындычук.

– Ваши здешние красули – это дубьё просто денежное, – морщась от боли, пояснил Сергей. – А нужно ещё и конкретно долларовое – замиокулькасы.

«Век живи – век учись», – хмыкнул Измаил, вписывая в свой словарик новое слово. Он и не знал о существовании долларовых деревьев.

Потеснив золотовалютные кадки, по погребку рассредоточили жуткие, но наглядные экспонаты: книгу Иссея Сагавы, башмак Гарольда Шипмана, арбалет Стивена Гриффитса. Ненастоящие, конечно. Их организовал Всезнанский – у него на Малой Арнаутской были свои спецы по контрафакту. Мастерски выполненную «сталинскую трубку Эль Чапо» садюги, правда, забракова-

ли – такой специфической темой они не занимались. На стене висели изображения печально-знаменитых Салтычихи и Эржебет Батори, сумасшедших Белль Ганнес и Джейн Топпан. Последние рисунки Тамары Иванютиной и Антонины Макаровой – людей в мире преступлений и наказаний известных – были подлинные. А венчала галерею репродукция Николая Ге «Совість». В воспитательных целях артефакты усилили ещё и муляжами дыбы, испанского сапожка и Нюрнбергской железной девы. Всё изготавливалось по средневековым эскизам и с огоньком.

– А, думаешь, чего это я вдруг согласился на твой проект? – погладив железосодержащую деву, признался Серёга: – Исключительно из корыстных побуждений и личной выгоды. Только, чур: отношение к ней будет корректным, даже галантным. А условия в меру комфортными. И тогда я выбью для вас добро ещё и на разработку катакомб. По рукам?

Измаил молча кивнул. В его правилах было не спорить ни с чем, кроме конечного результата.

«Личной выгодой» Сергея оказалась «всего-навсего» его первая лямур. На заре туманной юности, когда под ещё тогда красным отелом он постигал азы житейского любомуудрия, эта гламурная «Лилит» выхлебала всю кровь из его в те времена ещё безоружного сердца. И хоть позже Серёга понял причину своей оглушитель-

ной страсти, последующий процесс её интерпретации обрѣк его память на признание себя в статусе единственной подлинности. Не будем судить, слишком много в нашей жизни копий, не имеющих ничего общего с оригиналом.

...Ночная бабочка, ну кто же виноват...

Короче, «посеяли» в нескучном «О-о-о» и вторую даму. По иронии судьбы и имя у неё оказалось то же самое. «Имя им легион».

А вскоре в Сад угодил Сторчак, вероломный Полинин супружник. Выманить его из Америки стоило трудов. Но раскрутили. Под предлогом Полининого согласия подписать разводные бумаги без имущественных претензий. Не соврёшь – не проживёшь. Была когда-то правда, да нынче стала кривда.

И, наконец, загремела в Сад сама фартушняк! Эту лакомую мышь сцапали прямо в аэропорту. С помощью липовой «маршрутки» и диктофонного голоса Корчака. Оставив встречающих с длинющим носом.

– Это кто же у нас? – утром взгляделась Алиса Борисовна в окошко агрегата. Ещё вчера там маячил её зять, а сегодня... – Ба-а! Знакомые всё лица...

– Фартушняк это, – не отрываясь от сериала, кратко доложила Лора. – Викин который. А зять ваш в футляре теперь.

– Ой, ой, держите меня! Какой же это фартушняк? Ой, ой, рассмешили! – взбрыкивая ногами в алую розочку, покатила Хуторецкая по полу. – Говорили: «цыплёночек», зашуганная малолетка. На дискотеку ещё не пускают. Кривобокая, говорили, и криворожая. Мяса не ест, алкоголя не пьёт. Смотрит, говорили, мелодрамки и пикнуть боится. А эта? Какое там «пикнуть боится»? Это тёлка с моей работы, вот только имя забыла. Торговала через два ряда. И никакая она не малолетка: мы когда-а-а всем павильоном гуляли её 27-ю днюху, я тогда работала ещё! Кстати, это она мне и сказала про классы Поплавской – училась у неё гипнозу, НЛП и разной цыганщине. Да она и сама цыганка – гляньте-ка сбоку! О, нос какой. А до того она ходила на курсы Виктора Михалыча Кандыбы, сама говорила. Я тоже хотела, да не успела. И как вы её в холодильник-то упекли? Вот она самих вас туда сплавит. Она же внушать умеет. Переключать сознание. Ой! Не смотрите ей в глаза, Лорочка Валерьяновна! Она наших покупателей на раз заморачивала – за прилавком-то скучно. Посмотрит, как удав на кролика – и всех делов. Мы её даже Копперфилдшей дразнили.

– Ужас! – всполошилась Лора, хватая пузырёк с эфиром. – Спасибо, что предупредили, дорогая!

И, действительно, ничего не было в новенькой от ангелочка, описанного Викою. Цепкие злые глазёнки нео-

познанного цвета, чёрные лохмы, длинный восточный нос. Не хватает лишь ступы.

– Так она гипнотизёр из цирка?

– Гипнотизёр с рынка она.

– Гипнотизёр Срынка? Так и будем её называть – Срынка.

Специально для Срынки экстренно свинтили эксклюзивную клетку из свинца и осины – через них, говорят, гипноз не проходит. По прутьям протянули чесночные гирлянды. И обезвреженную таким образом Срынку продемонстрировали через смартфон Вике. Та тоже удивилась, обнаружив не наивную малолетку с распахнутыми очами, а тёртый мелкоглазый калач. И подала идею: раз «цыплёночек» липовый, то пусть и встаёт «недоцыплёночком», то есть «ласточкой». Зря что ли ласточка – символ женской грации! Вообще-то, это тоже вариант «лобстера», только с модификацией. И поскольку уже известно, что от женщин в такой позе толку для дела мало, поразмышляв, выгнули Срынку-фартушняк «обратной ласточкой» – то есть спиной вниз и задранной ногой кверху. Ногу закрепили на триподе. Вот тут-то и хлынули энергии! Да какие мощные! Трансформируясь в такую звонкую монету, что садюги еле успевали набивать ячейки «Порто-Франко». Но самое-то главное! Самое главное: мужья клиенток – подумать только! – по собственному почину и одновременно

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

(причём все без исключения!) вдруг на сторону бегать пе-ре-ста-ли! Наотрез. И окружили свои семьи самой искренней заботой, чего в домохозяйствах города не происходило аж с середины 80-х! После этого клиентская база стала грозить перелиться через берега.

«Турецкий поток» становился всё популярнее, и никому в голову не приходило, какой мощный континуум работает на его успех.

*

Вначале клиентскую базу составляли одни женщины. Именно их успеху мешают устои общества, ставящие во главу угла сирое домашнее служение и «женскую мудрость» – эвфемизм потакания мужскому эгоизму. Честолюбивых и активных, уважающих себя дам у нас не любят. Хотя, дело даже в другом. Энергия инь вообще подразумевает не нахрапистость, а определённые состояния привлечения обстоятельств. Как цветок пленяет пчелу.

Заказчицы делились на три группы. Группа бальзаковского возраста¹ обычно запрашивала «традиционные» мир и здоровье в семье. Нет проблем! В таких

¹ Выражение «бальзаковский возраст» стало крылатым после выхода в 1842 году романа Бальзака «Тридцатилетняя женщина» в цикле «Человеческая комедия».

случаях фигурантов делили на тройки, которые кормили традиционным «английским завтраком» из тушёных бобов, а на обед – гороховым супом почти по Ремарку: со свиными ножками и ушками такой густоты, что ложка стояла торчком. Укреплению здоровья служил чай с пыльцой сосны Сун Хуа, лимонами и теми же ростками бамбука (как символом долголетия). Наверху, на кухне, в зону Юноны ставили кадку с кислицей и прочими уместными символами.

Группа постбальзаковская как правило заказывала «страшную месь» юной разлучнице. Клиенток обычно отговаривали, ведь молодо – зелено, вторая жертва ситуации подрастёт – всё сама поймёт. Тем, кого отговорить удавалось, предлагали перевести мощь гнева на виновника. Он оказывался в Саду, и вскоре «разлучницы» в поисках хорошего психолога обычно попадали в тот же «Поток». Как и те заказчицы, которых отговорить от их планов не вышло. Всех записывали на приём к Катерине Петровне и на метта-медитации, ежедневно проводимые над морем вьетнамцами.

Третья группа – самая молодая – неизменно просила привлечь или разжечь любовь. В этих случаях «садовым головам» готовили, как пример, нутовый суп пити и айвово-гранатовый салат. Турецкий горох «бараний нут» связан с Венерой, айва символизирует любовь, а гранат – верность. Для пущевого символизма салат заправлялся инжиром – символом плодородия. В кухонную зону

Венеры выставляли белую фиалку. Если заказ был связан с военнослужащим, фигурантов потчевали бобами с бамбуком, дарующим стойкость и смелость. И лавашем – аналогом понятий «мир» и «радость». На кухне усиливали зону Марса. Если же клиентка стремилась просто улучшить внешность перед романтическим свиданием или путешествием, то садовые головы налегали на яблоки и абрикосы – мандалы женской красоты (к зиме их заменили урюком и курагой). По кухонной зоне расставляли какелоны с каллами Светланы Ивановны. Короче, всё зависело от заказа.

Объединяло же все три группы желание спасти объект своего заказа от пьянства. К сожалению, без готовности самого объекта ничего выйти не могло, но неожиданно для садюг, хоть и к переменному, но всё-таки успеху повело повышение содержания витаминов группы В и тиамина в диете и фигурантов и объектов – та же бобовая константа. Её направили на изменение окружения последних (скажи мне кто твой друг – и я скажу, кто ты). Расценки на услуги медцентра, начинавшиеся когда-то со скромных двузначных цифр, с ростом «Потока» неостановимо прибывали нулями. Скоро даже потребовалась возможность оплаты в рассрочку.

Прибывали не только нули. Подтянулись через какое-то время и заказчики-мужчины с запросами на мате-

риальный успех. По фэн-шую, за финансовое благополучие отвечает дальний от входной двери левый угол. По счастливой случайности в доме Чужало он пришёлся на юго-восточную часть кухни. Оттуда вынесли мусорное ведро, холодильник и кактусы. И затащили главный домашний атрибут богатства – Манькин аквариум. У Адрона Фёдоровича он царил в гостинной и так сливался с интерьером, что, казалось, Чужало сам и обустроивал дом по китайской науке. Но... в последний день напился со спецом и не доделал начатое. Хотя никакого фэн-шуя отставной унтер-офицер СА не знал, а в чертовщину не верил. Но краеугольный пазл эзотерической девственности Чужало – его выбор между Купырёвым № 1/29 (по нумерологии $1 + 2 + 9 = 3$) и предписанным ему самому № 1/30 ($1 + 3 + 0 = 4$). По фэншуйской нумерологии тройку курирует Марс, а четвёрку – Меркурий. Последний, ясное дело, бизнесмену ближе, чем бог войны, который был бы сподручнее генералу. Но Чужало выбрал число своего призвания неосознанно и потому гениально. Как говорится, по наитию. Благодаря которому он и богател.

Если старшина СА боялся замкнутых пространств – то Вьетнамец страдал боязнью четвёрки – тетрафобией. Ей подвержены многие азиаты. Боязнь была так сильна, что перед рождением четвёртого ребёнка Трындычук всерьёз размышлял, не отдать ли его на усыновление.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

К счастью, родились близнецы, девочка и мальчик, и вопрос отпал. Кстати, сам Трындычук жил под числом Венеры – шестёркой. Он и родился в июне, и номер дома у него был шестой, и детей у него шестеро.

Короче, Манькину ёмкость переместили на кухню. По фэн-шую, счастливого количество рыбок в аквариуме должно быть нечётным, каким оно и было. Удачу усилили, поставив под аквариум трёхлапую бронзовую жабу с монеткой во рту, а предметы вокруг обернули зелёной и золотой фольгой – чтоб активизировать денежный сектор. Заодно сантехники Всезнанского починили все трубы, чтобы вместе с водой из дома не утекали финансы. И уже к весне по мотивам сериала «*Black mirror*» в Саду установили три велотренажёра, куда фигурантов периодически сажали для поддержания тонуса мышц. Сначала в порядке ротации, затем за хорошее поведение.

—

— Странно, — озадаченно почесал в затылке Купырь. — С чего это меня на фэншу потянуло? Да и бобы терпеть не могу. Кой чёрт мне эту дурь нащёптывает? Хоть бы курьёз какой. А то ведь и заснуть можно... — Он оглянулся по сторонам и сердито хлебнул из стакана.

*

Серёга долго и подозрительно изучал свои белозубые ногти арийца, будто выискивая следы той клейковатой массы, в которую, кажется, влип. Впрочем, если работу делать чужими руками, грязь не липнет. А поскольку Всезнанский давно предпочитал тень кнута и призрак пряника, до грязной работы он и не опускался – сама Банковая способствовала расцвету Сада.

«Что ты куришь? – задал Голкиперенко единственный вопрос в их единственную с Серёгой беглую встречу возле археологического музея, где с постамента привычно испускал энергию страдания Лаокоон. – Это хорошо, что твои шефы не в курсе».

И отправился пить кофе с Саджуком. Оказывается, они были знакомы ещё по работе в Никосии. Вертели там на Зелёной Линии чёрные схемы. С греческой половины ходили на турецкую, где всё было в разы дешевле. Так и познакомились. И теперь, унюхав запах Бабла, Карантин Карантиныч энергично взялся за дело. Его рудокопы расширили погреб Чужало до самых катакомб. И, тормознув только под Думской, самоизолировали баблонный участок так, что сунуться туда не дерзали даже крысы. Правда, в этот отсек бункера попадали ещё и самые опасные конкуренты Голкиперенко. Но подробностей Всезнанский не знал. По причине того, что хлеб

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

ел всё-таки из рук той же Думской, а, стало быть, и лезть в подобные дебри было ему не по чину. Эта секретная часть «О-о-о» получила название Сад Икс. Сад же Альфа пополнял конечным продуктом банковские ячейки по-прежнему, теперь ещё и в ближайшем отделении Альфа-банка.

Со своеобразным юмором спаровав два алфавита, садовые этажи назвали Альфа-Буки-Гамма. Самый нижний, минус третий этаж – Сад Гаммы, – остался в резерве. Средний же, названный Садам Буки, отвели под «кишканей» – нерадивых мужей. Самого Кишканя, конечно, не получили, тот всё ещё продолжал щеголять в шкурах носорога. Но остальных, подло кишканящих, сортировали: самые безобидные попадали наверх, в папоротники, туда, где солнечные фонари, велотренажёры и богатое меню. С тремя Йони, опять же, по соседству. Почти курорт. Тех же, кто свои художества усугублял ещё и агрессией, то есть поднимал руку на домашних, размещали именно в Буки. Они стояли там в позе животного в стойле и питались исключительно английскими завтраками: тушёными бобами без приправ. И без солнечного света и воздуха. Правда, иногда под ферментированную бобовую водочку – ведь «кто водку пьёт, тот сам себя бьёт».

Конечно, Сад пополнялся фигурантами не автоматически по наводке заказчиц. Нет-нет: после оформления заказа в воздух поднимался один из бесшумных дронов

Адрона Фёдоровича. Пару дней барражировал, отслеживая перемещения кандидата. На основании анализа этих данных и разрабатывался план действий. Обычно – в 98% случаев – заявления заказчиц подтверждались. И дальше в дело вступал оперотряд «О-о-о Сада», отобранный Трындычуком из ветеранов вьетнамского спецназа – когда-то с некоторыми из этих нинзя он даже лично выписывал Пол Поту путёвку к ракам.

– Не полу-, а полному... А вот кто такой полуджон? – разглядывали садюги полосатую люстру «Рука Бога» – эту центральную часть гостевого триптиха перевесили в *underground*, чтобы подчеркнуть: всё происходящее – от бога. Но вызвал недоумение псевдоним автора: картина была подписана неким Джоном Полуджоном. Так и подписана, хотя, кажется, с ошибкой: «джон-полджон» маленькими буквами и слитно. Одни из садюг предположили, что речь о рок-музыканте, другие просто молча почесали затылок. Ясность внёс Измаил: речь тут об адмирале Джоне Пол Джоне, побившем рукой – ту-рок, а ногой – англичан. Что художник и увековечил, ведь англичан вообще редко кто бил. После этого смотреть на турка стали с ещё большим пиететом. А кто ещё мог бы связать люстру с великим екатерининским адмиралом!

Скоро «О-о-о» уж и садом назвать было нельзя – места не хватало даже неприхотливым папоротникам.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Правда, дыхательная система фигурантов не страдала и с учётом не вполне стандартного духа Царского Села: Измаил установил в розетки ароматизаторы с экзотической смесью бергамота и розового дерева. Это даршан – король запахов. Также Сад периодически окуривался свежесжигаемыми бобами под заговоры и авторские заклинания из методички Светланы Свячёной. Плюс к этому, сквозь рабицу, отделявшую участок Чужало от вожделенной земли Купыря, мощно несло натуральным бризом близкого моря. Вдали на рейде тонко белел силуэт яхты. При желании в дымке можно даже было различить её название: «*Semiskewer*». Особенно если забраться на плечи Измаила и вдохнуть зелёное попури из йода, остатков сурепки и густого конопляного замеса, засеянного когда-то Купырёвым приживалом с утраченным именем.

*

Когда-то в качестве компенсации за отчуждённые пол-участка этот самый приживал принёс из своей 75-й спецшколы жёлтую школьную доску. Она пылилась в кладовке. Но теперь вот пригодилась: в качестве объектов симпатической магии на неё стали лепить фотографии фигурантов-«заочников». Центральную параметрическую мощь являл на доске Корч – дюжий борода-

тый тип с безумными глазами и проседью под нижней губой. Вид у него был препотешный. Будто кто-то хорошо оттаскал его за бороду, а потом швырнул прямо под проливной дождь. Вокруг Корча приткнулись образы самые разные: Лоркин кубинец, её же кругленький Джефф и даже не успевший её предать Кукуцаполь. Что касается последнего, то вообще непонятно, за что он сюда попал. Наверняка за разбитые Лоркины иллюзии. А дальше – лица, лица, лица. Белые, чёрные, оливковые. С мрачным укором смотрели они на окружающих. И все работали, все производили. А в процессе учились, учились и учились.

Присутствовали на «доске позора» и перечёркнутые крест-накрест «нон-граты»: библейская Далила, Сайфер из «Матрицы», Олдрич Эймс и наши явные и тайные хриstopродавцы: князь Курбский, Валерий Леонтьев с арбузом в спадающих концертных штанах, Нуреевы-Барышниковы, Хрущёв и Андропов... Хотели туда же вывесить и Иуду Искариота – но заколебались. Всё же раскаялся мужик, сам повесился. На осине.

– На осине ли? – усомнился Саджук.

– От осинки не родятся апельсинки! – серьёзно сообщил Трындычук и ушёл наверх готовить ужин.

– У нас там осины не растут, - с усмешкой покачал головой Измаил.

– А может, раньше росли, – предположила Лора.
– Климат же менялся. Или может, Иуда сюда к нам пе-

реехал, в тот же Овидиополь. Римская империя, она и в Африке Римская империя. Границ ведь тогда не было. Ладно, пошли, насобираем осиновых листьев и повесим на них этого, как его...

– Горбачёва! Он же не раскаялся.

– А ваш Андроп раскаялся? – гневно звякнула унитарной цепью Катерина Петровна. – Наглая рожа бросил первую жену с двумя детишками. В 80-х расстрелял фронтовиков, сволочь... И вообще мутил... Скользкий тип, двойной агент. Обоих подвесить! Он вашего Горби и протащил.

– Не нашего, а вашего. Правда, и как деревенский парень сделал карьеру при брошенной-то семье, сыне-уголовнике, второй жене-наркоманке и собственном пятом пункте? Никогда не говори никогда! Но Владимирович хотя бы оставил после себя многосерийную «объяснительную» с предсказанием сегодняшнего пата, – возразил Измаил, неизвестно где взявший такую информацию. – Нет, тут виноват другой. Тот, чья харизма до сих пор с ног сбивает своей мощью, – и Измаил неожиданно вытянул из глобуса-бара пожелтевшее и залитое вином фото Владимира Семёновича с гитарой. И как ни в чём не бывало примерил его к жёлтой доске.

Катерина Петровна задохнулась и побагровела.

– Ах ты, турок ты!.. Ты хоть понимаешь, кто это? Это же гений! Наш пророк и совесть! Вольнодумец!!

– Какие ещё ваши вольнодумцы записали кучу пластинок на «Мелодии» под оркестр Госкино? Настоящие вольнодумцы с хлеба на воду перебивались. А этот сын, прошу прощения, полковника гонял по Москве на «мерседесе», на приобретение которого тогда требовалось личное разрешение чуть ли не секретаря Политбюро. Вольнодумец давал концерты по всему миру. Менял женщин и машины как перчатки. Как вашим диссидентам жилось-то, а всё равно ныли. На денежки КГБ.

Катерина Петровна молча вцепились в Измаила с твёрдой решительностью. Она не терпела нападок на своего кумира!

– Помилуйте! – кинулась спасти мужа Солдатов. – Изя же в органах работал, наверное, знает лучше вас!

– Не помилую!

Разделились в своих клетках и фигуранты: подавляющее большинство поддержало Катерину Петровну. Все, кроме китайцев, схлестнулись в вербальном поединке и даже принялись трясти прутья. Потасовка грозила перерасти в массовый бунт. Как в комедии с Пьером Ришаром «Побег».

Солдатов судорожно выхватила из того же глобуса журнал Time от 2007 года с фотографией Человека Года (тёзки виновника спора) на обложке – и принялась размахивать им перед садовыми головами с криком:

– Смотрите, смотрите, кого мы сейчас озадачим!

Как она и рассчитывала, это спорщиков отвлекло. Причём отвлекло настолько, что, судя по растущему ропоту, обещало потасовку ещё более эпического размаха. Солдатова быстро сунула журнал в шредер.

– Короче, осину не того, – нервно произнесла она, отряхивая помятого и донельзя удивлённого Измаила. – Не осину. Во-первых, в Библии не названо Иудино дерево, я проверяла. Одни говорят, что это осина. Другие, что бузина, рябина и даже берёза. Что же нам, в огороде бузину, а в Киеве дядьку сажать?! А, во-вторых, откуда вы взяли, что Иуда задавился? Такие, как он, скорее вас придавят. «Кто тебя, Тит Титыч, обидит? Ты сам всякого обидишь!».

– Как «откуда взяли»? Всё оттуда же...

– «Ровно ничего из того, что там написано, я не говорил» – это кто о ком? Так бы и бегал Иуда по бабам, кабы его не зарезали.

– Точно! Всё в своих руках.

*

Вроде бы пронесло. Но едва остыли «Владимирские» страсти – накалились новые. На кухне в это время, помогая Трындычуку лепить на ужин суши, японо-вьет Ли примагнитил к холодильнику изображение одной известной крымчанки (не Ротару). Японцы почему-то счи-

тают именно её эталоном красоты. Даже мультики-аниме о ней наклепали. Японскую картинку увидел поднявшийся на кухню Саджук. Посмотрел-посмотрел и, памятуя, что главная задача всё-таки воспитание, перевесил фото в Сад. Не на жёлтую доску, а просто на каменную стену под один из солнечных фонарей. Для повышения эстетического уровня. Думал – Крымчанка не Вованы, не страшно.

– Ба, это же символ пр... – вскричала возившаяся в Саду Хуторецкая.

– Э-э, – предостерёг Саджук. – На территории Сада политика запрещена. У нас это просто символ красоты. А за оградой можете городить что хотите.

Лора ревниво хмыкнула и (клин вышибают клином!) пришила рядом с Крымчанкой хранившееся в глобусе фото одной из самых красивых блондинок нашего кинематографа, иконы стиля тех лет, уже ушедшей «советской Бриджит Бардо». Во-первых, для вертикали эстетических чувств. А во-вторых, в качестве символа вопиющей несправедливости. Среди воздыхателей красавицы были сплошь звёзды. Среди мужей – режиссёры, дипломаты, космонавты, учёные («и солдаты, и матросы», – хихикнула при этом Хуторецкая.) А закончилась её жизнь уродливым глухим одиночеством. Под злорадные смешки над её когда-то ослепительной молодостью. Такие вот пироги с котятами, увы...

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

– Зависть... – сухо констатировала Алиса Борисовна. Её собственная любовная удача клонилась к закату и невольно толкала на скорбные параллели. – Вот скажите: злая мысль бьёт человека по его детям и даже внукам. А при чём тут внук? За что ему страдать, если каждый должен отвечать только за своё. Вот мы и помогаем возмездия не запаздывать.

– Чего вы ставите себя на одну доску с богом? – не отрывая взгляд от ярких глаз актрисы, обнажил зубы Измаил. – Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

– Ой, Изя, я вас умоляю! Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик! Некогда мне чего-то от кого-то ждать. И где та утка с яйцом, чтоб на кончике иглы возмездие ускорить?

– А зачем оно вообще? – вдруг вмешалась с экрана смартфона слушавшая их Полина. – Вот, в 90-е моя соседка по старой квартире осталась одна с трёхлетним ребенком и отцом-алкоголиком на иждивении. Ей пришлось и на Седьмом стоять с четырёх утра на морозе, и в Польшу мотаться с тюками, и у бандитов в кафе работать. И кидали её, и ломали, все круги ада прошла. Но никого из своих обидчиков не возненавидела, ни на кого зла не держит. Почему?

– Потому что она страдает «синдромом жертвы» – ей чем хуже, тем лучше! – авторитетно пояснила Катерина Петровна. – Из-за неправильного воспитания многие наши соотечественницы страдают такой психической девиацией.

– Не потому!!! Просто изначально она была выше и порядочнее «джунглей», не пристали к ней их звериные мерки. Наказывать надо только тех, кто вредит беззащитным животным. А то мы – сами жертвы – подумали, да и перековались в мстительниц. Стали плоть от плоти того самого мира «нелюдей», с которым боремся. А кто мы такие, чтоб решать, кого казнить, кого миловать?

– Мы те, – торжественно выпрямилась Лора, – кому судьба дала шанс казнить и миловать. Как сказано не нами: выпьем же за то, чтобы наши возможности всегда совпадали с нашими желаниями. Потому что всё дело в отсутствии или наличии этих совпадений. Давай сюда своего соседа! Если у той тётки нет потенции привлечь её чиряка к ответственности, то у нас она есть. Гони имя!

– А нет у него уже имени. Чирей несколько раз женился, настругал детишек, спился и замёрз под забором. Так что, если действовать по стандарту кармы, мы должны схватить его кривобокого внука и заставить его платить за грех деда. Пословица же есть: вышедший из яйца, яйцо и породит.

– Вот-вот, закон кармы так и работает. Потому люди и борзеют – не видят они причинно-следственной связи, не ощущают неотвратимости наказания. Вот для этого наш Сад и необходим! Минус на минус даёт плюс.

Эфенди промолчал. Кто-кто, а башибузук Гирей не по теории знал, что белое только потому и белое,

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

что белым считается. Взять хотя бы чёрно-белое фото Лени Рифеншталь. То самое, что долго висело над кроватью Хуторецкой и которое, уходя когда-то, Вася прихватил на память. А сейчас вон опять шпилит на стенку.

– Васёк ты мой Трубачёв! – снисходительно рассмеялась Алиса Борисовна. – А я-то думаю, куда делась моя Лёничка? А это ты прихватизировал!

– Захотел – взял, – неожиданно огрызнулся Вася. – Захотел – отдал. Оно моё. И ты моя.

– Врёшь! – кокетливо возразила Борисовна, легонько щипая за плечо чуть опостылевшего Васю. Но это фото она любила и была рада, что оно вернулось. – Добрачное общим не считается!

– Считается!!! – Вася вдруг изо всей силы щипнул Борисовну за грудь, как ветром сдув наблюдавших «семейную репризу» садюг в сакральные лабиринты чужаловского *underground*. Под эпической мощи анафему в Васю полетели чашки-блюдца из богатых чужаловских арсеналов. Лёлюсику давно хотелось новых ощущений. А это фото воскрешало её надежды.

Любовь обманная страна,

Обманная страна... – распевало меж тем «Радио FM».

*

А дальше... Дальше с тазиком суши в Сад спустился наконец Трындычук. Он не присутствовал при щипательном поединке. Но, обнаружив на стене фото нацистки, вдруг тоже впал в невнятный, но праведный гнев. Долго что-то выкрикивал на своём языке, потом сорвал Рифеншталь и бросил на пол. Сверху накидал суши. И убежал. С проклятиями. Вирус, что ли, какой? А через четверть часа гражданин Социалистической Республики торжественно пришил на то же самое место фото Розы Люксембург... в обнимку с Константином – младшим сыном Клары Цеткин. И свадебное фото самой сорокалетней Клары с её двадцатидвухлетним женихом, художником Цунделем...

– В джазе токмо девушекк, – непонятно к чему провозгласил еле угомонившийся Вьетнамец и сурово глянул на онемевшую от новой информации Хуторецкую. Полжизни, вроде, на слуху Роза и Клара, а ничего о них Борисовна и не знала. Но была убеждена: в подобных случаях это всегда любовь. Недолгая? Может. А что, между ровесниками она всегда долгая? «Не смешите мои тапочки».

Измаил в эти страсти не вмешивался, но для их остужения и активации суггестии молча добавил к *hot girls* картину фламандского художника XVII века Якоба Йор-

данса «Бобовый король». И не репродукцию, а оригинал. Его накануне доставили ему из стамбульской галереи Долмабахче Санат. Такие же висят в Эрмитаже и где-то ещё, причём тоже оригиналы. Дело в том, что Йорданс наклепал их больше десятка. «На бис», так сказать. Во Фландрии той поры застолья с Бобовыми королями были нередки. И не только там: на Балканах из бобовой муки пекли новогодний обрядовый хлеб «бобов дед». А в наших Карпатах и Полесье на праздники готовили пирог с замешанным в тесто бобом. В начале вечеринки все искали его в своём куске пирога. Счастливчику торжественно вручали корону, наделявшую избранника королевскими «обязанностями»: поднимать чарку и провозглашать: «Король пьёт!». Чему «свита» с удовольствием вторила.

Нет, «О-о-о Сад» на Отважных был совсем нескучным. Её Величеством королевой бобов была сама мадам Лёлюсик. Чего-чего, а рецептов быстрой браги на горохе, как и бобового самогонварения она знала множество. Специально консультировалась на форумах о секретах зимологии – бобовые-то напитки, ферментируясь, выделяют алкоголь, а «водка пьяного накажет».

В общем, давала копоты мадам. А Трындычук давал ей советы. Сначала по закуске. Потом по жарке и копчению. А дальше всё чаще стал хозяйничать на кухне сам.

Ведь когда-то Вьетнамец неплохо готовил. Во-первых, в детстве в семейном ресторанчике «Кухня восточных владык» научился. Там родители колдовали над блюдами Передней и Задней Азии. А, во-вторых, до армии успел годик поплавать помощником кока. Говорят, однажды их судно захватили сомалийские пираты (о которых тогда ещё никто и не слышал), и юный Трындычук научил их печь вкуснейшую самбусу. В благодарность они отпустили судно без выкупа. Так говорят. После армии социалистическая родина направила своего сына не совсем в ту степь, но мечту о кухне не погубила. Вот и занялся он в Одессе после женитьбы продуктивно-ресторанным бизнесом. Хотя теперь сфоять у печи солидному человеку было уже не с руки.

Но пришлось. И всё по той же причине эффекта САДОВЫХ энергий! Дело в том, что на Васю свалилось в родном Болграде наследство, и он отправился оформлять документы. Лёлюсик с ним не поехала (былая любовь потускнела и закоптилась), но через пару дней всё-таки рванула. Только не к Васе, а... на Мальдивы! С... Энди-Брэнди, ихтиологом. В его очередную экспедицию по акулам. Оказалось, оба пылко крутили уже месяц несмотря на то, что были ровесниками. Ради любви оказывается, можно и плюнуть на собственные кредо с мотто!

Но когда Алиса Борисовна уехала – кухня опустела. Ни Ксюха, ни Алёнка готовить не умели. К тому же в се-

крет Сада посвящены они не были и знали лишь о наземной части проекта. Так что пришлось любителю Розы и Клары, вспомнив юность, засучить рукава и перевести процесс на собственную кухню. Единственное, что хлеб он раньше не пёк, нет во Вьетнаме такой традиции. Но неожиданно помог тот самый бестелесный дух Востока, который по утрам вместе с Измаилом так любил созерцать восход солнца, рассуждая на всевечные темы. В какой-то из своих мимолётных индукций его вдруг сплело с совершенно новым для него вьетнамским алгоритмом, и теперь он с удовольствием заваривал утро на заднем дворе у тандыра. Ну а как иначе объяснить быстроту, с какой Трындычук научился печь экмек, ширмоль, катырму, гижду, шакек, фатыр и даже амыш – осетинскую лепёшку из кукурузной муки? Такой поворот любому покажется странным! Но... иногда правильный путь и есть подчинение, или желание, или импрессия, что, в сущности, одно и то же. Просто уловить подобный переход дано не всем.

Вскоре пришлось заказывать новые футляры – пошире, попросторнее.

– И что это за ад, где кормят, как на убой? – восстал, наконец, Измаил.

– У нас не ад, а чистилище, – его же словами парировала жена. – Мы не вредить должны, а переубедить. Пе-ре-ко-вать, – Лора Валерьевна любила учительство-

вать – полгода ведь в школе проработала. – У нас, Изя, не каталажка. У нас трудовой сад с усиленным питанием. Просто нашим садовым головам трудиться не надо – за них всё делают бобы.

И, подумав, добавила:

– Но можем поСАДить их на диету.

И Вьетнамец заменил мясо муэрами – чёрными древесными грибами, похожими на обуглившуюся бумагу. Их ещё называют «Иудино ушко». Ушек у Трындычука оказалось столько же, сколько сухарей у Адрына Фёдоровича. Вьетнамец сам их выращивал в специальных тепличках, а потом сушил, солил, мариновал и подсыпал в супы, салаты и даже пироги. То-то во время обедов из футляров то и дело доносились вопли: «Солёно!» да «Остро!». Ну да кто и кого слушал – на вкус и цвет товарищей нет. Дело есть дело! К тому же, сколько в муэре белка и витаминов! Авитаминозом можно было и пренебречь!

*

Однако вместе с авитаминозом мы совсем забыли об уважаемых Адрыне Фёдоровиче и Светлане Ивановне. А ведь пока все эти бобовые изыски варились в собственном соку, супружеская чета добралась, наконец, до Барселоны. Добрались! Ох, и хороша же Барна –

город «Барсы»: пляжи чисты, вина прозрачны, солнышко сверху, водичка снизу! И работать не надо! Чужало оказались в настоящем раю. Вот только каждый рай имеет змия – не догадывались счастливицы, что за ними оперативно закрепили слежку. Группу патриотично настроенных информаторов обязали зорко отслеживать все перемещения ничего не подозревающей четы. Попивая под ритмы фламенко сангрию¹ и заедая их сангрией² и всякими местными вкусняшками, объекты наблюдения и в ус не дули. В то время как Всезнанский предупредил испанских коллег, что Чужало и есть самый важный спинар (он же спиннер) в разработке методов борьбы с терроризмом (о котором им твердит златозвёздное начальство) в целях усиления безопасности в мире. Amigos дружно взяли под козырёк и заверили: как только объекты предпримут попытку покинуть Еврозону, их тотчас тормознут за нарушение визового режима. А ещё лучше, в связи с распространением какого-нибудь на скорую руку сляпанного вируса, упекут в карантин (что нам стоит дом построить, то есть подцепить вирус?). А за это время садюги успеют подчистить хвосты. Но это так, на случай «как бы чего не вышло».

В целом же, по мнению практичной Алисы Борисовны, пора было и закругляться – у конечного продукта

¹ Сангрия – вино со льдом и фруктами.

² Сангрия – колбаска из жареной бычьей крови.

и так начался затор: к уже имеющимся банковским сейфам пришлось арендовать ещё и ячейки «Укргазбанка». Это, не считая тех сумм, что крутились в Форексе. Но кто ж черту подводит, когда карта прёт? (Даже самой планете сфера Дайсона не позволит!)

—

Купырь вытянул лист, оторопело его перечитал, но подписал. И, поставив дату, протянул яйцеголовому гражданину в углу. «И с чего это я вирус приплёл? — недоумевал он. — И правда, как бы чего не вышло...».

—

Как уже было сказано, вначале в космоэнергетический «Поток» обращались только дамы. Но после визита одной писательницы, которой страсть, как захотелось взглянуть на копошение вокруг бывшего участка её бывшего мужа, туда потянулся и сильный пол. И вот, в один неприметный зимний день явился туда неказистый, если не сказать некудышный мужичонка лет сорока пяти антизачаточной внешности. Но с неожиданными часиками *Diamonds Hallucination* на руке. Хотя, приглядевшись, оглушённая было данным фактом Солдатова поняла, что это просто дешёвая подделка.

— Мне вас рекомендовали... — с пренебрежением разглядывая дизайн будки, повернул он к припоздлившейся

Лоре плосковатое лицо с небольшим родимым пятном в форме уха африканского слона. Она, демократично взгромоздившись на стол, отгородилась от клиента защитным антуриумом – «мужским счастьем» – и врубила *Голозум*. Вспыхнувшие лазерные Вика и Полина устали на клиента. Строго, будто уличив Солдатову в неплате налогов, посетитель отчеканил:

– Мне изменила жена.

– Какая именно? – в один голос воскликнули голограммы, переглянувшись.

Перед ними сидел их давний знакомый Анатолий – Толик Батагайс. Обе сразу узнали его по африканскому пятну и специфическому произношению. Да и сам он почти не изменился, только пожух и опух. Но прежним осталось выражение лица – ускользающе-склизкое. Именно из-за него (а вовсе не из-за профессора Плейшнера!) подруги запомнили улицу Цветочную.

В самом начале 2000-х этот Анатолий был Полиным ухажёром. И в один из сочных июньских вечеринок повёз Полину и Вика в Кишинёвчик. Были там у Вики собственные сердечные дела на кишинёвской «страде Влайку Пыркэлаб», прежней улице «28-го Июня», что бы это ни значило. В дороге, на комфортабельном заднем сиденье «двадцать-четвёрочки», Полина уговорила приятельницу не оставлять её с кавалером наедине. Мотивируя тем, что знает того всего пару дней, а фами-

лия его доверия не внушает. Не Иванюк-Петренко-Сидоров потому как.

Доставив подруг на свою съёмную хату на «страде Флорилор», что и переводится с местного как «улица Цветочная», Батагайс похвастал тремя паспортами, разноцветными, как леденцы. Так ошеломлённые подруги узнали, что их плоскомордик-слонощёк – гражданин сразу трёх стран: Украины, Молдовы и Приднестровья. Но это оказались тоже цветочки. Пока девушки приходили в себя, Толя шокировал их ещё и тем, что в каждой из стран имеет по законной семье. То есть в Рыбнице, в Кишинёве... а в Одессе у него буквально на днях родился сын! Назвали пацана громко, с претензией: Роджером. Гигантомания – дело серьёзное. И пока подруги отходили, многостаночник объявил, что они, Вика с Полетт, – самые красивые девушки Кишинёва. На резонный вопрос, при чём тут Кишинёв, если они из Одессы, многоликий Геринон на голубом глазу просветил: «Потому что самая красивая девушка Одессы – моя жена!». После чего гости встали и дружно провалили явку. Было далеко за полночь, транспорт уже не ходил. Пришлось почти час чапать через «страду Флорилор». В этот час и прозвучала Полинина фраза, которая врезалась в Викину память: «Теперь ясно, кто доконал профессора Плейшнера: молдаване!». Спорно, конечно, присутствие молдаван на Цветочной улице Берна, но чего не бывает! Тем более что вскоре две «самые красивые» одесситки Кишинёва

благополучно пили коньяк на бывшей улице 28-го июня.

Прошло почти двадцать лет. Вода утекла... Впрочем, ответ Анатоля на их вопрос, ответ, пожалуй, был бы так широк, что не влез бы ни в одни ворота. Как не влезло и то, что в дальнейшем последовало за отголоском тех давних событий. Поскольку из угла подсобки в посетителя всматривалась ещё одна пара глаз. Отрешённо и холодно. Как Судьба.

– В чём секрет твоего спокойствия?

– В полном принятии неизбежного, – сказал Мастер.

М. Булгаков.

Хотя не так уж и бесстрастно пялилась на Батагайса Ксюха. И Булгакова она не читала. Она и вообще никогда не читала. И при всём своём уважении к печатному слову пробавлялась исключительно сказками. И то в детстве. И то только про Ивана-дурака. И то, потому что именно Иван-дурак казался ей апологетом особой сказочной стратегии, исходящей не из стандартных постулатов практического разума, а опирающейся на поиск собственных решений, часто противоречащих здравому смыслу. Противоречащих, но приносящих успех. В конечном счёте, разумеется.

Это примерно то, что шевелилось сейчас в немного узколобой головке Ксюши, если переложить его на переводимый язык литературы. Поскольку сама Ксюша к по-

добным пируэтам склонности не имела и в случае надобности обходилась привычным набором фразеологизмов своей среды. Тем более что стоило ей взглянуть на себя трезво, сразу хотелось выпить. Чему и способствовал её гипно-криминальный Санитар, которого она полюбила за аистинные ноги и не вполне приличные анекдоты. Впрочем, мы отступили от одного из главных законов мироздания: случайность есть непонятая закономерность. Благодаря ей в душе Немезиды и возгорелось пламя. И, сокрушив препятствие в виде бамбуковой ширмы, отделявший офис от подсобки, побудило к мести. А ради мести люди идут на всё. Например, худеют. Или наоборот. Бывает, становятся эстетами и трындят о том, что хорошо, а что плохо (будто получили на то особый мандат). Насчёт «хорошо-плохо» Ксюха не задумывалась, она выросла в приюте, где подобного рода мудрёности были не в чести. Но, как девочка от природы впечатлительная, имела слабость ко всему изящному. Например, к золотому «Паркеру», который когда-то увела у одного задремавшего клиента. Именно при взгляде на такой же, в памяти её и возник нос, как бы вышмыгнувший из плоских щёк. И лист формата А-4, собственноручно заверенный угловатой подписью. Золотое перо, скрепившее эту концессию, обещало предоставить Ксюхе частную работу в Измире (Республика Турция) с еженедельной оплатой в 400 лир. Шутка ли? Дома она и сотки в месяц не зарабатывала, а тут целых 400 в неделю!

«А что надо делать?» – полюбопытствовала тогда русая девочка Ксюша.

«Да ничего особенного, – шмыгнул носом Батагайс. – Почистишь, подраишь. Стирка, глажка – всё как везде. Только дороже».

И, вручив паспорт достойному благодетелю на той же «страде Флорилор», Ксения Литуш рванула за море. Поскольку за морем телушка – полушка. Но оказалось: рубль – перевоз. Кто много хочет, мало получит. И с тех пор её уделом стала комнатка с мутноватым зеркалом, продавленная кровать и отчаянно-горячее солнце сквозь оконце в потолке под звуки азана. И чресла, чресла, чресла... И животы-усы в качестве альтернативы. И никаких денег, никаких праздников и выходных... И без паспорта не сбежишь.

Так бы и затерялись Ксюхины следы, если бы не земляк – морячок сухогруза, зачистивший к ней на всё время стоянки.

Он приходил каждый день. И молча ждал, пока, сбрасывая с себя одежонку, юркнет она под простыню, готовая отоварить всем, что от неё потребуют. Потом он долго курил, поглаживая её волосы, и о чём-то думал. А иногда пел. Про всякое непонятное. Например, такое:

*Полюбил за пепельные косы,
Алых губ нетронутый коралл,
В честь которых пьяные матросы
Поднимали не один бокал...*

Или:

Молодая, с чувственным оскалом,

Я с тобой не нежен и не груб.

Расскажи мне, скольких ты ласкала,

Сколько рук ты помнишь,

Сколько губ.

Он пел и смотрел на неё так, что, смущаясь, Ксюха разглядывала свои губки в зеркальце и прислушивалась, как в сердце клювиком постукивает росток надежды: «Это же он обо мне... Это же всё про меня...».

Ксюша действительно была трогательно хороша – издали она напоминала выходящую из волн Дубравку. Или Снегурочку из старой-старой «Весенней Сказки». Снегурочку, в которую влюбился Мизгирь. Но это издали. Вблизи же очарование терялось: Ксюхины глаза и лоб почему-то уменьшались и наливались землистостью, нос преломлялся... И всё равно. Если бы родилась не в семье райцентровских алкашей да была чуть повыше ростом... И однажды морской Мизгирь вышиб стекло, закинул Ксюшу с закорок прямо на крышу и увёз в трюме своего сухогруза.

*

– Гад ползучий! Чтоб ты сдох, скотина! – встряхнул тишину кабинета Всезнанского отчаянный девичий вопль. – Попомнишь меня, короста! – И на мониторе камеры слежения обозначился выкинутый кулачишко с дешёвым колечком турецкого золота. Правда, «гад ползучий» его не увидел. Как по причине захлопнувшейся минутой раньше двери, не услышал и пожеланий в свой адрес. Капитан Всезнанский зевнул. Он был в курсе Ксюхиной истории. Скучнятина. Как и все они у продажных девок.

Не любил их Всезнанский. При его потенциале и амбициях было бы даже обидно схлёстываться с подобной нечистью. Это дело нижних чинов. Но вот пришлось, как это ни доСАДно. Потому что теперь, когда под незримой крышей Карантина Карантиныча он, Серёга Всезнанский, имел знатную долю с «Турецкого потока», не пристало ему терять отношений с командой ушло-го турка. В любой работе были свои плюсы и минусы. В той, которой занимался Всезнанский, плюсов было больше. Но так уж карта легла. Не засветись морячок с той шлюхой, не лишился бы Всезнанский хорошего осведомителя. А без утраты осведомителя, не пошли бы тем же путём ещё десятка два таких же глупых тёлочек. Кроме того, не переполоши вся эта кутерьма торгашей

живым товаром, знать бы не знали те Синдбад с Немезидой о Царском Селе, где их укрыла ещё одна шестёрка из службы Всезнанского – Светлана Переляк, дочь Катерины Петровны, которая и хлеб-то ела исключительно за спасение подобных лахудр. Где бы уж гнили кости беглецов, не укрой она их белыми халатами служителей Гигейи!

Чуть раньше с помощью хакеров «Шкафандра» Всезнанский скучающе прощёлкал несколько файлов под грифом «совершенно секретно». Тех, к которым его звание допуска не давало. И замер. С экрана смотрел на него Чёрный Стэн, корпулентный господин располагающей внешности, которого он знал ещё со своего первого класса, как Стасика Чёрного, легенду и гордость своей школы. «Дети, вы должны хорошо учиться, чтобы стать, как наш Стасик!» – призывали бесконечные безликие Марьи-Ивановны. Его фото вовсю висело на школьной доске почёта: какой-то юниорский чемпион страны.

«Репутация – это маска, которую приходится носить точно так же, как брюки или пиджак, – цитировал Стас, смахивая невидимую пылинку с куропатчатого своего пиджака, и ядрёные девицы из-под «Красной» замороженно следили за каждым его движением. – Если ты купил неспелые бананы, то к моменту созревания их уже не останется. Если ты купил их спелыми, они испортятся ещё до того, как их съешь. Вывод: купи ТРИ банана и съешь их, пока им ничего не грозит!».

«Три банана, три банана...» – мурлыкнул себе под нос Всезнанский. Такая неожиданная трансформация Стасика в Стэны вызвала бы тогда оторопь недоумения. Любимец всех учителей, чемпион Украины по тяжёлой атлетике среди юниоров. Крутоплечий и твердолобый, он способен был отправить в нокаут одной левой. В школьных олимпиадах побеждал. В шахматы выигрывал. Доктором Сократесом (не Сократом) восхищался. Был Стас из семьи военных, жил возле самого моря, с окнами на сиреневатую даль, в сигаретных вспышках проходящих судов. С красным дипломом закончил строительный институт и чуть даже не стал лауреатом какого-то престижного конкурса на проект подземного торгового центра. И вот – подумать только! Проект зарубили, из спорта выжили – подсуетились нахрапистые серости, кои и правят миром. И пошёл, пошёл, пошёл Стас другим путём и вышел в Стэны – бригадиры сутенёров. Батагайс-то выше посредника не поднялся. А пан Чёрный сегодня управляет всем живым товаром Черноморья. Да ещё под грифом «совершенно секретно», что вообще наводит на тошнотворные выводы. Только что Серёге тот гриф, если он, Серёга, под крылом самого Карантина Карантиныча?

...Вот и нашёл Всезнанский того гада, что стоял тогда за трансформацией его зазнобы – той, которая теперь перековывалась в их Саду. Вытянуть это подлое имя из неё тогда так и не удалось...

Для большинства людей школьные годы несут в себе тёплую волну дежавю. И только в его, Серёгиной, работе чуть ли не с песочницы обнажалась та убогая и циничная правда, которую ему знать и не хотелось бы, но приходилось. Верить в миражи смысла не было – они лопались с неизбежностью мыльных пузырей. И, любуясь радугой на боках их сверкающих сфер, Всезнанский не мог взять в толк, по какой причине одни из них жили дольше, а другие угасали сразу. Он даже в детстве не мог уловить ту крохотную долю секунды, когда выдуваемое им чудо вдруг пересекало некую невидимую грань, навсегда сливаясь с пустотой. И зачем было столько красок? И для чего был тот сияющий пилотаж над унылыми лужами?

Нет, не питал Всезнанский к людям ни расположения, ни сочувствия. С дорог, что привели его в Службу безопасности, он вынес такое количество человеческого брака, что давно уже интерес его возбуждали лишь собственные цели. Но какие, теперь он и сам не знал. Посмотреть мир? Кое-что уже видел – и что? Влюбиться? В кого и зачем? Чтобы потом наблюдать, как сходит позолота? Или насильно удерживать в себе треснувшую по швам иллюзию? Каждый на первый взгляд вполне приличный господин, как и вполне себе ухоженная леди, за сиюминутную выгоду способны проявить себя самым постыдным образом. Хлеб с чёрной икрой открывал любой рот,

а из множества нулей складывалась цепь, которой все и были повязаны. Одни ценили себя дорого, другие снижали цену до пустяковой услуги. Ах, как мелко тряслись щёчки у комсорга школы, когда в праздничной колонне он гордо вышивал с Красным Знаменем в руках! Как все умилялись, глядя на него, такого ладного и патриотичного! Но уже тогда губы подготовишки Всезнанского кривились в усмешке. Мы время не выбираем – мы сами время. Совсем скоро Костики-Стасики-Вадики всё с тем же пылом и тряской щёк клеймили то, что раньше так рьяно отстаивали. Купить любого сегодня и вовсе труда не составляло.

КОГДА ФРЕЙД УТВЕРЖДАЛ, ЧТО МИРОМ ПРАВЯТ ДЕНЬГИ, ВЛАСТЬ И СЕКС, МНОГИЕ УМЫ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ПЫТАЛИСЬ С НИМ НЕ СОГЛАШАТЬСЯ. СЕГОДНЯ НЕ СОГЛАСИТЬСЯ С ЭТИМ БЫЛО ГЛУПО.

И готовя доклад начальству, и давая команду группе захвата, капитан Всезнанский мстительно хмыкал.

Взяли Станислава Чёрного вместе с его файлами и учётными книгами, по которым просчитали цепочку дальше. Взяли и Анатолия Батагайса. Нижний Гамма-этаж чужаловского погребца заполнили новые головы в гамме ля минор. Под «Трагическую» симфонию Густава Малера сутенёров размещали не в футлярах – их подвешивали, как сталагмиты, вниз головой. На это добро Голкиперенко лично наложил добро и из безразличности

укатил очищаться на Красное море. Теперь за честь вернуться из сталактитов в сталагмиты, сутенёры наперегонки сдавали друг друга, предоставляя Серёге все необходимые улики, которые в любой другой ситуации были бы недоступны. Не прошло и недели, как нижний этаж Сада полным составом был переведён в официальный следственный изолятор. Так Карантин Карантинovich обезвредил своего главного конкурента. Так что какие-никакие серьёзные всходы Сад всё-таки дал.

*

Сколько раз, натываясь на грабли, человечество твердило: не верь началу, а верь концу. Но ведь есть серьёзное, а есть важное. «Зри в корень!». Серьёзности событиям придаёт разум, а важности – сердце. А оно, случается, и разум затмит. К маю в качестве свидетельницы по делу Батагайса приехала из Польши Света Переляк, дочь Катерины Петровны. Заскочила сначала к отцу на Якорную, потом – домой, на Якутскую.

– Как там папаня? – без особого интереса спросила Катерина Петровна.

– Пьёт, – лаконично ответила дочь. – Жаль, «Гонимед» закрылся. Неплохо там лечили пьющий элемент. А что там теперь?

Катерина Петровна не думала посвящать дочь в тайну Сада. Но Светлана задала ещё один наводящий вопрос:

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

– А как та алкашка поживает, которую я тебе присылала? Ксюха, кажется?

– Ничего, – удивилась Катерина Петровна тому, что Светка Ксюху ещё помнит. – Не пьёт. Ходит к психологу.

– К тебе, что ли? Это ты о себе в третьем лице? Мы, Николай Второй?

– Да не ко мне. К Заплаткиной, помнишь? Вы ещё в пятом классе из-за какого-то сопляка поцапались. Так она теперь тоже психолог. И тоже Светлана Александровна! Не абы как.

И неожиданно для себя Катерина Петровна выложила дочери и про Сад, и про Шкафандр, не забыв приплюсовать свою любимую, но такую скучную и ничем не примечательную историю заплаткинского брака.

– Есть всё же справедливость! – оживилась дочь. – Всё-таки получила сдачи Заплатка! Ты же и не знала нашу детскую трагедию: после шестого класса в нашей школе расформировали «Г»-класс, а его учеников разбросали по остальным классам. Но ге есть ге. И попали оттуда в наш «А» две подружки – не разлей вода, Юлия Громлер и Светка Цебрик.

– Ещё одна Светка? Когда мы с папой тебе имя выбирали, думали, в честь «Светланы» Жуковского... или Светония. Романтика, свечка, кони, люди. А их как собак нерезаных.

– У нас полкласса Светок было. Раньше церковь детей по святцам именовала, а теперь каждый сам себе режиссёр. И пошли в мир армии Танек, Ирок и Светок. И ведь всех называли с благими намерениями – то в честь пушкинской Татьяны, то в честь Светланы Фабрикант. Ну, короче. Появилась Цебрик, и Заплатак переметнулась! Я даже не поняла, почему. Цебрик – она же страшко. Глазёнки с лупой искать надо, а утиный нос – наоборот, в пол-лица. Крепыш-недомерок. И не спишешь у неё: с тройки на четвёрку перебивалась. И старшего брата у неё тоже не было.

– Старшего брата? – опешила Катерина Петровна – При чём брат?

– Недебильный старший брат – лучшее, что может дать человеку судьба. Это лотерейный выигрыш. Ниссякаемый источник защиты, друзей, а для девушки – и кавалеров. Счастливый билет на всю жизнь.

– А... если дебильный?

– Ну, тогда наоборот. Читай Катаева и поймёшь. Про сестру друга.

– «Трёх толстяков», что ли?

– ...Можно и двух. Так вот, переметнулась Заплатак к Страшко. А дружили мы с 4-го класса. Я её даже защищала, когда ей бойкот объявляли.

– За что?

– За подлость, как я теперь понимаю. Что-то наябничала учихе физры, кого-то подставила. А я, дура,

вписалась. Ну так вот. Отправились мы тем летом на чеснок – тогда как раз школьников последний год в колхоз посылали. «Пахали» мы бригадами по трое. Меня определили с Юлей и Танькой, обе из бывшего «Г». Но Танька зависала с одним пацаном, и мы с Юлей лазили по грядкам вдвоём. И вот за эту неделю она мне всё и рассказала. Они со «страшко» дружили чуть не с рождения, с роддома. В яслях вместе, в детском садике, в школу вместе пошли. И вдруг – нож в спину. «А ведь никто не умеет так дружить, как Юля», – повторяла Юля и рыдала в чеснок.

– Ну, тогда она не Юля, а Уля, – развеселилась Катерина Петровна. – Настоящие Юли сдают друзей на раз. Не колеблясь.

– Тебе смешно? – удивилась дочь.

– Смешно, ей-богу, – Катерина Петровна вспомнила и своего незадачливого, тоже когда-то осточертевшего Саньку. – Все мы кого-то теряем, кого-то находим – мало ли что в пятом классе было! Надоела Цебрику твоя Ульяна Громова, и всего делов. Жизнь-то вперёд идёт.

– Было бы смешно, если бы для Юли это не стало крушением всей её жизненной вселенной. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Она вон до сих пор живёт в той же девятиэтажке возле школы. Замужем не была и детей нет. Не из-за этой ли смешной истории? За это Страшкам и Заплатам самое бы место в вашем Саду. Чтобы дальше поганые гены не распространяли! –

Светка погуглила одноклассницу. С фото задумчиво смотрели мягкие бархатные глаза. Катерина Петровна придирчиво разглядывала снимок и не находила никакой связи между школьными страстями и садовым возмездием.

– Светка это сделала, – продолжала Светка, – чтобы разбить нас с её братом. Он ей не родной, а какой-то единоутробный, от маминого первого брака. Я перестала бывать у них дома, а отчим Стасика не выпускал. У него же спортивный режим, и ещё он шёл на золотую медаль. Так любовь и заглохла. Мы, конечно, побегали друг к дружке, но дети есть дети, да и учились в разные смены в разных школах. И встретились уже только через сто лет в Польше. Там и выяснили, что ни я, ни он так больше ни в кого и не влюбились. Да, глупое детство, – пожалала плечами Светлана. – Сама не знаю, почему не забыла. Может, потому что именно детство – и есть настоящая жизнь, свободная от ига гормонов, когда абсолютно всё важно и всё имеет значение. Единственное, пожалуй, время, ради которого стоит жить. Как видишь, Юле так и не удалось из него вырасти. А, может, и всем нам тоже?..

«Ну и ну! – размышляла Катерина Петровна. – Какая там у сопляков любовь? Чушь полная. Хотя и предательство не имеет ни пола, ни возраста. Как не имеет их и время на часах. Выбило из-под ног землю – и... То-то Светка в Польше зависла – может потому, что там хотя бы всё ясно, всё чётко: «товар – деньги – товар...».

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

– Теперь понимаешь, что ваши наказания виновных (или которые вам кажутся таковыми) могут иметь ложные побудительные мотивы? Любовь имитировать можно, а доброту нельзя. Вот она, бедняжка Заплатка – ай-яй-яй, как нехорошо с ней обошлись. А я бы пожалала Кишканю руку. Ведь она и его увела у кого-то! И чему может научить такой психолог? Разбивать чужие миры? Людские законы ложны: не известна человекам вся истинная подоплёка.

*

Трах-тарарах... словно сон, раскололось что-то внутри и снаружи. И вместе с мудрёным замыслом Автора, мельтеша цитатами Карантин Карантинича и розочками на штанах Алисы Борисовны, рассыпалось в прах. И о чём оно было, и куда вела эта странная авторская задумка, осталось непонятым. А ведь сплелась из этой конструкции жизнь. Тоже странная. Запутанная. Хотя и, по сути, не стоящая выеденного яйца...

*Всё это умещается в моём саду.
Всё это и есть мой сад.
И может стать твоим. [...]
Будет ли тебе уютно в моём саду,
дорогой читатель?..*

Л. Шарга

Что-то опять взвыло, потрянув породу так, что Измаил еле удержался на ногах. Какие-то толстые волосатые змеи (или исполинские корни?) взломали каменную кладку стен и, нащупывая дорогу дальше, потянулись вниз к земле. Правая рука Измаила сама осенила его крестным знамением, хоть и не был он христианином. Невольно вспомнилась знаменитая «Кольская сверхглубокая». Эту скважину бурили возле мурманского города Заполярный с 1970 года, меняя углы бурения после каждой из бесконечных аварий. И на глубине четырнадцати километров наткнулись на обширные пустоты. Когда бурильщики спустили туда сверхчувствительные микрофоны, то внезапно услышали такой душераздирающий вой, мужской и женский, что побросали буры и дали дёру. И долго потом к этому месту не подходили. Аварии позже объяснили тем, что скважина дошла до настоящего Ада. Он в отместку и развалил страну не смотря на то, что после последней аварии в 1990-м бурение всё-таки прекратили. А потом проект и вовсе закрыли... Что оно было? Чей замысел? Для чего?..

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Когда утром капитан Всезнанский явился в подвал, он застал там то, что в шутку бы назвали «абсолютный ноль по Кельвину». Или приколом Главного Конструктора. Или кодограммой Гроссмейстера. Хотя, конечно, проще бы вспомнить бессмертный афоризм ехидины Ежи Леца: «Мир без психопатов был бы ненормален». Вместо ещё вчера цветущего Сада, взору капитана предстали лишь разбитые горшки с долларовыми деревьями. И неведомо откуда взявшийся, уходящий в небо ствол. Боб из сказки? Сергей брезгливо обошёл отвратного вида студенистую массу какого-то варева. Распахнутую створку окна раскачивал ветер, а рассыпанные по полу фотографии и позвякивающие в перевёрнутых футлярах трубки поилок свидетельствовали о спешной эвакуации всего «подопытного народонаселения».

...все мы –

*В сей комнате Эймса – невидимы, слепы и немы,
Попарно – одни Терминаторы и Маргариты,
И если здесь пегая ночь, то где мы в ней сокрыты...*

С. Главацкий

Что вызвало панику? И почему? Да и была ли вся эта кутерьма с Мистером Баблосом? Или вчера, по случаю получения звёздочки, просто перепил и приснилось? Но... Приказ о присвоении, вроде как, висел-таки в коридоре Конторы – сегодня утром Всезнанский самолич-

но перечитал его. «Но ясненько одно: пора закрывать «Дело якутов», – шепнул ему осторожный внутренний голос.

«Ну что ж, так даже лучше», – пробормотал свежеспечённый капитан, разворачиваясь к выходу. Теперь его занимали только две вещи: получили ли фигуранты суммы, причитающиеся им за каждый день эксперимента, и что стало с содержимым банковских ячеек. Ведь полагавшиеся садовым головам цифры выросли со скромных 08,08\$ в день до 7% от прибыли, то есть в разы. Почему именно 7? Не многовато ли? Сначала-то хотели 3% (по адресу 1/29), потом 4% (по 1/30). Это уж Катерина Петровна настояла на сумме почтового индекса: 65122, что совпало с вибрациями Сада: числом Сатурна. Львиная доля этих доходов была пущена на закупки с месторождений Аллах-Юня. Чистейшей прелести эти образцы тоже хранились в ячейках Порто-Франко.

«Писатель невольно творит по образу и подобию судьбы, – скользнул Всезнанский по листку, прищипленному к дверце «Ариады». – Все концы всегда спешны, сжаты и оборваны... Если похвалите – я не поверю. Если скажете правду, мне будет больно. Лучше давайте-ка разойдёмся...»¹.

¹ Надежда Лохвицкая.

Для справки:

«До предъявления обвинения, согласно 1 ст. 208 УПК Украины, уполномоченное должностное лицо имеет право задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, на срок до 72 часов. Однако собственник жилого домовладения, переквалифицированного в место преступления, гражданин Чужало А.Ф. с супругой последние месяцы – с 19-го августа предшествующего года по 9-е мая года текущего – в Украине отсутствовали, так как пребывали на территории Европейского Союза. Также следствию препятствует путаница с адресом домовладения. Так как сведения об адресе или местоположении вносятся в орган учёта в строгом соответствии с представленным документом, для изменения кадастровых сведений об адресе земельного участка в орган кадастрового учёта необходимо предоставить документ, подтверждающий присвоение именно этого адреса. Однако на адрес «Одесса-122, улица Отважных, дом 1 дробь 29» в органе учёта зарегистрированы два домовладения. Правообладатель первого из них ясности не внёс, так как направил правоохранительные органы по матушке. Занимающий по договору аренды второе зарегистрированное домовладение гражданин Турции Рамазаноглу Гирей с супругой, гражданкой США Гирей-Солдатовой Л.В. и его соарендатор гражданин Социалистической Республики Вьетнам Тон Дык Чук с семьёй и

домашним штатом беспрепятственно покинули территорию Украины на собственных самолётах в неустановленном направлении ещё до того, как их объявили в республиканский розыск. Официально трудоустроенная по этому же адресу гражданка Украины Хуторецкая-Эндюк А.Б. выехала в сопредельное государство по месту жительства законного супруга Эндюка-Хуторецкого А.А. сразу после заключения брака по возвращении из Мальдивской Республики. Экстрадиция встанет себе дороже. Лидер же этой организованной преступной группировки некто Эймс вообще неизвестно какого подданства. О нём в материалах следствия не содержится никаких сведений. Скрылось от правосудия также и неустановленное лицо по кличке Якут. Следствие предполагает, что под этой кличкой скрывается бежавший накануне из-под стражи гражданин Батагайс, задержанный совсем по другому делу. По недостоверным сведениям, вышеназванные граждане также бежали на территорию соседней непризнанной республики».

Привлечь к ответственности удалось лишь местного участкового, майора Овидиопольского УВД Николая Чубока. Он единственный и содержался на данный момент в изоляторе временного содержания СБУ по этому делу. Ему и предъявили обвинение в подрывной деятельности, похищении и противозаконном удержании.

Эпилог № 1

*Светло в хате, чисто в хате;
Вышла баба из трубы,
Набрала воды в ушате,
Загадала на бобы.*

Н.А. Некрасов

– Прошу, – официантка поставила перед постоянной клиенткой фаршированные жемчужной фасолью перцы. – А вы, Прокопыч, присоединяйтесь! – И отошла к яйцеголовому клиенту в чёрных очках, маске и майке с надписью 8X-L. Он был так погружён в созерцание крохотной золотой книги, наполовину утопленной в цветке из белой яшмы, что на официантку даже глаз не поднял. Его рука машинально рисовала на салфетке что-то вроде котоулиток.

Раньше одесское кафе «Царское село» посещала лишь местная алкашня. Но после шума с «Делом якутов» её как ветром сдуло – Царское Село наводнили правоохранительные и карательные органы. Интерпол. Потом журналисты. А теперь каждую вторую среду здесь кучковались одесские словесники, некоторые – с мониторов видеоконференций. Карантин же всё ещё. Самоизоляция.

– Чего желаете, Михаил Евгеньевич? – подобострастно чиркнула в блокнотце официантка. – Как всегда, The Best?

Она хорошо знала литературное меню – даже смена-ми менялась, чтобы лично обслуживать по средам своих ясных солнышек.

– Как всегда, – без обычной улыбки уронил самый влиятельный из присутствующих литераторов. Михаил Евгеньевич слыл главным авторитетом в литературной среде Одессы и первым успевал прочитать даже то, что ещё не написано.

Вспыхнул монитор. И внимание зала переключил на себя ржавый, как заброшенные латы несбывшегося рыцаря, грузный господин. Он обвёл глазами присутствующих и, заметив Купыря, недовольно буркнул: «О! Тоже мне – Ильф-Петров... Не давать!».

– А не нравятся мне ваши пробы пера! – Михаил Евгеньевич выразительно оглядел пишущую машинку Купыря. – Ни Ваши, ни вашей Соколовой.

Купырь нехотя поднял над кареткой игольчатый лоб.

– Опять не так? Ну Вам, Михаил Евгеньевич, не угодишь!.. Отчего же в этот раз не нравится?

– Вот не нравятся и всё. Предсказуемо. Удручает количество прописных истин. Да и героини симпатии не вызывают.

Купырь равнодушно пожал плечами, типа «не при-выкать».

– И почему у вас ни ваш Броня, ни Манька так и не заговорили? – пригубил Михаил Евгеньевич бокал янтарного «Камю». – Я всё ждал и ждал.

– Да! – созерцая его спину, заинтересовался и сидевший рядом луноликий Аладдин лет этак пятидесяти (или больше?) с восточной негой в узковатых глазах. Именно он доставил сюда Михаила Евгеньевича на своей «буга-гатти». – Сколько же ждать?

– А они у меня должны говорить? – удивился Купырь, ставя на стойку опустошённый стакан и возвращаясь к запропавшему в печатную машинку листу. – Я же не сумасшедший.

– А вот у вашей Соколовой я читал, как улитка разговаривала, – Михаил Евгеньевич насмешливо изучал Прокопыча на фоне пучеглазой Ванькиной морды в аквариуме. – И кот ещё. Или два кота. Или три.

– Ну и на какие мысли это Вас навело?

– Ой, да молча-а-ал бы, – огрызнулся Броня, дожжевывая своего муравья и поворачиваясь к Купырю чешуйчатым хвостом. – Завидно тебе просто.

Пару минут в кафе висела тишина. Такая плотная, будто кто-то щёлкнул тумблером и выключил все звуки. И даже цвета. Глядя друг на друга, присутствующие пытались осмыслить – может, померещилось? Карантин всё же. Самоизоляция. А в изоляции и не такое привидится.

– Я надеюсь, – первым нарушил молчание Луноликий, – ваша Соколова, наконец, пишет сама, не в тандеме? А то что-то не того мне её тандем... Всё портит.

– Если она напишет сама, – с неожиданной злостью прошипел Купырь, – то перепутает Испанию с Португалией, Фигу с фигурантом и Совиньон с Царским Селом. И уж непременно Лени Рифеншталь с Лёней-«куплю жене сапоги». Так что нечего-нечего. Ничего там никто не портит.

– А я считаю, что портит, – проснулся в углу укрытый серебряной бородой ещё один местный классик, угрюмый маленький старичок в шортах и с клюкой. В меру сил и он бросал вызов самоизоляции. – Абстракционизм его в качель. Воллонтаризм, якорный бабай. Тьфу...

– Да не в том дело, – смягчился Михаил Евгеньевич. – Оно даже забавно, хоть и скелет. Но вот, например, при чём в названии Ариадна? И где тогда Тесей?

– Зато, пардон, Вакха там даже лишку, – кивнул Купырь на свой стакан. – Хотя, думаю, Ариадной надо было Маньку назвать.

– Так Вы же сами своим персонажам имена давали.

– Абсолютно не я. Акулу поименовывал Андрей Фёдорович.

– А Андрея Фёдоровича кто придумал?

– А его и придумывать не надо, – бросил Купырь раздражённый взгляд в окно. И мрачно замолчал.

– Подумать только! – вдруг повернулся Михаил Евгеньевич к телевизору. В прямом эфире транслировали вынос из константинопольской Айи-Софии мусульман-

ских «святых» и реставрацию православных фресок. – Надо же! Таки хватило энергий... – загадочно прокомментировал он. – Ну, хоть на пользу пошло. Вот только там ещё работы и работы. Пока это лишь скелет прежней Софии.

– Да чего это Вам везде скелеты мерещатся?

– Все мои скелеты – в шкафу, – скаламбурил мэтр, иронично кланяясь. Он один из немногих в Одессе обладал безукоризненными манерами выпускника Оксфорда или Гарварда, хотя закончил вовсе даже ОПИ. А про шкаф и сбор садовых энергий оказался раньше всех в курсе просто потому, что одна из «садюг» время от времени посещала его «Волшебные фонари».

– *The best!* Приятного аппетита! – официантка почтительно водрузила аппетитную сковородочку с эскарго перед Михаилом Евгеньевичем.

Положив на колени белоснежную салфетку, вип-клиент удовлетворённо кивнул и взялся за маленький трезубец и дольку лимона. В этот момент вышеупомянутый, не известный никому яйцеголовый человек в 8X-L и чёрных очках щёлкнул медальоном и встал – не надо ему знать скрытое внутри книги тайное имя. Он и так уже бессмертен. Направившись, было, к выходу, он вдруг остановился:

– Танёк? Ты-то как тут? Что, не помогли тебе твои крюки и верёвки?

– Как раз помогли, – официантка кивнула на белешкий в синей глади «Semiskewer» (почти screwdriver). – Недавно из Барселоны. Вот опрощаюсь тут... каждую вторую среду. Да и от вас я теперь никуда!

X-L усмехнулся, свернул салфетку с котоулитками трубочкой и молча вышел. Котоулиток, что ли, на обложку книги вешать?

– Ого! – рассмотрев его, не на шутку разволновались письменники. – А этот откуда тут? Или просто похож?

– Да он и есть, – гордо вскинулась «Танёк». – У него тут недалеко бункер у моря. Там и пишет, там и живёт. К нам сюда редко заглядывает. Кстати, знаете его любимую присказку? «Но как вы задом не вертите, вы всё равно не Нефертити».

– Нигде у него такого не читали! – ещё больше настожились писатели. – Это он о ком? О Вас?

– При чём тут я? Подумайте, о ком он. И о чём.

Творцы изобразили задумчивость.

– Се-кун-доч-ку... А что это ещё за «ваша» Соколова? – словно проснувшись, милицейским тоном нарушила вдруг всеобщую думу Катерина Петровна. И оказалось, что пресловутая Соколова – это бывшая жена Купыря. Развелась и на радостях пишет очерки о говорящей фауне: воронах, скворцах, попугаях...

И тут уж Катерина Петровна взревновала так взревновала: «А-а-а! С *вот такой* так он в ЗАГС пошёл,

а со мной никак! И никак, и никак. Да ещё и пишет, оказывается, тандемчиком! Ну, блин же, задам я тебе тандемчиков!», – лихорадочно соображала Катерина Петровна. С большим трудом раздобыла через третьи руки «Зелёную Фею» соперницы. За ночь осилила. И на рассвете сделала предварительный вывод: главная книга жизни гаитянина Дюмака была кулинарной... А когда рассвело окончательно, пришла к выводу окончательному: смысл жизни – в иллюзии. Вернее, в том, чтобы привести в соответствие с ней свой мир. Опасны, опасны те, у кого отняли эту цацку! Ведь и успех, и счастье, любовь, революция, весна и сама жизнь – это всё самообман. В него и вбухивается большая часть сил. «Но пока жив твой самообман – жив и ты...». Философом оказалась Катерина Петровна!

Эпилог № 2/1

– Товарищ полковник, разрешите доложить: задание выполнено. Служу Отчеству!

– Благодарю за службу! За высокий профессионализм и качество вверенной вам работы я как руководитель операции представляю вас к правительственной награде и внеочередному воинскому званию, – объявила Светлана Ивановна и вырубил видеосвязь. И довольно потянулась. «Не тот Рим, что третий, а тот, что наш!».

Теперь и полковник Чужало могла надеяться на то, что её звёздочки смонтируются в одну, которую она добивалась давно и упорно.

В углу бунгало посапывал муж. За окном журчала под звёздами речка Бесос и синели Пиренеи. В коридоре стояли чемоданы. Вот теперь можно было и домой. И – за новые горизонты...

Эпилог № 2/2

– На счёт три открываем глаза, – тихо скомандовала психолог «Гономеда» Поплавская. – Два, два с половиной, два с четвертью...

Эпилог № 3

Купырь выдернул из розетки шнур, бросил в Ванькин аквариум улитку и снял, наконец, тяжёлые квадратные очки. Хлебнул минералки и вышел из комнаты виртуальной реальности даркнета. Ярко светило солнце. Болела голова. Действительность обрушилась на Купыря всем своим неприятным весом. Телевизор доводил до белого каления: который день по всем каналам шла навязчивая реклама нового кулинарного «шедевра» самопровозглашённой «второй Сю Эгер» – бывшей стюардессы Кэ Переляк «Все в сад» (с подзаголовком: «первым делом

первым делом самолёты, но своя рубашка ближе к телу») с рецептами концептуальных блюд, которыми потчевали фигурантов нашумевшего в Одессе «Дела якутов». Того самого, за которое какого-то полковника осыпали наградами, какого-то старлея произвели в капитаны, а вот майора, наоборот, разжаловали. Забавное такое дельце. Только оказалось оно всего лишь рекламной кампанией по раскрутке книги той самой Кэ Переляк. Перед презентацией в Золотом зале Литературного музея. Одна из телекомпаний, говорит, добивалась этого почти год. Однако продажи всё равно провалились. Несмотря на мощную информационную поддержку – никаких баснословных доходов она не принесла. Так, два-три покупателя «купились»: хочется ведь чего-нибудь почитать в самоизоляции. Особенно, если с пользой. Так что, как ни визуализировала, не проснулась Переляк миллионершей. Даже гривневой.

Купырь оглядел свою ригу и остатки участка, прикидывая, что бы продать. «Без литературных негров не обойтись, – неожиданно для самого себя думал он, – а они недешёвые. Только кто займётся продажей, ё-п-р-с-т?», – зло чертыхнулся Купырь. Потом подумал. Подумал ещё. Хмыкнул. Крякнул. И, яростно натянув наноскашемировый шарф, пригласил Катерину Петровну в ЗАГС. Откуда всё, наконец, и заверте...

Для рецептов

Для рецептов

Выборочные рецепты из книги Катерины Петровны.

САЛАТЫ

Салат «Мгновенный».

Состав:

Фасоль красная (в собственном соку) — I банка

Шампиньоны (порезанные) — I банка

Ржаные сухарики — I пачка

Майонез

Чёрный молотый перец

Фасоль и шампиньоны отцедить от жидкости и смешать с сухариками. Заправить майонезом, поперчить по вкусу и подать к столу.

Арабский фасолевый салат.

Состав:

Фасоль — 0,25 стакана

Морковь — I шт

сельдерей — I корень

Яблоко — I шт

Зелёный салат — 20 граммов

Горчица — I ч. ложка

Соль

Фасоль перебрать, промыть, положить в кипящую воду.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Варить до готовности, посолить. Морковь очистить, вымыть, отварить и нарезать кубиками. Сельдерей и яблоки нарезать соломкой. Салат измельчить. Соединить и перемешать овощи, добавить горчицу. Украсить дольками яблока, морковью.

СУПЫ

Чечевичный суп.

Состав:

Чечевица — I стакан

Фасоль красная (консервированная) — 5 ст. ложек

Шпинат — I пучок

Лук — I головка

Чеснок — 2 зубца

Топлёное масло — 3 ст. ложки

Вода/бульон — 6-7 стаканов

Томатная паста — I ст. ложка

тмин — 0,75 ч. ложки

кардамон — 2 коробочки

гвоздика — I шт

паприка — I ч. ложка

кинза измельчённая — I ст. ложка

соль

Шпинат порезать, посолить, через 20-30 минут отжать. Чечевицу перебрать и промыть. В сотейнике растопить масло, добавить мелко порезанный лук, чеснок и паприку, жарить около I минуты на сред-

ГАЛИНА СОКОЛОВА И ЭЛЛА МАЗЬКО

нем огне. Добавить чечевицу и томатную пасту. Готовить, помешивая, около 1 минуты. Добавить кипящую воду или бульон, вскипятить. Когда закипит — посолить и убавить огонь.

В марлю положить специи (гвоздику, тмин, кардамон), завязать, опустить в суп. Когда чечевица сварится, добавить фасоль и шпинат. Убрать мешочек со специями из супа, добавить кинзу, готовить около 2 минут.

Мерджимек чорбасы (турецкий чечевичный суп).

Состав:

Чечевица красная — 1 стакан

Лук репчатый — 2 шт

Морковь — 1 шт

Томатная паста — 2 ст. л

Паприка красная — 1 ч. л.

Мята сушёная 1 ч. л.

Растительное масло для жарки — 2 ст. л

Вода 4 1/2 стакана

Лимон — 1 долька, либо лимонный сок — 4 ст. ложки

Перец чили красный

Соль

Мелко нарезать или натереть на терке морковь и одну луковицу. Чечевицу промыть, залить 4 стаканами холодной воды, положить морковь и лук, и после закипания воды варить 15 минут на медленном огне с закрытой крышкой. Вторую луковицу

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

мелко нарезать и пассеровать на масле в сковороде. Перемешать с паприкой, мятой, солью. Добавить томатную пасту. Жарить 1-2 минуты. Влить полстакана воды и тушить 2-3 минуты. Полученную массу добавить к чечевице, досолить, варить ещё 4-6 минут. Подавать немедленно с перцем чили и долькой лимона, которую потом выжать в суп. Лимон можно заменить лимонным соком.

Диетический нутовый суп.

Состав:

Овощной бульон — 0,5 литра

Отварной нут — 400 граммов

Помидоры — 400 граммов

Сельдерей с листьями — 200 г стеблей

Свежий шпинат — 100 граммов

Чеснок — 2 зубца

Оливковое масло — 1 ст л

Корица молотая — 0,5 ч л

Куркума — 0,25 ч. л

Имбирь — 0,25 ч л

Соль

Перец

Стебли сельдерея отделить от листьев и мелко нарубить, протушить в сотейнике на оливковом масле до мягкости, добавить мелко нарезанный шпинат и тёртый чеснок, перемешать и прогреть 2-3 минуты. Помидоры очистить от кожуры, мелко нарубить,

ГАЛИНА СОКОЛОВА И ЭЛЛА МАЗЬКО

добавить в подготовленный бульон, довести до кипения, добавить нут. Варить 10 минут. Добавить в кастрюлю с супом тушёные овощи, измельчённые листья сельдерея, соль, перец и пряности, довести до кипения и сразу подавать на стол.

Арабский фасолевый суп с мясом и рисом.

Состав:

Мясо — 100 граммов

Вода — 2 стакана

Фасоль — 1\2 стакана

Рис — 1\3 стакана

Топлёное масло — 2 ст. ложки

Томат-пюре — 3 ст. ложки

Репчатый лук — 2 головки

Чеснок — 3 зубца

Мясо нарезать крупными кусками и промыть. Обжарить без жира, залить холодной водой и варить до готовности. Бульон процедить и положить в него промытую не замоченную фасоль, довести до полуготовности. Засыпать подготовленный рис, добавить слегка обжаренный томат-пюре с луком, посолить и довести до готовности. Перед подачей на стол добавить измельчённый чеснок, специи и зелень.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Суп гороховый с мясом.

Состав:

Горох — 2 ст. ложки

Готовый мясной бульон — 2 стакана

Вермишель — 2 ст. ложки

Картофель — 2 средних клубня

Топлёное масло — I ст. ложка

Репчатый лук — I головка

Пшеничная мука — I ст. ложка

Чеснок — 3 головки

Зелень

Соль

В мясной бульон положить промытый целый горох и варить до готовности, после чего всыпать вермишель и картофель. Посолить. Когда бульон закипит, добавить пассерованный лук с томатом и специи. При подаче на стол добавить мелко нарезанный чеснок и зелень.

Азербайджанский суп пити.

Состав:

Баранина 250 граммов

Вода — 2 стакана

Нут (либо горох) — I ст. ложка

Курдючный жир — 30 граммов

Репчатый лук — 2 головки

Картофель — I шт

Алыча, свежая или сушёная — I ст. ложка

ГАЛИНА СОКОЛОВА И ЭЛЛА МАЗЬКО

Настой шафрана — 0,5 ч. ложка (либо 2 свежих помидора, либо 2 ст. ложки томат-пюре)

Сушёная мята, перец, соль

Настой шафрана: на 1 кг шафрана — полтора литра воды, заварить как чай.

Горох нут замочить в холодной воде на 4–5 часов. Мясо промыть и нарезать на порционные куски, добавить нут и сложить в глиняный горшок, залить водой и варить на слабом огне. Периодически снимать пену. Промыть алычу, очистить картофель. За 20 минут до готовности положить целиком очищенный картофель и промытую алычу. Посолить.

Лук очистить и нарезать дольками. К закипевшему бульону добавить нарезанный дольками репчатый лук. Бульон должен быть прозрачным, с лёгким желтоватым оттенком и ароматным запахом. За 10 минут до готовности добавить мелко нарубленный жир, специи, крепкий водный раствор шафрана (томат-пюре).

Пити следует подавать в той же посуде, в которой он готовился. При подаче на стол посыпать толченой сушеной мятой, отдельно подать очищенные головки репчатого лука и сумах.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Аргентинский фасолевый суп

Состав:

Куриный бульон — 2 л

Белая фасоль — 1 стакан

Томатный сок — 2 стакана

Бекон — 150 гр

Небольшая красная луковица — 1 шт

Морковь — 2 шт

Сельдерей — 2 стебля

Томатная паста — 2 ст ложки

Паприка, орегано, чабрец, молотый чёрный перец — по 0,5 ч л

Чили — 1 ст ложка

Соль — 1 ч л

Фасоль промыть и замочить на 8 часов. Куриный бульон довести до кипения, добавить фасоль, варить до готовности 1,5–2 ч. Добавить томатный сок.

Бекон нарезать кубиками, обжарить до хрустящей корочки. Измельчить лук, чеснок, сельдерей и морковь, обжарить до готовности. Удалить излишки жира, добавить в суп со специями и томатной пастой. Выдержать на медленном огне 10–15 минут. Подавать очень горячим.

ГАЛИНА СОКОЛОВА И ЭЛЛА МАЗЬКО

Перуанский суп с фрикадельками.

Состав:

Филе курицы — 200 г

Консервированная зелёная фасоль — 200 граммов

Консервированные грибы — 100 граммов

Сливки — I ст л

Яичный белок — I шт

Морковь — I шт

Луковица — 0,5 шт

Базилик, паприка, орегано, чабрец, белый молотый перец — по 0,25 ч ложки

Куриный бульон — I,5 л

Соль

Филе и лук пропустить через мясорубку дважды, добавить пряности, белок и сливки. Скатать маленькие шарики.

2 стакана бульона довести до кипения, добавить шарики, варить 10 минут, выложить на тарелку. Нарезать соломкой морковь. Оставшийся бульон довести до кипения, добавить морковь. Через 5-6 минут добавить фасоль и грибы, варить ещё 7-8 минут. Добавить фрикадельки и варить на медленном огне 2-3 минуты. Подавать очень горячим.

ТАЙНЫЕ КАСАНИЯ АРИАДЫ

Китайский острый суп с грибами.

Состав:

Свинина или курятина — 150 граммов

Тофу — 200 г

Бамбуковые побеги — 50 г

Сухие китайские грибы — 5-6 шт

Светлый соевый соус, рисовый уксус, сухой шерри — по I ст ложке

Куриный бульон — 500-600 мл

Кукурузная паста — I ст

Соль, перец

Грибы замочить, отжать, удалить твёрдые части ножек. Бульон довести до кипения. Тонко нарезать грибы, тофу, побеги и мясо и добавить в бульон. Варить 5-7 минут. Добавить уксус, шерри, специи, соевый соус и кукурузную пасту. Помешивая, варить на медленном огне 3-4 мин до загустения. Подавать сразу.

Египетская запеканка из разноцветной фасоли.

Состав:

Белая, чёрная, разноцветная фасоль — по 0,75 стакана

Баранина — 700 граммов

Копчёная колбаса — 350 граммов

Оливковое масло — 4-5 ст ложек

Говяжий бульон — 4 стакана

Густой томатный сок — I стакан

ГАЛИНА СОКОЛОВА И ЭЛЛА МАЗЬКО

Соус «Вучешир» — 1 ст ложка

Сухая горчица — 0,5 ч ложка

Луковица — 1 шт

Сахар — 3 ст ложки

Чёрный молотый перец, соль

Фасоль замочить на 8-10 часов, отварить до полуготовности. На оливковом масле обжарить банинну кусочками и колбасу кубиками, влить 2 стакана бульона, тушить до готовности, выложить в форму для запекания. К мясу добавить фасоль и остальные ингредиенты, влить оставшийся бульон. Запекать в духовке около часа при 180 градусах Цельсия. Выдержать 15 минут и подавать к столу.

ЛИШЬ ПОСЛЕ КАСАНИЙ

Плеяда романов, повестей и рассказов Галины Соколовой и Эллы Мазько продолжена. Bravo! Что на этот раз? Реализм или фантастика? Если придерживаться афоризма: «Такого не может быть, потому что не может быть никогда», тогда это плод воображения авторов. Но почему, собственно, воображения? Ведь время летит быстро, совершенствуются технологии и формы самовыражения, многие – методом Монте-Карло, втыка, или, если угодно, слепых касаний Ариадны в почти что глухом лабиринте. Кстати, Ариадны или Ариады? А догадайтесь сами! Да, пока ещё слаба надежда на отечественные холодильники, тяжеловато им сохранять даже вакцины от пандемийных хворей. Впрочем, дело не в морозильных камерах, а в извечном человеческом стремлении жить лучше. Потому-то в одном из городов постсоветского пространства, скажем, в Одессе, коммунизма-социализма и не построили. Хоть и обещал он всеобщее благоденствие. У кого-то душевно-психологическое, у кого-то – материально-физическое. А вот не построил – и всё тут! Слишком разные запросы. Что же делать? А делать надо деньги. Поскольку, в результате закона сохранения энергий, они и дают искомое: деньги – товар – деньги. Почти по Марксу! Ну чем не про-

образ определённой госсистемы? Комфортабельный концлагерь на основе древних методик – неплохая идея, пришедшая в головы героям повести! Когда дело КАСАЕТСЯ денег, стираются моральные, гендерные, этнические и прочие духовные ценности. И «турецкоподданный» мило якшается с коррумпированным отечественным правоохранителем, а в каталажку готовы засадить друг дружку и несостоявшиеся любовники, и обнищавшие торговцы. Никакого воображения – всё как в жизни!

Скелет повести (или всё-таки романа?) пирамидален. Создатели реального «МММ» девяностых – хорошие учителя. Потому и в орбиту действия вовлекаются всё новые лица. А его развитие – по классической спирали: от простого к сложному. Но спиралевидная пирамидка, оказывается, перевёрнута – «концлагерь»-то растёт вглубь, в толщу Земли. И, благодаря высокой поддержке «сверху», прирастает бесконечными нижними этажами. А насколько глубоко можно «закопаться»? Неужели, как бурильщики многокилометровой скважины в районе Мурманска? Пока не услышать адские (в прямом и переносном значении) стоны и вопли? Упаси, Боже от такой перспективы! Но скважину бурить прекратили, да и остроумный лагерный эксперимент делания из бобов валюты, вроде бы, пока прикрыли. Значит, теплится ещё надежда на светлое будущее (какое по счёту?).

В повести мы вновь увидим «непотопляемых» героев (героинь), кочующих в поисках лучшей

(на их взгляд) доли, из предыдущих произведений авторов. Может, под теми же именами (Солдатов), а может, и под другими (Прокопыч). Есть герои и новые. Причём, некоторые вызывают даже очень острый интерес, учитывая беспокойное для человечества время. Вот только и их страсти всё те же, они стары как мир. Ревность, измена, месть, подлость, предательство. Нет, среди них возможны даже дружба и любовь, но... часто в кавычках. Так уж устроен мир – что одному в кайф, другому смерти подобно.

А судят ли персонажей авторы? Наверное, нет. И правильно. Ведь каждый подсвечен изнутри. Снаружи-то мы все вполне благопристойны. Вот только, если заглянем в себя, разве мы с героями повести в чём-то не похожи? Ещё как похожи!

Следует отметить, что сочный, насыщенный неожиданными оборотами язык повествования пытается втиснуть в прокрустово ложе текста неоднозначную суть мироздания, критически-юмористические взгляды на прожектёрские гипотезы усовершенствования мира и многочисленную бытовуху квази-олигархического разлива. Для этого используются различные понятийные словосочетания, в том числе иноязычные, не всегда дешифруемые даже словарями. Хотя уж тут-то Гугл нам в помощь! По большому счёту, это отнюдь и не недостаток. Кто захочет вдумчиво вникнуть в многочисленные аллюзии и намёки авторов, в итоге не пожалеет о потраченном времени.

Казалось бы, действие «Касаний» происходит по всему миру: и в родном городе, и за границей. Но (о, прогресс!) легко адаптируется он к одной небольшой сценической площадке. Оказываются, действующие лица и исполнители могут быть как реальными, так и виртуальными. Характерный и характерный переклик с древнерусским фольклором: три девицы под окном (Лора, Вика, Полина). Только из этих трёх в данной точке пространства присутствуют две голограммы, оригиналы которых находятся в разных частях света – такое раньше было возможно лишь в сказках. А теперь – посмотрите: реальность, да ещё какая! Мир сузился – не намёк ли это на близкую точку невозврата? Особенно, если вспомнить про бурильщиков Кольской скважины. Но ведь на то и рождены мы, чтоб сказку сделать былью. Да?

В целом повесть «Тайные касания Ариады» своей невероятной парадоксальностью сюжета, гигабайтами информации, остроумнейшим срезом человеческих взаимоотношений может заинтересовать различные (и, не в последнюю очередь, молодёжную) читательские аудитории. И может быть, хоть и нетрадиционной, но всё же познаваемостью самих себя. А в подобном познании пределов вообще не существует. Потому пожелаем Галине Соколовой и Элле Мазько радовать нас и дальше своими творческими открытиями!

*Гарри Перельдик,
член Межрегионального союза писателей Украины*

СОДЕРЖАНИЕ

Касание первое (Что было). Отважные на Отважных	3
Касание второе (Что будет). Бремя денге	81
Касание третье (Чем сердце успокоит). Пятьдесят оттенков Сада	165
Выборочные рецепты из книги Катерины Петровны	232
Г. Перельдик. Лишь после касаний. О книге	243

Літературно-художнє видання

**Галина Соколова и Елла Мазько
«Темні торкання Аріади»**

повість

Редактор: Ірина Дубровська
Коректор: Гаррі Перельдик
Комп'ютерна верстка: Сергій Главацький
Обкладинка: Ніка Усольцева

Підписано до друку 01.04.2021
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура Minion Pro.
Наклад 200 прим. Зам. № 2043

Видавничий дім Дмитра Бураго
ФОП «Бураго Дмитро Сергійович»
Свідоцтво про внесення до державного реєстру
ДК № 4558 від 05.06.2013 р.
04080, Україна, м. Київ-80, а / с 41
Тел. / факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;
e-mail: info@burago.com.ua, site: burago.com.ua